

Алексей Тенчой

**Путешествие
в Шамбалу**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т33

Тенчой, Алексей.

Т33 Путешествие в Шамбалу / Алексей Тенчой. – Москва : Издательство АСТ, 2019. – 320 с. – (Бестселлеры эзотерики).

ISBN 978-5-17-115786-9

Путешествие в Шамбалу – это роман в двух частях о поисках загадочной страны, о путешествии, в котором каждый найдет эту волшебную страну внутри себя. В каждой из частей романа участники событий вынуждены отправиться в нелегкий путь в поисках истины. Несмотря на некоторую фантастичность повествования, каждый читатель найдет черты героев в себе, и, может быть, в жизненных перипетиях читателю будет проще найти опору и цель в жизни.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115786-9

© Тенчой, А.
© ООО «Издательство АСТ»

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. В ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА.....	5
ГЛАВА 1.....	7
Земля. Поселение людей.....	7
За год до рождения звёздного мальчика – Ананды.....	14
Ребёнок, что дороже всех алмазов мира.....	22
Путь, в котором жизнь кажется призрачной и короткой, а горная дорога реальной и бесконечно длинной.....	23
Подмена.....	29
Звёздный воин – Рохан.....	33
Тайная империя колдуна Дугпа-Мары.....	35
Мандыр-Сиддхи спустя год.....	38
Детство и становление колдуна Дугпа-Мары.....	40
Долгожданная встреча Митула и Ситары.....	45
Хранилище душ колдуна Дугпа-Мары.....	50
Призыв к действию.....	55
ГЛАВА 2.....	61
Младенчество Ананды.....	61
Так шли годы.....	67
Миссия монахов Мандыр-Сиддхи.....	71
Спирулина.....	84
ГЛАВА 3.....	93
Медицинский трактат Ананды.....	93
ГЛАВА 4.....	128
Градоначальник Гаруда в пещере колдуньи Шерпа-Цых.....	128
ГЛАВА 5.....	142
Монахи Мандыр-Сиддхи в поселении медоносных пчел Мадхуп.....	142
Борти.....	146

ГЛАВА 6	186
Путешествие в Калапу	186
Вход в запретное царство	204
ГЛАВА 7	210
Калапа	210
Часть II. В НАШЕ ВРЕМЯ	231
ГЛАВА 1	233
Путешествие в долину	233
ГЛАВА 2	238
Община	238
ГЛАВА 3	246
Дети гор	246
ГЛАВА 4	254
Рассказ дедушки Калы	254
ГЛАВА 5	268
Песнь Джанко	268
ГЛАВА 6	272
Моя ночь и новые истории дедушки Калы	272
ГЛАВА 7	282
Лапша, которую едят только ложкой, музыкальный концерт Джиты, чёрный кот и демоны в долине	282
ГЛАВА 8	292
«Вода чистая, Ананда!»	292
ГЛАВА 9	297
Последние наставления дедушки Калы	297
ГЛАВА 10	303
Первые трудности. Выбор спутника	303
ГЛАВА 11	309
Калапа	309

ЧАСТЬ I

**В ДРЕВНИЕ
ВРЕМЕНА**

ГЛАВА 1

Земля. Поселение людей

Тишина стояла над поселением, жители которого под конусными навесами соломенных крыш крепко спали мирным сном, и только назойливый гнус да стрёкот цикад нарушали эту давящую душную тишину. В одной из хижин, стоящей на самой окраине посёлка, не смыкал глаз мудрый старец Оракул-Саду, потому что он знал, что в эту особенную ночь произойдет на земле великое чудо рождения, и ждал, ждал с нетерпением этого волшебного часа, тайну которого ему открыли звезды. Всё его жилище было наполнено тонкими ароматами восточных благовоний. Сам же Оракул-Саду, облачённый в жёлтые одежды, восседаая на своём троне пред домашним алтарем, совершал огненную пуджу.

Он неустанно начитывал мантры и возносил молитвы к Высшим силам, призывая небо ускорить миг, когда спасение для людей в виде рождённого на свет ребёнка будет послано на землю.

— Да простит небо мой народ и мою великую землю, и разверзнется тьма, — громко взывая к Богам, говорил он. — И начертит невидимая рука вершителя судеб новый поворот в книге жизни моего народа, и сойдутся планеты в тайном пересечении линий сво-

их гравитационных полей, и будет послано на землю спасение.

Тёмное ночное небо низко нависло над землёй и закружилось миллиардами звёзд. Они летали по изломанным углами линиям, соединяясь в схематическом рисунке созвездий. И вот, в самую тёмную ночную минуту, небо вдруг озарилось вспышками новых четырёх очень ярких звёзд, сложившихся пересечением своих лучей в крестообразную фигуру. Эта фигура, какое-то время не двигаясь, зависла в таком положении, будто фиксируя его, а потом начала сильно вращаться вокруг своей оси, создавая мощный спиралевидный воздушный поток.

Звёзды сразу закружились в сильном водовороте, и сквозь эту мерцающую мелкими огоньками воронку новые звёзды полетели на землю. Звёздная воронка своим крутящимся и сильно гудящим вихрем накрыла посёлок, и четыре звезды упали на соломенные крыши и, будто пройдя сквозь них, зажгли в домах свет.

Разрезали тишину громкие пронзительные вопли женщин, которым суждено было этой ночью познать материнское счастье. Весь посёлок, разбуженный этим криком, ожил. Перепуганные человеческими возгласами кони заржали, забили копытами, вставая на дыбы, готовые сорваться с привязей. Засуетились, забегали в темноте люди, зажигая промасленные животным жиром и установленные на длинных деревянных рукоятках факелы. Они бежали к жилищам, из которых доносился женский плач, и, будто суровые стражи, выстраиваясь в ряд, застывали у входа, охраняя эти хижины.

Напряжение томительного ожидания рождения детей повисло в воздухе, все ждали этого счастливого момента. Крик четырёх родившихся младенцев разрядил напряжение, и возгласы людского ликования

вместе с проснувшимися солнечными лучами наполнили наступающее утро.

Все уже давно ждали этого напрогноченного Оракулом–Саду дня и долго к нему готовились, запасаясь продуктами для празднования этого особенно в жизни поселения события. Множество костров в одночасье вспыхнули в округе, забили ритуальные бубны, и большие котлы, предназначенные для готовки национальных кушаний, повисли над огнём.

Тут же, приближаясь к центральной площади посёлка быстрыми уверенными шагами, шёл древний, как и род этого племени, шаман. Вид его был устрашающим: белки глаз в мелких кровеносных прожилках, слежавшиеся волосы, будто уже многие годы немытые, висели засаленными чёрными прядями, и в дополнение — старая, потёртая временем одежда подчёркивала его отшельничество и одинокую жизнь в горах. Но сегодня он, как и все жители, был рад рождению малышей и спешил попасть на торжество.

На скрученной, промазанной грязью тростниковой верёвке он волоком тянул за собой привязанных за рога и приготовленных к закланию козлят. Козлята, чувствуя свою погибель, не хотели идти. Они мекали и упирались маленькими копытцами в землю, но под силой натяжения верёвки кое-как всё равно перебирали ножками.

Приблизившись к месту намеченного празднования, шаман остановился, сбросил с плеч верёвку и наматал её на вбитый в землю столб. В руках шамана заблестал острым лезвием стальной кинжал, и жалобное блеянье дополнило звуки просыпающейся деревни. Шаман, гортанно загнусавив напев, значение слов которого было понятно только ему, быстро орудовал ножом. Жертвенные животные были ловко освежёваны, и в их окровавленных шкурах новоис-

печённые матери вынесли на улицу сыновей, чтобы показать их Старейшине.

Босые женщины в обмотке из жёлтых сари и дупатт, держа в руках кровавые свёртки, опустив низко головы и не поднимая глаз, под ликующие крики толпы по очереди подходили к Старейшине, падали перед ним на колени и протягивали ему новорождённых. Старейшина, один суровый взгляд которого заставлял любого мгновенно умолкнуть, внимательно осмотрев детей, подёргав их за ручки и ножки, заглянул каждому в лицо. Когда он осматривал детей, взгляд одного из младенцев настолько захватил его душу и привлёк сознание, что, взглянув в его очи, словно провалился Старейшина в звёздную бездну и улетел сознанием до самых границ вселенной, до самых галактик.

Так он узнал и понял для себя, кто из этих младенцев является звёздным посланником, но виду не подал и ничем не выделил малыша из четырёх, чтобы враги, которые тоже знали о рождении мальчика, не могли понять, где он.

Старейшина, довольно кивнув и пригнувшись к уху своего советника, немногословно, вполголоса провозгласил:

— Великое событие свершилось в эту ночь, соберите совет поселения для решения дальнейшей судьбы этих детей.

Потом он окинул серьёзным взглядом собравшихся на площади людей и улыбнулся. Народ, поймав благосклонную, одобрительную улыбку, загудел, будто пчелиный рой, и большое пиршество, сопровождаемое песнями и плясками, разразилось в этом праздничном дне.

Из этой ликующей толпы незаметной тенью выскользнул маленький юркий человек, который всё это время следил за событиями в посёлке. Он быстро бежал к окраине поселения и, вскочив на лошадь,

поскакал в сторону города, чтобы тайно сообщить о произошедшем.

В этот же день на совет поселения собрались главы родов. Мужчины и женщины парами проходили в овальное глиносоломенное строение, ограждённое высоким плетёным забором и глухо уплотнённое пучками тростника.

Вход в это ограждение открывался только тогда, когда Старейшина собирал совет. Молча, стараясь не нарушать тишины, чуть слышно передвигая ногами по устеленному соломой полу, они проходили внутрь строения. И также бесшумно усаживались в эту солому на пол вокруг пылающего, ограждённого камнем очага.

Под строгим парализующим взглядом Старейшины воцарилась тишина, и он заговорил жёстким, но очень звучным голосом:

— Сегодняшней ночью свершилось предсказание Оракула. После великой войны родился ребёнок, предназначение которого — стать освободителем нашего народа. Как Оракул и предсказывал, это произошло в день, когда планеты встали крестом.

Старейшина сделал паузу, внимательно осмотрев присутствующих.

— Моё решение такое: четверо мальчиков будут воспитаны в горах, и их заберут у родителей сегодня.

Женщины зашептались, но Старейшина ужесточил тон своего голоса:

— Матерям не будет дозволено навещать детей, и знать об их судьбе им более не дано. Мы должны исключить разглашение этой тайны.

Женщины переглядывались между собой. Старейшина, уловив их немые вопросы, тоном, не признающим никакого возражения, продолжил:

— Дети получат лучшее воспитание, лучшую еду.

Он окинул повелительным взором собравшихся людей.

— Главы родов! — обратился он к предводителям семейств. — Вы будете обеспечивать это, даже если меня не станет. Для всех жителей нашего поселения мы объявим, что все четверо детей погибли в пожаре. Вы, главы родов, в ответе за их будущее и должны поклясться, что об этом решении не узнает никто из вашего рода. Только ваши преемники, которые, так же как и вы, должны будут поклясться о неразглашении этой тайны, могут об этом узнать, а также полностью поддерживать этих детей до полного их взросления.

Старейшина взял в руки каменную чашу и, пройдя с ней по кругу, запел мантру:

— Гом рана Гом, Гом рана Гом...

И каждому из присутствующих надрезал слегка запястье, взял по несколько капель крови и, перемешав её в одну массу, плеснул в костёр. Искры от пламени, пожирая человеческую плоть, сильными вспышками взметнулись вверх.

Так, на огне и крови, была дана клятва — сохранить тайну и исполнить волю Старейшины, чего бы это ни стоило.

Весь день в поселении шёл пир, ненасытным пламенем полыхали костры, и люди веселились, праздновали рождение малышей. А ночью начавшийся пожар уничтожил соломенные строения. Горестное утро выло плачем матерей, которые, обезумев от горя, хоронили в закрытых гробах пепел младенцев.

А в это время от посёлка, гаснущего в пепле углей и дымящегося чёрными струйками едкого дыма, в горы уходил небольшой крытый караван гружённых продуктами повозок и повозка, в которой две кормилицы держали на руках младенцев, жадно давящихся грудным молоком, сильно прыскающим в их рот из тёмных мясистых сморщенных сосков.

Через день приехавшие в посёлок военные, посланные градоначальником за детьми, устроили тщательный обыск и допрос всех очевидцев, заплаканных матерей и вскрыли детские могилы, забрав пепел из гробов.

Старейшину пытали перед всем поселением, желая узнать, что скрывает тайна рождения детей, но он молчал, зная, что его жизнь будет отдана за жизнь звёздного посланника, который спасёт их живущий в великих бедах и страданиях народ. Умершего во время пыток Старейшину воины обвязали за ноги длинной веревкой. Его бездыханное тело несколько раз проволокли по посёлку конные всадники.

Главы родов не избегли той же участи. В живых остался только один из глав южного рода поселения, который сопровождал повозку с младенцами, и только это спасло ему жизнь.

Эту священную тайну — о предсказании Оракула и о рождённых детях, о данном Старейшине обещании — он рассказал своему сыну, взяв с него такое же обещание, такую же клятву.

Так волею судьбы получилось, что только в одном роду осталось обязательство помогать детям, которых увозили в горы.

Нешадно палящее солнце вошло в зенит, передвигаться дальше в этой изнуряющей жаре было невозможно. Тяжелогруженные телеги, спрятанные в горных тенистых перевалах, чтобы продолжить свой дальнейший путь, ждали того часа, когда солнечный шар закатится за горную гряду и вместе с опустившейся тьмой придёт в горы долгожданная прохлада.

Измученные дорогой дети плакали, и кормилицы, потряхивая подвешенные на них билумы в надежде успокоить младенцев, затыкали их рты сочащейся грудью, обтирали нежные детские тельца влажными тряпичками и отгоняли от малышей крупными листьями

растений назойливую мошкарю. Слезы страха, боли и безысходности душили и сжимали их горло, так как с высоты горной местности, где они сейчас находились в своём укрытии, им были видны чёрные клубы дыма, взметнувшиеся в небо над их бывшим поселением.

Старец Оракул-Саду, который и предрёк появление этого дитя, тоже контролировал путь каравана, в дороге ориентируясь на звёзды. Понимая всю сложность ситуации, он резко и, может быть, даже грубо, в не свойственной ему манере, приказал женщинам:

— Уберите свои эмоции, излишние слёзы могут способствовать перегоранию грудного молока, а путь, который мы должны пройти, — опасный, длинный и очень непростой. Ваши жизни без жизни вверенных вам для вскармливания младенцев ничего не стоят. И если одна из вас не уберёжёт младенца, я сам лично вырву ей сердце.

Женщины, слушая такую суровую речь, плотнее прижали к себе детей.

Оракул-Саду подошёл к каждой женщине и проверил состояние мальчиков, а также без лишнего стеснения осмотрел и ощупал женские груди, сильно сдавливая и дёргая за соски, проверил наличие в них молока. Жирные струйки брызнули ему на одежду.

Старец довольно улыбнулся и одобряюще похлопал широкой сморщенной шершавой ладонью по плечу одну из кормилиц:

— Всё, на чём вам нужно сосредоточиться сейчас, — продолжил он своё пояснение, — это сохранность и здоровье детей.

Женщины покорно кивали ему в ответ.

За год до рождения звёздного мальчика — Ананды

Ночь была очень тёмной и звёздной. Большая полная молочного цвета луна выползла и повисла на не-

босклоне. Лунная дорожка потянулась длинной серебрястой лентой и скользнула в маленькое оконце домика, высветив укромный закуток в комнате.

Деви спала на плетёном ротанговом сундуке, устланном большими бархатистыми листьями травы, прикрывшись тонким отрезом шёлкового, почти невесомого лоскута. Сон девушки был беспокойным и тревожным, она вертелась и стонала во сне. Её мать, встревоженная состоянием Деви, схожим с состоянием человека в бреду, подошла и положила руку на её лоб. Деви горела. Всё её тело было охвачено жаром. Пожилая Махамеди, запалив масляный фитиль, осветила слабым огоньком лицо дочери. Губы Деви были распухшими, и на них проступали мельчайшими точечками капли крови. Дочь вскрикивала и стонала. Махамеди, откинув с неё тонкое покрывало, увидела, что прямо на её глазах по всему телу Деви рассыпаются такие же кровавые следы.

Она встревоженно побежала в комнату, где крепко спал, отдыхая после трудового дня, её супруг.

— Ашока, проснись, — стала трясти она его за плечи.

Ашока, ничего не понимая, присел на краю постели.

— Что такое случилось? — встревожился он.

— Наша Деви, она тяжело заболела, — взволнованно объяснила Махамеди.

Ашока поднялся, вместе с ней подошёл к Деви и стал смотреть на дочь. Кожная сыпь густо покрыла её шею. Махамеди попыталась разбудить дочь, но та, по-прежнему пребывая в бреду, спала.

Принеся глиняную крынку с водой и плеснув в неё уксус, Махамеди смочила кусок тряпки в уксусном растворе и стала протирать бьющееся в ознобе тело Деви.

В этот миг страшный нечеловеческий крик, похожий на дикий душераздирающий вопль зверя, наполнил их жилище, и с сильной волной ветра некая сгустившаяся субстанция, похожая на тёмный человеческий облик, пронеслась по комнате.

Махамади от охватившего её ужаса тоже закричала и прижалась к груди мужа, ища у него защиты.

Девы, тоже закричав, очнулись ото сна и вскочили с постели.

— Мама, папа, что происходит? — испуганно вскрикнула она.

— Ты, — сказал отец, — больна, — и показал на сыпь, которая так же быстро стала пропадать, как и появилась.

Тревога росла в этой семье и, не понимая, что происходит с их дочерью, Ашока решил показать её Оракулу-Саду. Не теряя ни минуты, он повелел дочери одеться и, погрузив её вместе с Махамади в двухколёсную повозку, взял ишака под уздцы. Девы плакала, так как ей было страшно и она не знала, что же говорить старому и мудрому Оракулу-Саду.

Оракул-Саду не спал и, услышав поскрипывание колёс, вышел из большого круглого глиняного дома им навстречу. Ашока хотел было ему что-то сказать, но серьёзный Оракул-Саду жестом руки показал ему знак молчания. Он сам подошёл к повозке и внимательно посмотрел на женщин, которые под его пристальным взглядом перепуганно вжались в сиденья. Саду протянул свою руку Девы и помог ей сойти на землю. Также молча, держа её за руку, он подвел Девы к дверям своего дома и, оглянувшись на застывших и не понимающих, как им себя вести, родителей, приказал:

— Ей нужно лечение, уходите отсюда, она вернётся в дом сама.

Робкая Девы, сопровождаемая Оракулом-Саду, пошла и остановилась в середине комнаты. Оракул-Са-

ду разложил вокруг неё ритуальные предметы из камней, палочек, костяшек, зажёл свечи и благовония и оставил Деви стоящей в ритуальном кругу. Сам же он воссел на трон напротив и, застыв так, будто окаменел, стал пристально смотреть ей в глаза. Этот взгляд так проникал в сознание Деви, что её голова закружилась. От этого Деви задрожала, её ноги подкосились, и она упала на ковёр, на котором стояла.

Туманный дымок благовоний тихо тянулся, витал над ней и окутывал всё пространство тонкой, мутной дымящейся пеленой, пахнувшей различными пряными ароматами, которые сильно пьянили и кружили голову Деви. Она впадала в состояние, приближённое ко сну. Сгустившийся воздух маревом колыхался над Деви, и в этой меняющей свои формы дымке, будто в переливах хрустального шара, Саду увидел то, что произошло с Деви – самой красивой девушкой их посёлка.

Он увидел её спящей на плетёном коробе в скромном, жалком жилище. Одновременно с этим Оракул Саду слышал монотонно отбиваемый, будто деревянной колотушкой, стук по кожаной мембране барабана и бесконечно повторяющийся ритуальный напев: «Шам-шам, Шаман – Мара, Деви, Мара, шам». Кто-то незримый при помощи ритуала вызывания к себе человеческой души звал Деви. Душа Деви под монотонный звук этого песнопения отделилась от тела и облаченная в самое изысканное, струящееся невестомое сари, увешанная драгоценностями, шла тайком по улицам своего поселения. Вернее, даже не шла, а парила, совсем не касаясь босыми ногами земли, будто плыла, медленно поднимаясь над дорогой, соломенными крышами домов, а потом всё выше и выше в горы, и летела в тайную, невидимую снаружи человеческому глазу пещеру.

Каменная комната больше походила на пещерный грот, нежели на жилое помещение. Тяжёлые массивные плиты, выложенные уступами, служили одновременно и скамьями, и лежанками, и тронотом одному-единственному господину верно на протяжении трёх веков — Дугпа-Мара, чёрному магу, творящему только зло. Козьи шкуры устлали холодные уступы, и головы туров смотрели на Деву со стен, зыряка тёмными пустыми зеницами. Девушка, дрожа, стояла на огромной чёрной шкуре буйвола, застилающей пол. Смертельный страх окутал её. Со всех стен факелы из человеческих черепов вспыхнули огненными глазницами, и лучи этого света соединились на ней, как на центральной точке.

Дугпа-Мара подошел к Деву вплотную и поднёс к её губам чашу из выскобленной черепашки, до краёв наполненную кровью. От одного только взгляда старого колдуна слёзы ручьями потекли по щекам Деву. Дугпа-Мара взял крепкой цепкой рукой девушку за скулы и сжал их, приоткрывая её рот и вливая туда жидкость из черепка. Губы девушки коснулись этой жидкости, и её сознание поплыло. Одним из козких копытцев, которые в изобилии висели на шее как крупное ожерелье, колдун протёр губы Деву и прильнул к ним жадным поцелуем так, что капельки крови выступили из губ. Деву плавно опустилась в длинный ворс шкуры забитого накануне этой ночи животного, и Дугпа-Мара стал срывать с неё одежды, обнажая прекрасные упругие, в самом соку, девичьи груди. Деву, не имея возможности сопротивляться, стонала и плакала, а он, грубо тиская, покусывая, ласкал её, оставляя на шее следы сильных кровавых подтёков. Когда наступил миг проникновения в неё, Дугпа-Мара, подобно хищному разъярённому зверю, со всей силы вонзился в неё, беспощадно терзая её лоно. Деву кричала. Тонкая струйка крови стекала по вну-

тренней стороне её бедра и алыми бусинками капала на белое сари.

Картинка в дымке сменилась, и Оракул-Саду увидел Деви на её плетёной лежанке мечущейся в бреду, а рядом её взволнованную мать, пытающуюся помочь дочери. Смочив в уксусном растворе тряпку, она стала обтирать тело Деви. Страшный звериный крик разрезал и наполнил пространство. Дугпа-Мара, обожжённый этим раствором, отпрянул в сторону от Деви, а она, очнувшись, бессознательно уцепилась рукой в его ожерелье и оборвала копытце, зажав его в своей ладони. Копытце, которым он стучал в барабан, вызывая к себе её невинную девичью душу.

Оракул-Саду подошёл к спящей Деви и разжал её кулачок. Завладев талисманом, вещью, принадлежащей древнему колдуну, он смог настроиться на его образ и по штреку времени вернуться в прошлое, чтобы узнать о его намерениях. Оракул-Саду был удивлён, узнав в Дугпа-Мара почтенного Раджу, именитого и приближённого к правителю. Он увидел в Радже его второй лик — лик монстра, сидящего в его теле, лик колдуна Дугпа-Мара — и стал, читая над копытцем различные мантры, считать его грязные чёрные мысли. Оракул увидел, как колдун лечит людей, которые, доверяя его мастерству, нескончаемым потоком идут к нему, а Дугпа-Мара заточенным остро алмазом прокалывает кожу человека и берет у него кровь для того, чтобы совершить предсказание и, отталкиваясь от него, дать страждущему необходимое зелье. А на самом деле использовал потом засохшую кровь человека, совершая ритуал для усиления своей энергии и продления своих жизненных сил. Таким образом, взяв кровь у человека, колдун всегда имел возможность черпать из прямого источника жизненную силу, и от этого росла его магическая сила. Дом колдуна был хоть и сер, но богато уставлен сундуками

с золотом и драгоценными камнями, которые ему щедро жертвовал правитель за то, что он управляет духами стихий, оберегая его земли. А на самом деле колдун сам мог наносить астральные энергетические удары, а для всех говорил, что духи неба покорились и служат ему.

Кадры в дымке менялись, Оракул-Саду видел колдуна в различных масках чудовищ. В таком виде колдун предстал перед всеми, но никто никогда не видел и не знал его лица. Он шёл по улице в определённой красочной маске, и все расступались перед ним. Все знали и боялись — вот он, чёрный маг идёт. Но Саду увидел, что при этом колдун в образе Раджи спокойно выходит в город в своём обычном виде, через тайную дверь, и также возвращается домой через неё — то есть ведёт двойную жизнь. И в таких случаях никто не ведал и не догадывался, что перед ними маг. Оракул-Саду из своих видений узнал ещё одну чудовищную весть: колдун ночами в образе Дугпа-Мару, занимаясь астральным сексом с наикрасивейшими женщинами селений, сеет в них своё семя, и женщины рожают детей, наделённых тёмной магической силой, и по сути — это дети Дугпа-Мару. Тем самым Дугпа-Мара создаёт своё тёмное войско, которое интенсивно растёт, и именно от этих тёмных сил происходят все беды, несчастья, войны у его народа.

Девы спала, а Оракул-Саду ещё долго, застыв на своём троне, сидел и обдумывал происходящее. Если не предпринять меры, ещё один отпрыск из семени Дугпа-Мару пополнит войско чёрных воинов. И Оракул-Саду, также на астральном плане, занялся сексом с Девы, чтобы нейтрализовать чёрное семя колдуна. Девы, охваченная страстью от жадных ласк Оракула-Саду, стонала и бредила, как и в начале этой ночи. А потом Оракул-Саду взмолился Богам, вымаливая прощения для себя, а для Девы — светлого ре-

бѣнка. И через молитвы Оракула-Саду и открытый астральным сексом фрактал вошла во чрево Деви душа младенца из высших сфер. Таким образом, теперь Деви носила ребѣнка, наделѣнного высшими силами чѣрной и белой сторон — звѣздного ребѣнка. И этот младенец, посланный Богами, теперь придѣт на землю, чтобы уравновесить эти стороны.

В наступившем дне Оракул-Саду призвал к себе на совет Старейшину.

— Послушай меня, уважаемый человек, — обратился к нему Оракул-Саду. — Боги снизошли к Деви, сделав её полубогиней, так как она теперь беременна звѣздным ребѣнком, который родится в скрещении планет и будет спасителем нашего народа. Необходимо обеспечить Деви хорошую охрану и достойное пропитание. Но то, что ребѣнок наделѣн такой огромной силой, мы должны сохранить в тайне, — предупредил он Старейшину.

Этим же днем Старейшина прислал за Деви запряжѣнных в телегу коней, и она благополучно вернулась домой, где её уже ждали родители.

Колдун Дугпа-Мара сидел у себя в жилище и, боясь быть разоблачѣнным, кидал кости, всматриваясь в их хитрое сложение. Посредством гадания на костях он заглянул в будущее и узнал о необычной беременности Деви. Таким образом, будущий младенец стал представлять собой сильнейшую опасность для Дугпа-Мары, так как был, даже будучи в утробе, по своим эманациям намного мощнее его и, соответственно, имел такую силу, которая может его, колдуна Дугпа-Мару, погубить. И когда он это понял, то единственной его целью стало похищение малыша, так как, завладев его формой, колдун мог приобрести бессмертие. Потому что душа этого ребѣнка, пришедшая из звѣздных сфер, несла в себе великие духовные и мистические знания, которые могут дать всем лю-

дям — или тому, кто завладеет этой душой, — такое просветление сознания, способствующее усилению вибраций планеты, благодаря которому обладатель этой души получит возможность управлять всей цивилизацией. Получив этого младенца и завладев его формой, любой может стать царём, возвыситься над бренным миром, получить сверхзнания и властвовать над душами как живших ранее, так и живущих в данном отрезке времени.

Когда колдун Дугпа-Мара осознал всё происходящее, он отправился к правителю:

— Мой Господин, — обратился к нему колдун. — Я хочу вам рассказать о видении, пришедшем ко мне этой ночью.

— Слушаю тебя, — ответил ему градоначальник.

Поведал тогда Дугпа-Мара правителю своё ложное знание о рождении младенца и убедил его в том, что от этого ребёнка будет исходить такое сильнейшее зло, которое угрожает правителю опасностью. Поэтому младенца надо изъять у роженицы живым, чтобы при помощи колдовского ритуала увеличить силу, власть и мощь правителя. Испуганный таким предсказанием правитель снарядил и выделил Дугпа-Маре войско, чтобы, во что бы то ни стало, добыть это дитя. Щедро вознаградил правитель колдуна за такое предупреждение и полностью доверился ему.

Ребёнок, что дороже всех алмазов мира

Оракул-Саду знал, что Дугпа-Мара охотится на малыша, и поэтому тоже не дремал, а призывал все чудодейственные силы из звёздных измерений. Небо, услышав его мольбы, запутало звёздную паутину над домом колдуна, и в чудесную ночь рождения малыша колдун не узрел из своего окна долгожданного скре-

щения планет, тем самым пропустив момент появления ребёнка на свет, и — опоздал.

Разъярённое чёрное войско ворвалось в поселение ранним утром следующего дня. В чуть брезжащем рассвете воины искали следы ребёнка, неистово допрашивая ничего не понимающих жителей и матерей, горько рыдающих над своей утратой. Ничего не добившись, воины безжалостно казнили всех. Всё, что удалось им добыть от этого зверского налёта, — это был пепел младенцев, и вместе с крохотными гробиками они повезли его колдуну.

Дугпа-Мара скрестил магические кристаллы над кучкой золы, плеснул в неё из ритуального черепка кровь, размешал длинной трубчатой косточкой эту смесь и стал призывать в помощь демонов чёрных знаний. Словно сильный ветер пронёсся в помещении и поднял клубами пепел, и Дугпа-Мара увидел в нём пыль, выбиваемую конскими копытами, и удаляющуюся в горы повозку, увозившую детей.

**Путь, в котором жизнь кажется призрачной
и короткой, а горная дорога
реальной и бесконечно длинной**

Старец Оракул-Саду разговаривал с женщинами так, будто пред ним были не женщины, а воины.

— Помощи нам ждать не от кого, и вы должны научиться преодолевать страх, вырасти своим уровнем сознания, стать выше этой ситуации, подняться над ней.

Он суровым взглядом окинул несчастных женщин. Они, ещё до конца не осознавшие происходящее, тихо плакали.

— С этой минуты, минуты осознания, вы больше не женщины, вы — борцы за сохранность этих детей. Нам всем вместе сейчас надо, приняв эту данность, пережить, перешагнуть все эти трудности, и, даже

если ради сохранности этих детей встанет вопрос потери собственной жизни, это надо принять как самопожертвование во имя спасения нашего народа.

Вдруг старец, насторожившись, повёл указательным пальцем по воздуху, давая всем понять, что необходимо соблюсти тишину. Цокот конских копыт и голоса воинов донеслись издалека. Оракул достал из сумки козью шкуру. Это была одна из тех самых шкур, в которые укутали при рождении младенцев. Он быстро постелил её на каменистую почву. Затем вынул из-за пояса кости, разложил их на шкуре, капнул заранее приготовленные масла на середину шкуры и произнёс заклинание. Масляное пятно пошло рябью, затем на нём появилось изображение чёрного войска. Во главе войска был сам колдун Дугпа-Мара. Колдун пришпорил рысаков и направил их по следам беглецов. Оракул-Саду знал, что в этой погоне им нужно ждать, пока Ананде не исполнится сорок дней, и тогда у него включится сила, и проснётся мощная энергия, проявятся сверхспособности, которыми он, даже будучи грудным младенцем, уже сумеет управлять и сможет закрыть от сторонних глаз себя и весь отряд.

— Быстро все зайдите в пещерный грот, — скомандовал Оракул-Саду. — Чёрные воины ищут младенцев.

Никто не прекословил, понимая приближение опасности, и, не нарушая тишины, женщины с детьми на руках зашли в пещеру. Все действовали тихо и слаженно. Оракул-Саду рассыпал из своего кисета по прилегающей дороге какую-то смесь из сбора трав, измельчённых в порошок. Подошел к младенцам и смочил маленькие скрученные тряпицы, опустив их в склянку с маковым взваром, приказал кормилицам дать их сосать малышам, чтобы те, крепко уснув, не выдали их пребывания в недрах горы своим плачем. Всех остальных Саду заклинаниями погрузил

в глубокий сон, схожий с длительной медитацией. Такие действия Саду предпринял для того, чтобы экономить в течение сорока дней запасы еды и воды, так как принял решение отсидеться в этом гроте сорок дней. Только кормилицы, которым больше всех хотелось уснуть, были вынуждены вместе с Оракулом-Саду бодрствовать и следить за малышами. Оракул-Саду ни на мгновение не терял контроля над ситуацией, творил энергетические завесы над входом в пещеру и путал, путал своими мантрами путь врага.

Женщины сидели тихо в пещере и слышали, как рядом раздавался лай собак, как скакали кони и как гневно кричал разъярённый Дугпа-Мара:

— Они здесь! Я вижу их здесь, их надо искать здесь!

Но собаки, вдохнув запах раскиданных трав, утратили свой нюх, а воины, одурманенные напущенными на них заклинаниями, которые непрерывно творил Оракул-Саду, ходили по кругу, постоянно возвращаясь в одно и то же место.

Прошло сорок дней. Пещера осветилась солнечным светом, и введенные в транс люди стали просыпаться. Оракул-Саду впервые за много дней улыбнулся, отныне они спасены. Он ощутил, как мощная энергетическая завеса образовалась вокруг пещеры. И они все спокойно вышли на солнечный свет и невидимыми прошли подле своих врагов, которые вроде и смотрели в их сторону, но не зрели их.

Так воины, сопровождаемые колдуном Дугпа-Марой, ни с чем вернулись в город.

Правитель неистово орал на колдуна:

— Как ты посмел упустить младенца? Ты сам мне говорил, что мне угрожает опасность, что теперь делать?

Колдун Дугпа-Мара, понимая, что на самом-то деле опасность больше грозит ему, пытался убедить правителя увеличить войско и продолжить поиск ребёнка.

Одновременно он понимал тщетность этого мероприятия, но где-то в глубине своей чёрной огрубевшей и обуглившейся от злости души всё же надеялся оттянуть время, чтобы придумать и создать своему сыну и сыну Оракула-Саду хитрую ловушку.

Караван крытых повозок мирно шёл, приближаясь к монастырю, расположенному в недрах горы Кайлас и названному в честь сверхъестественных сил, способных творить чудеса, — сил, погружающих сознание человека в самую глубокую медитацию для обретения сиддхи. Мандыр-Сиддхи — такое название носил этот монастырь.

Караван с повозками и малышами прибыл в монастырь, который снаружи не был виден простому человеческому глазу и полностью находился внутри горных недр. Вокруг него даже не было никаких троп, которые бы вели к монастырю и тем самым выдавали бы его наличие. О существовании этого монастыря — Мандыр-Сиддхи — знали только немногие, исключительно избранные, посвящённые в тайные знания люди. Оракул-Саду был причислен к этому списку и имел даже свой ключ для входа в монастырь. Он подошёл к отвесной стене и, сняв со своей шеи амулет, сунул его в скрытую меж глыбами камней расщелину. Немного погодя каменная плита с сильным скрежетом отъехала в сторону, освобождая вход.

Им навстречу вышел в светлом шата и тёмном, земляного цвета, коломо настоятель монастыря Лама-Сахель, который телепатически общался с Оракулом-Саду и уже знал, что целью следующего к ним в обитель каравана является сохранность и воспитание малышей, на которых объявил охоту городской правитель. Почему он охотится на этих детей, Ламе-Сахель ещё предстояло выяснить. Лама-Сахель со всеми в своём окружении, а также с вновь прибывшими в монастырь людьми общался молча, не проронив

ни единого слова, не издавая ни единого звука, так как уже на протяжении нескольких лет держал обет молчания. Обменявшись взглядом с Оракулом-Саду, Лама-Сахель приветственно склонился и жестом пригласил прибывших людей пройти внутрь, и они бесшумно, опасаясь нарушить стоящую вокруг тишину, прошли во врата.

Внутреннее устройство монастыря впечатляло гораздо больше, чем вид священной горы Кайлас снаружи. Масштабность сооружения внутри превосходила все представления о такого рода постройках. Монастырь Мандыр-Сиддхи был огромным, как старый, затерянный среди горных вершин и каменоломен древний город, многими веками изо дня в день создаваемый монахами. Пещеры, пещеры, пещеры, которые тянулись без числа по всему внутреннему периметру горы и меж собой, словно улочками, соединялись очень узкими проходами и необыкновенно просторными пролётами тоннелей. По самому центру монастыря Мандыр-Сиддхи, по центру купола, располагался огромный зал. Эти рукотворно выдолбленные в каменистом склоне пещеры специально были созданы так, чтобы в них можно было уединиться практикующим монахам, которые проводили там всё своё время в длительных изнуряющих тренировках, оттачивая различные энергетические техники и мастерство медитаций. Там же, в этих пещерах, были сокрыты от любопытных глаз монахи, которые сумели, усмирив своё эго, достичь состояния нирваны и постигли бесконечно тайные знания, овладев великим контролем над своим умом и телом, и теперь, пребывая в длительной медитации, совершали многолетней тёмный ретрит. Среди этих монахов были и такие, которые путешествовали душой в других астральных измерениях уже более сотни лет. Великие спящие монахи, однажды погрузившие

своё тело в транс, сознанием путешествовали во вселенной, напитывая свой ум масштабными знаниями, чтобы, однажды проснувшись, когда придет звёздный знак, осуществить великую миссию по спасению человечества.

Лама-Сахель подошёл к детям, крепко спавшим в билумах, и стал осматривать их, чтобы понять, что же в них особенного и почему они подвергаются гонениям и прячутся в стенах монастыря. Внимательно осмотрев трех мальчиков, он не обнаружил ничего особо выдающегося.

— Самые обыкновенные дети, — подумал он.

Лама-Сахель, так же не ожидая увидеть что-то особенное, подошёл к кормилице, что держала на руках Ананду, и, отогнув угол тряпичного лоскута, прикрывающего ребёнка, посмотрел в его глаза. И что, что это? Лама-Сахель поймал струящийся из глаз младенца телепатический луч и услышал в своей голове его совсем не по-детски поставленный голос, вызвавший дрожь:

— Слабый сильного не учит, уважаемый Лама-Сахель.

Лама-Сахель от неожиданности отпрянул на шаг и бросил свой взгляд на Оракула-Саду. Оракул-Саду слегка кивнул. Лама-Сахель и без этого жеста уже понял, что к нему в монастырь прибыл наисильнейший за всё время существования Мандыр-Сиддхи ученик, и неизвестно ещё, кто у кого и чему должен будет теперь поучиться.

Поняв это, Лама-Сахель напрягся всем телом, почтенно склонился, сложив руки спереди, и телепатически ответил малышу:

— Приветствую тебя, Сильнейший из Сильнейших, Звёздный воин Ананда!

Все монахи, которые присутствовали при этой встрече, видя это, так же преклонились пред младенцем.

В это мгновение потоки струящегося воздуха наполнили пространство. Оракул-Саду и Лама-Сахель увидели колышущиеся дымки душ спящих монахов, которые влетали в монастырь, просачиваясь сквозь каменные стены. Они так же, как и все присутствующие здесь, преклонились, приветствуя Ананду. И мгновенно всё нутро горы ожило, наполняясь звуками молитвенных барабанов, которые закрутились сами по себе, знаменуя возвращение к жизни великих спящих монахов и приветствуя звёздного воина справедливости — Ананду.

Женщинам с детьми в этом монастыре отвели комнаты в самом дальнем крыле.

Когда их сопровождали туда, их путь лежал через центральный, находящийся под самым куполом горы, зал. От представшей пред ними красоты женщины замерли. В центре зала, на высокой мраморной резной подставке, был установлен огромный, небывалых размеров алмаз.

— Быть такого не может, — ошарашенно прошептала Лакшми.

Очарованная этой красотой, она, не отрывая глаз, смотрела на массивное, размером с каменную глыбу сокровище, из-под которого бил водопад чистой минеральной воды. От алмаза исходил свет, отражался от воды и покрытых слюдой стен так, что всё вокруг мерцало и переливалось всеми цветами радуги. И было так там светло — светлее самого солнечного дня.

Подмена

Необыкновенно высокий, даже, может быть, самый высокий на всей планете, упирающийся в небо купол этой горы, тоже пронизанный яркими, отбрасываемыми от алмаза бликами, — будто светился изнутри. Днём этого было почти не видно, но, когда на-

ступала ночь, гора источала свет. И тогда таинственная вершина горы обретала и без того мистически глянцевою полированную поверхность, отражающую свечение. Грани поверхности горели зеркальной гладью и завораживающим светом и были видны издалека. В ночи могло показаться, будто это огонь маяка светит вдали, возвышаясь над тёмной грядой высоко поднимающихся гор.

За века существования монастыря Мандыр-Сиддхи подземные воды, бьющие в недрах горы, были все облагорожены и имели вид искусственно созданных водопадов, рядом с которыми прорастало множество густо насаженных плодоносящих растений, грибы, ягоды и всевозможные зелень, корнеплоды и фрукты... Растениям этим совсем не нужна была почва, так как мелкие пузырьки бурлящих вод создавали эффект гидропоники, и зелень, и плоды, выращенные в такой среде, обогретые светом, отражаемым от купола, были необыкновенно сочными и сохраняли все свои вкусовые и питательные свойства. Весь этот сад наполняли своим залиvistым пением самые красивые дивные птицы, летали бабочки и ползали жучки. Внутри горный оазис, созданный людьми, напоминал собой благоухающий цветущий рай, рай посвящённых монахов монастыря Мандыр-Сиддхи. Монахи, находившиеся на обучении в монастыре, сами ухаживали за этой плантацией, и, таким образом, монастырь Мандыр-Сиддхи находился на самообеспечении провизией.

Вновь прибывшие в монастырь женщины и дети после своего изнурительного путешествия отдыхали, а внутренняя жизнь монастыря протекала дальше в спокойном и отлаженном режиме.

В тёмной пещере, куда еле видимый свет сочился сквозь щели в камне, молодой, двадцати пяти лет от роду, монах Рохан совершенствовал духовное вос-

хождение, позволяющее ему, практикующему сиддхи, освоить невероятные способности и выйти за возможные пределы тела, познав тайные знания восхождения духа над бранным земным существом.

Рохан в самой распространённой асане лотоса делал ряд дыхательных упражнений и управлял своим сознанием, осваивал левитацию и, повиснув в воздухе, вышел из тела, находился душою с ним рядом и наблюдал со стороны.

Лакшми, уже отдохнувшая и набравшаяся сил, гуляла с Анандой в отведённом им крыле монастыря, переходя из тоннеля в тоннель. Одной рукой она покачивала Ананду, удерживая малыша у груди, а другой срывала ягоды, которые в этом монастыре росли повсюду. Она так увлеклась созерцанием окружающей растительности и процессом поедания ягод, что перепутала ходы и зашла в тоннель, в который ей путь был запрещён. О том, что она идёт не той дорогой, Лакшми поняла не сразу, а только тогда, когда вдоль стен потянулись тёмные входы в сокрытые пещеры. Лакшми растерянно застыла, думая, где же она свернула не туда. Ей бы, не раздумывая, пойти обратно, но сильное женское любопытство так охватило Лакшми, что она, не удержавшись, заглянула в одну из пещер и сильно удивилась тому, что увидела. В полутьме тело молодого монаха, возвышаясь над каменистым широким уступом, висело в воздухе. Лакшми, забыв, что в её ладони находятся несъеденные ягодки, чтобы не закричать, прикрыла рукой рот, и несколько спелых плодов просыпались на пол. Она ещё больше испугалась быть разоблачённой, понимая, что наличие на полу ягод выдаст её и, положив ребенка на тот же уступ, над которым завис монах, стала собирать их.

Ананда, оказавшись на одном уступе с Роханом, притих и замер, принимая информацию из вселен-

ной. Эпифиз мозга Ананды усиленно функционировал, и вибрации волн мозга возрастали. И в этом маленьком теле, в этой младенческой головке, мгновенно созрел план. Молниеносно душа Ананды вылетела из его тела и подселилась в свободную форму монаха Рохана. Тело, ещё мгновение назад висевшее в воздухе, тяжело бухнулось на каменную плиту.

От неожиданности Лакшми вскрикнула и, скорее схватив младенца, побежала с ним в своё крыло. Рохан, ещё до конца не осознав ситуацию, но уже поняв, что в свою форму ему не вернуться, полетел за Лакшми и вошёл духом в Ананду, надеясь потом совершить подмену в своё тело. Будучи в теле младенца и не умея выразить свои эмоции другим языком, он сильно, истерически плакал, но также одновременно с этим осознал, что ослаб своими членами и выход из тела Ананды ему уже не удастся.

Перепуганная Лакшми, не понимая, почему мальчик закатывается в плаче, ещё сильнее трясла младенца и затыкала его рот сморщенным тёмным соском. Неприятно сладкое молоко текло в рот Рохана. Лакшми была далеко не красавица, и вид хорошо потрёпанной обвисшей груди и противного на вкус её содержимого доводил Рохана до тошноты, до срыгивания. Он истошно кричал и вырывался из рук кормилицы. Вторая, более старшая по возрасту и по мастерству, кормилица — Мандури — подросла на помощь Лакшми и, взяв в руки младенца, попробовала его успокоить, потрясывая его и напевая колыбельный напев. Рохан в теле Ананды ещё сильнее плакал. Тогда Мандури туго спеленала ему руки и ноги и, двумя пальцами зажав ему носик, ловким движением всё же засунула ему в рот сосок и стала сдавливать рукой свою грудь, усиливая в ней поток молока. Рохан в безысходности только успевал, раздувая пухленькие щечки, чмокать губами и большими глотками прогла-

тивать быстро наполняющие рот молочные струи, такие же быстрые и сильные, как слёзы, ручьём ка-тящиеся по его лицу. При этом Рохан в теле Ананды почти терял сознание и терял сам себя в этом маленьком беспомощном теле. Голова младенца сильно кружилась, сознание плыло, и он крепко уснул спасительным долгим сном.

Потом довольная собой Мандури, когда Рохан очнулся ото сна в этой ужасающей реальности, ещё много раз на нём продемонстрировала Лакшми, как следует обращаться с малышом в такие моменты, когда он заходится плачем. И Лакшми под её контролем несколько раз подмывала малыша, вставляла ему в задний проход корешок какой-то травы, вызывающей стул, пеленала его и ловко засовывала ему в рот ненавистную грудь.

Звёздный воин — Рохан

Оказавшись в теле Рохана, Ананда осмотрелся в тёмной пещере. Он, продолжая сидеть в тишине, думал о том, что предпринять дальше: отныне его имя — Рохан! И теперь он, Рохан, обладающий не только гигантским духом, великими знаниями, но и превосходным мускулистым телом воина, встанет на защиту своего народа, обессиленного давлением колдуна Дугпа-Мары, и вернёт на их земли справедливость.

— Я, Ананда... — он осёкся и поправил себя: — Я, Рохан, звёздный воин справедливости, спасу тебя, святая земля моих предков!

Поудобнее усевшись на каменный уступ, он скрутил ноги в лотос, ещё раз окинул взором окружающее пространство и застыл, погружаясь сознанием в медитацию, душа его направилась в логово старого колдуна, чтобы вызнать его тайные намерения. Получилось так, что Ананда путешествовал во времени, сквозь дни и года несло его в тот день и час, когда

к его народу пришла беда и люди стали, теряя рассудок, уходить в горы и пропадать там без вести. Сначала предположили, что внезапно исчезнувшие люди погибают в суровых горах, попав в лапы хищников, но это происходило с такой частотой, что заставило старейшин поселений усомниться в этой версии, и были созданы отряды, отправившиеся на поиски их следов. Но и эти группы людей также без вести канули в неизвестность. Страх рос в народе и одновременно сплотил его. Свои глиняные дома люди стали возводить почти вплотную друг к другу, и они напоминали своим видом длинную крепость.

Потом Рохан увидел, как старый колдун потерял покой, стал нервным, раздражённым, и ощутил слабость и затуманенность мыслей. И стали колдуну Дугпа-Маре сниться сны-кошмары, в которых его преследовали сущности. И считал Дугпа-Мара, что таким образом, через язык сновидений, он получает знамение — предупреждение о приближающейся к нему опасности.

Рохан так и продолжал, замерев, сидеть в тёмной пещере на холодном каменном уступе уже вторую неделю, погружённый в глубокую медитацию. Он своим прозорливым сознанием просматривал жизнь колдуна Дугпа-Мары, который уже вошёл в такое бесчинство, в такое беспредельное состояние вседозволенности, что творил с людьми всё, что хотел. Колдун не считал людей совершенным творением высших сил, наделённых бессмертной душой, а видел в них только рабочую силу и поработал их физические тела, овладевая духом, для того чтобы они трудились на него.

И теперь он, Рохан — Звёздный воин справедливости — должен внести равновесие между тёмными и светлыми мирами. Должен, должен Рохан силой своих светлых знаний не только обезоружить старо-

го колдуна Дугпа-Мару, но и нейтрализовать его чары воздействия на людей. Людей из его многострадального народа, которых в каменоломнях чёрного мага было бесчисленное множество. И вернуть в их тела души, освободить людей из поселений от чар колдуна. Ведь в опустевших домах отчаявшиеся родные уже давно оплакали их и отпустили даже мысль о встрече со своими любимыми мужьями, женами, отцами, матерями, сынами и дочерями...

Тайная империя колдуна Дугпа-Мары

Это началось давно, почти три сотни лет назад, когда потерявшегося в горах ребёнка подобрал старый отшельник Митул, изгнанный из своего селения за ужасную неизлечимую болезнь. Народ побоялся быть заражённым от него и, кидая в мужчину камни, гнал его подальше от своего селения. Побитый камнями, весь в ушибах и ссадинах, в кровавых подтёках на ободранной одежде он, спрятавшись в горной расщелине, горько плакал от обиды, утирая и размазывая слёзы по своему лицу серой войлочной шапкой. Никто, даже из его родных, не кинулся ему на помощь.

Так, в страхе и одиночестве, шёл его первый день в горах, потом другой, третий... Ждал, ждал он своей неминуемой смерти и боялся умирать. День сменял ночь, а он всё ещё живой ворочался с боку на бок на холодном полу и не умирал, только всё сильнее в сведённом желудке да урчащих кишках ощущал голод и сильную расслабленность тела.

Митул с трудом поднялся, кое-как дотянулся до поросшей плесенью стены и сорвал с неё гриб, поднёс его к носу, понюхал, а потом с жадностью стал долго жевать его. Тёплые волны разливались по телу, и красочные сны, в которые он мгновенно погрузился, бы-

ли нереально правдоподобными. В них Митул видел себя здоровым, счастливым и полным сил.

Когда он проснулся, никакой усталости и боли в членах больше не ощущал. Он впервые за последние дни сладко потянулся, размял затёкшие кости и отправился в горы добывать себе пропитание.

Так и стал жить Митул отшельником в горах, далеко от родного народа.

Его лик день ото дня приобретал грозный, хищный, злостный вид, так как на его лице сильно отразилась обида и ненависть к жизни. Он ненавидел жизнь в том проявлении, в котором она досталась ему. Всею своей обиженной, оскорблённой душой Митул ненавидел народ, который изгнал его, обрекая на страдания и мучительную гибель. Народ, который, вместо того чтобы помочь излечиться от недуга, отрёкся от него. И ненавидел Митул тех, кто теперь жил лучше его, счастливей его, имел свой дом, кров, свою постель, и тискал каждую ночь свою женщину, и пополнял в этих объятиях численность своего рода, держал в своих руках замечательных сыновей и умилялся улыбками дочерей.

Со временем Митул сжился с этой ненавистью, но сам себе поклялся отомстить народу, сотворившему с ним это зло. Митул стал долгими днями и ночами впадать в транс под воздействием странных, растущих на длинных тонких ножках по горной стене грибов. В таком изменённом сознании стал он бывать душой в каком-то другом измерении, общаться там с демонами и черпать оттуда, из этой тёмной пропасти, из этой бездонной бездны, чёрные магические знания.

А потом и ему, Митулу, улыбнулось счастье, когда он в очередной раз, будучи на охоте, наткнулся на мёртвое тело женщины, рядом с которым ползал и тормошил мать, требуя, чтобы она встала, плачу-

щий маленький ребёнок. Митул взял Мару, так он его окрестил, на руки, прижал к себе, как самое дорогое сокровище, и, успокаивая малыша, понёс его в своё логово. Теперь Митулу было ради кого и для кого жить. И знаниями, которыми Митул овладел, он охотно делился с Марой, считая его не только своим преемником знаний, но и своим единственным сыном. Митул считал, что его послали духи, которым он служил. Для Мары он, охотясь, раздобыл шкуру буйвола, которая на протяжении долгих лет служила ему постелью, а также местом, на котором Мара забавлялся игрушками. На этой шкуре у него валялись когти птиц, камни, косточки, которые он с детства раскидывал и видел в них различные картины происходящего, и козьи копытца. Потом, когда Митула не стало, Мара, считавший его своим родителем и скорбевший об этой утрате, в память о нём нанизал эти копытца на толстую, скрученную в несколько шнуров нить и ожерельем повесил на шею. Прикасаясь к ним, Мара всегда ощущал тонкую связь со своим отцом и часто прибегал в своих злодеяниях к его помощи.

Далеко среди горных долин сокрытый от посторонних глаз высокой горной грядой спрятался тайный подземный ход, тянувшийся сквозь горное нутро в мистическую империю колдуна Дугпа-Мары. Там, в основанном ещё при отце городе, и находилось у него хранилище человеческих душ, оберегаемое верными сынами-воинами Дугпа-Мары, к каждому из которых от колдуна тянулись невидимые чёрные энергетические нити управления.

Человеческие же души были посредством колдовских ритуалов заточены в собственные запрограммированные и зомбированные колдуном тела и выполняли самую трудную работу в каменоломнях, вытачивая в тёмных горных скалах большой чёрный город,

который был назван в честь именитого отца колдуна Дугпа-Мары – городом Митул.

Плетёные из длинных кожаных полосок, вымоченных в растворе жгучего перца, батоги свистели в воздухе, рассекая его, и хлёсткими шлепками прилипали к спинам измученных непосильным трудом рабов. Рабы вскрикивали, изгибались от боли и, подгоняемые этими шлепками, из последних сил, падая и вставая, таскали на своих исполосованных в кровь хребтах неподъёмные каменные глыбы, расчищая пространство в горных уступах для комнат. Они, эти порабощённые люди, могли бы вложить в работу свою любовь, своё сердце, но сердце у них спало таким же крепким беспробудным сном, как и сознание, опоённое ядовитыми настойками колдуна. И они, люди, похожие на зомби, уже давно не помнили, кем являются на самом деле и откуда появились в этом страшном городе смерти – Митул.

Сыны Дугпа-Мары слыли семейством недостижимых воинов. Это под их пристальным надзором, под ловкими и опасными, такими быстрыми, как разъярённая молния, движениями рук, беспрестанно гоняющих хлыст, под зорко следящими, сверкающими демоническим огнём глазами, день ото дня всё выше и выше возрастала чёрная стена, складываемая из горного камня и костей не выдержавших такого испытания людей. И возвышался в своём демоническом чёрном величии город Митул.

Мандыр-Сиддхи спустя год

В отличие от своих братьев, которые до сих пор питались молоком кормилиц, Ананда очень быстро научился держать ложку и самостоятельно кушать, без помощи кормилицы. Это спасало его от употребления в пищу грудного молока, к которому он так и не сумел за год привыкнуть. Теперь он питался пи-

щей, которую ему жевала Лакшми. Кормилица души не чаяла в воспитаннике, и все удивлялась:

— Какой смышлёный малыш, этот Ананда!

Больше всего Рохан, заключённый в тельце младенца, будто узник в тёмную тесную клетку, скучал по своему имени. Ему так хотелось, чтобы Лакшми, к которой он за этот год уже привык, нежно назвала его — Рохан. Но Лакшми не ведала о тайных мыслях младенца и, в очередной раз усадив его на молитвенную подушечку, вместо игрушки сунула ему в руку молитвенный барабанчик и помогла Рохану, удерживая его маленький кулачок в своей руке, раскручивать его, разговаривала с ним.

— Ананда, держи крепче, — сжимала она его пальчики на барабанной ручке.

Больше всех малыш Ананда радовался встрече с Роханом, который уже приходил пообщаться с ним. Он склонился пред младенцем на колени низко-низко, опустив к земле голову, и полусёпотом попросил у него прощения, объяснив ему суть сложившейся ситуации.

— Забудь на время, что твоё имя Рохан, — попросил он малыша, — я обещаю вернуть тебя в твоё тело, как только выполню миссию спасения своего народа. Времени ждать до наступления этого часа уже осталось совсем не долго, дорога каждая минута.

И Рохан, внимательно слушая и понимая его, как бы давая своё согласие, с трудом выдавливая детскими губами звуки, произнёс, показывая рукой на себя:

— Ананда!

Рохан — Звёздный воин улыбнулся, и Ананда ткнул на него пальцем

— Рохан, — сказал он.

Так между ними было достигнуто соглашение, и Рохан теперь с чистой совестью пошёл к Ламе-Са-

хелю, чтобы провозгласить ему свои намерения, якобы навеянные ему младенцем Анандой, что он готов принять участие в его воспитании.

Лама видел, как младенец Ананда общался с Роханом, и поэтому никаких сомнений у него не возникло. Кроме того, Лама–Сахель отметил для себя, что Рохан сделал большой скачок в своих знаниях, так как прекрасно сумел изложить свою мысль и свои доводы в телепатической форме. Лама–Сахель одобряюще кивнул.

Детство и становление колдуна Дугпа-Мары

Рохан беспрестанно, наблюдал за колдуном, медитировал, пытался понять его сущность умом, будто ходил за ним по пятам, и наблюдал, наблюдал, наблюдал его жизнь. Изучал его повадки, техники, среду обитания... Ведь, только распознав врага, можно его точно и быстро обезвредить. В голове будто что-то щёлкало, и мысли быстро мелькали, как переворачивающиеся страницы книги жизни Дугпа-Мары.

Митул пытался простить причинивших ему зло людей, возносил мольбы, но у него не получалось. Да и никто из них, если честно, не раскаивался в содеянном и тем более не чувствовал своей вины перед Митулом. А ему хотелось, чтобы люди осознали, чтобы их сердца встрепенулись, чтобы они опомнились — ведь он живой человек, такой же, как и они, а разве можно так с живым было поступить?

Он часто ходил к горному отвесу, с которого был виден его посёлок, и ждал, ждал, что вдалеке замаячит хрупкая женская фигурка его жены. Но все надежды Митула были тщетны. Все эти страдания, с которыми никак не получалось у него справиться, усмирить своё растущее негодование и озлобленность, дали свои плоды, прорастающие в плоть семенами

зла. И тогда движимый жаждой мести Митул принял сговор с тёмными силами.

Стояла морозная ночь. Полная, холодная, будто кусок льда, луна поднялась и повисла над горой, высветив тёмную пещерную дыру. Где-то в предгорье встала в стойку как вкопанная, уперев широкие лапы в скалу, самка степного волка и, взметнув к небу свою морду, взвыла на луну. Её протяжный вой понёсся над просторами гор и, отражаемый эхом, наполнил собой пространство, будто звук камертона, звучащий с такой частотой колебаний, что производил резонансом усиление звуковых волн, и они летели, пронизывая собой всё. И летел над грядой волчий вой, подхватываемый со всех сторон собратьями стаи. Будто вышла на сцену одинокая пианистка, села за рояль, взметнула кистями рук и с размаху опустила их на клавиши, и, вторя ей, заиграл весь оркестр. И зазвучала, завывала, заплакала в ночи волчья симфония.

Дикий страх охватил Митула, он кутался в шкуру и дрожал от холода. А волки выли, и их душераздирающий плач пронзил ужасом тело Митула.

Он, глядя в пустоту стен, взмолился:

— Услышьте меня! — кричал он. — Кто-нибудь, услышьте меня, спасите, помогите мне!

— Я тебя слышу, — послышалась речь, льющаяся из пространства. — Слышу и вижу твои мучения и мольбы. Ты взываешь к свету, но разве не свет погубил тебя?

Митул задумался.

— Кто ты? — жалобно спросил он.

Голос, не давая ему ответа, продолжал:

— А я слышу и знаю, как помочь твоему телу, как помочь окрепнуть твоему духу.

— Как? — спросил Митул.

— У человека есть потребность во что-то верить и кому-то служить. Поверь в меня, и ты обретёшь небывалую силу и власть.

Так и получил Митул запретные знания — знания тёмных сил. Митул всем существом прочувствовал, как в него мощными энергетическими волнами входила эта сила и разливалась по членам. Он видел её тени, слышал смех, сам тоже чему-то смеясь, радовался и ликовал.

Митул будто наполнился внутри себя, вырос своей оболочкой, налился телом. Плечи его стали широкими, спина прямой и лик... Да, посмотрев на своё отражение в воде при лунном свете, он не узнал своего лица. Морщины, проложившие свои глубокие дорожки на лице от горя и пережитого унижения, натянулись, уменьшилось седины, и глаза — они сверкали, очень ярко сверкали неведомым ему ранее огнём, и через их твёрдый, властный и холодный взор тоже полилась, просочилась эта мощная сила.

И Митул, осознав вошедшую в него нечеловеческую мощь, стал просто бесчинствовать, издеваясь над людьми. В недрах своей пещеры он создал лабораторию и там проводил опыты. Всякие травы смешивал, настойки готовил, выращивал какие-то грибы, сушил их, а потом измельчал их в порошок при помощи каменных дощечек, которые сильно в этом трении нагревались, что давало возможность измельчать снадобья в микроскопическую пыльцу. И эти превращенные в порошок споры грибов Митул добавлял в водоёмы, заражая воду.

Также Митул накладывал заклятия на поля с посевами. Эти заклятия приходили к нему извне, оформлялись в слова, приобретая определённую смысловую формулу, и летели наговорами из быстро шевелящихся губ. И неслись проклятия, достигая своей магической цели, и люди, которые пили потом эту

воду и потребляли плоды природы, становились умами лишёнными и слышали некий глас, зовущий их. И ведомые этим зовом шли они далеко в горы, как зомби, шли в лапы к колдуну, таким образом, попадая к нему в рабство, прямоком на каменоломни. Такую жестокую месть для народа придумал Митул и гордился своей выдумкой.

— Пусть люди, изгнавшие меня из глиняной мазанки, — часто говаривал он Маре, — разлучившие меня с моей семьёй и жаждущие моей смерти, теперь сами, своими руками, ценой своих собственных жизней выстроят для меня город. Мой город, город МИТУЛ.

Митул даже сам для себя решил, что несчастная погибшая мать Мары, так же как и он, была с дитём на руках безжалостно изгнана из общины и, не сумев прокормиться в горах, сгинула, оставив погибать маленького Мару. Эту версию и внушал Митул подрастающему Маре. И взрастил он его злым, заставив впитать это зло, посеял в сердце ребёнка жажду мести, тем самым вытравив в детской душе всё светлое, что могло в ней только быть, стёр всё хорошее из его генетической памяти и заполнил образовавшуюся пустоту тёмными знаниями. И душа Мары почернела.

И стал Мара помогать отцу, тоже творить бесчинства над людьми. Но он был уже нового, более совершенного поколения, и у него очень хорошо получалось производить энергетические воздействия на человека. Мара создавал астральных существ и направлял их на племена. От таких действий юного мага, так его уже можно было назвать, люди становились бесноватыми, их поведение становилось неадекватным, их преследовали галлюцинации, они кричали, рвали на себе волосы и одежду, психика срывалась полностью, и шло вымирание, вырождение рода. Их моральное состояние выходило из-под контроля. И была гора за перевалом, чёрная гора,

куда все боялись ходить, в её сторону даже боялись смотреть, потому что именно на эту гору шли обезумевшие, и за её перевалом пропадали без вести люди.

Но не все, кто пил эту воду, становились зомбированными. Некоторые люди, к великому разочарованию колдуна, под его влияние не попадали, так как их духовность была очень высокой и противостояла колдовству Митула и его преемника Мары. Мало того, такие люди своим даром веры и убеждения могли удержать рядом близкого человека и уберечь его от колдовского воздействия — другими словами, противостоять колдовским чарам. Это сильно злило и раздражало Митула, и они вместе с Марой ещё больше совершенствовали колдовское мастерство, оттачивая свои техники воздействия на психику человека.

Подневольных людей в каменоломнях становилось всё больше, за ними требовался надзор, с которым пока ещё справлялся Мара, но Митулу нужны были свои люди, своё войско, и тогда он стал витающим духом приходить в селение к женщинам и заниматься с ними астральным сексом, оплодотворяя их. И стали рождаться в селениях странные дети, наделённые сверхспособностями. Внешне они были обычными людьми, но главным их отличием был едва заметно раздвоённый кончик языка, который они высывали, будто черпали им информацию извне. Эти дети были также отмечены необыкновенной красотой, гармонично сложенной фигурой и невероятной силой. И радоваться бы родителям за своих детей, но по исполнению пятнадцати лет дети сами собирались и уходили из дома в неведомом направлении. Вёл их в горы зов, который слышали они в себе на генном уровне, зов их отца — колдуна Митула.

Оракул, предшественник Саду, непрерывно читал мантры и взывал к небесам, чтобы было послано

спасение для народа, и было оракулу видение, что колдун, живущий в горах, является злом, порождённым людьми.

— Скоро наступят праведные времена! — провозгласил оракул на площади для собравшегося народа. — Но люди должны испросить у колдуна прощения, так как они сами его породили.

С этого времени люди стали проводить обряды подношений колдуну и петь ему свои мольбы о пощаде. Испросили люди также прощения у обиженной ими женщины — жены Митула — и умоляли её пойти к нему в горы, за страшный перевал, с их мольбами о прощении. Собралась Ситара в путь, так как на протяжении разлуки с Митулом по-прежнему очень любила своего супруга, изгнанного злыми людьми из селения. Сильно скучала она по Митулу.

Долгожданная встреча Митула и Ситары

Ситара шла, согнувшись под тяжестью прожитых годов. Время, не жалея ее когда-то прекрасного лица, испещрило его морщинками, а лучистые некогда глаза слезились, наполненный усталостью и грустью. Снаряжённая селянами в дорогу вела под уздцы ослика, запряжённого в двухколесную арбу, гружённую через верх дарами для колдуна Митула. Арба тихо катилась, монотонно поскрипывая большими деревянными ободами колес, и Ситара также тихо, еле шаркая по пыльной дороге не слушающимися её ногами и одной рукой придерживаясь за арбу, следовала подле неё. Она медленно шла и думала о своей нелёгкой, уже, можно сказать, прожитой жизни. Если её, конечно, жизнью можно назвать. Ведь с того дня, когда гонимые страхом перед неведомой болезнью озлобившиеся люди разлучили их с Митулом, жизнь для неё утратила всякий смысл и желание существовать

на этой земле пропало вместе с ним, вместе с милым Митулом. Умерло в душе всё, кануло как в пропасть, в бездну. И ей казалось, что и сама она умерла — умерла без его рук, объятий и сможет ожить только тогда, когда он снова прикоснётся к ней.

Поначалу Ситара так сильно в крик рыдала, плакала и рвала на себе волосы, что все думали, что она сошла с ума, но потом, принимая снадобья, которые ей давал местный шаман-целитель, она понемногу успокоилась и стала жить обычной будничной жизнью. Но эта жизнь без любимого утратила свои радужные тона, и Ситара стала походить на тёмную, бесшумную, словно безжизненную, тень. Глаза её со временем помутились, будто подернулись тонкой плёнкой льда, и волосы — роскошные длинные шелковистые волосы, в которых так любил утопать руками Митул, — их тоже коснулась холодная изморозь... Годы шли, шли десятилетия, превращая пышущую жизнью женщину в безликую, скрюченную временем одинокую старуху.

Она так и осталась жить в построенной Митулом глиняной мазанке, основой стен которой были лошадиный навоз, соломенная труха, палова, да кукурузная ботва, покрывающая пологую крышу. И в этом их скромном жилище Ситара всю свою жизнь ждала, что придёт тот день, когда Митул отворит дверь, застынет в проёме и, как всегда, улыбнётся, с любовью во взоре глядя на неё.

Она ждала этого часа и всегда держала дом в порядке, чтобы не быть застигнутой врасплох. И в комнатах всегда было чисто и свежо, ведь Ситара не ленилась месить коровьи лепешки с соломой и смазывать этим раствором полы... А Митул не шёл, и она опечаленная сидела у дутака, подкидывала в него кизяк и пекла самые вкусные в их ауле лепёшки. И сейчас она тоже взяла эти лепёшки в путь, зная, как с аппетитом их будет уплетать Митул.

Ситара остановилась, оглянулась назад, будто колебалась — вернуться или продолжить путь? Она старуха, древняя старуха... А он, как теперь выглядит он? Ситара заплакала. Нет, не может она предстать перед ним, помнящим её молодое лицо и упругие груди, такой обветшалой, как старый трухлявый пенёк. Да он и не узнает её в таком уродливом сморщенном теле... Так зачем она тогда идёт к нему, волочет своё непослушное тело из последних сил и на что-то надеется, чего-то ждёт от этой встречи?

Ослик уперся и не хотел следовать дальше. Ситара, принимая это, не стала его подгонять, а, опустившись на корточки, села в ковыль, седую кучерявую травку, и, облокотившись на ноги ослика, стала думать: «Если я не пойду дальше, то так и не узнаю, любил ли он меня так же сильно, как люблю его я».

— Ну, а вдруг Митул тоже страдал без меня и ждал? — мыслью промелькнуло в её голове, и она произнесла эту фразу вслух.

— Ждал! — услышала она его голос.

Ситара вскочила и оглянулась вокруг — рядом никого не было.

— Показалось, — сказала она сама себе и, молча роняя слёзы, заплакала.

— Ждал! — снова повторил голос.

— Митул! — закричала она.

Митул находился в своей лаборатории и, непонятно от чего, нервничал — ему было как-то не по себе, что-то тревожило. Его уже давно бесчувственную, очерствевшую, огрубевшую, потемневшую душу теперь будто что-то обжигало, что-то тёплое и приятное, а что — он не мог вспомнить. Какая-то тревога росла и растекалась по его венам. Какое-то забытое и много лет назад схороненное глубоко в душе чувство рвалось на поверхность.

— Митул! — услышал он крик, и его губы в непроизвольном движении сами прошептали:

— Ситара!

И будто молнией пронзило его тело.

— Ситара! — закричал он. — Где ты, Ситара?

Как ошалелый помчался Митул, спотыкаясь и падая, и снова вставая, побежал, не чуя ног, к тому обрыву, к которому изо дня в день, из года в год ранее хаживал, чтобы хотя бы издали увидеть её силуэт, увидеть свою любимую женщину — Ситару.

Он увидел её вдалеке и не сразу узнал. Очень старая седая женщина, сгорбившись, сидела рядом с гружёной повозкой, и казалось, что она дремала. Маг остановился. Всмотрелся в неё, вслушался... Теплом любви веяло с её стороны, и он вспомнил этот запах, он вспомнил вкус её нежных губ, и из самых глубоких душевных залежей вырвалась на волю давно уснувшая, замурованная злом любовь.

— Ситара! — побежал он к ней навстречу.

И Ситара будто очнулась, увидев его. С трудом поднявшись, не смела пошевелиться, а только испуганно ждала, как он, приблизившись к ней, взглянет в её немолодое лицо и с ужасом отпрянет в сторону. Крупные слезы катились по обветренным скулам, и она смахивала их грубыми, изуродованными мозолями и потрескавшимися ладонями.

Митул, приблизившись к ней, крепко обнял Ситару и поцеловал. Он будто не заметил её старости, а только сильнее прижимал хрупкие плечи к своей груди. И как будто не было между ними этой страшной, горькой, долгой, почти во всю жизнь длинной, разлуки. Они стояли, обнявшись, и оба плакали, боясь даже шелохнуться, чтобы не спугнуть этого долгожданного мгновения счастья. И сердце мага в объятиях любимой оттаивало, и покидали его обиды, ненависть, и вытекало слезами из него зло, и всё

его тело наполнялось любовью к своей единственной женщине Ситару. Таким образом, маг стал уязвимым и терял свою колдовскую силу, и снова, становясь простым человеком, мог любить.

Тёмные сущности, верно служившие колдуну, встревожились. Маг Митул нарушает контракт. Нарушает их тайное соглашение. Любовь, вспыхнувшая в сердце мага, может полностью уничтожить его тёмную сторону и, обратив на себя, нейтрализовать её светом любви. И эти сущности, которые уже вобрали в себя огромную силу, боялись быть уязвимыми. Они боялись быть уничтоженными любовью и в своих опасениях обратились к юному Мару. Они посулили ему доступ к бессмертию, энергетические силы которого, получив великие знания, он сможет черпать из человеческих душ. Взамен этого они потребовали, чтобы Мара следующей же ночью принёс в знак подтверждения этого договора человеческие жертвы, а именно — нарушившего свою клятву колдуна Митула и женщину, пробудившую в нём спящее чувство любви, — Ситару. Таким образом, Мара заключил контракт с силами тьмы и, когда наступила ночь, энергетическим ударом скинул с обрыва так и стоявших в обнимку Митула и Ситару. Вся сила и знания, которые ранее принадлежали Митулу, перешли к Дугпа-Мару.

Люди, которые потом нашли у скал разбившихся, но так и не разжавших объятий Митула и Ситару, решили, что колдун, встретив любимую, простил их и своей смертью показал, что больше им вреда от него не последует. И предали они тела Митула и Ситары земле с великими почестями, схоронив их в одной на двоих могиле. Большой пир был устроен по поводу освобождения народа от сил зла, но, как в дальнейшем показало время, беды их только возрастали. Более сильное зло пришло на смену предыдущему и ещё суровей проявляло себя.

Дугпа-Мара, оставшись один, нанизал на толстую нить козьи копытца в память о Митуле и занял его место в лаборатории. Впитав в себя его силы и знания, стал готовить ещё более ядовитые зелья, чтобы продолжить отравлять водоёмы, создавал более злых астральных существей, и бесчинствовал он, злорадствовал над муками людей.

Хранилище душ колдуна Дугпа-Мары

Дугпа-Мара, вступив в соглашение с тёмными силами, посулившими ему бессмертие, и вправду, скинув со скалы Митула и Ситару, сумел завладеть их душами и очень быстро освоил технику продления жизни за счёт чужого человеческого потенциала. Эти души, как и было ему обещано, выйдя из тел умерщвлённых им людей, своими субстанциями входили в эпифиз мозга Мары, оставляя там накопленные за всю свою человеческую жизнь знания и весь свой энергетический и творческий потенциал, который полностью изымался колдуном из общей голограммы вселенной. Поэтому человеческая душа, похищенная колдуном, навсегда утрачивала свою дальнейшую способность перерождения в новую жизнь и теряла возможность дальней эволюции. В миг, наполняющий его эпифиз мозга такой сверхсилой, Дугпа-Мара в необыкновенном блаженстве, содрогаясь и искрясь всем телом так, словно через него проходит высоковольтный электрический разряд, кричал, и энергии потребляемой им души вселяли в него мощь, наливая тело дополнительными годами жизни. Чувство наслаждения от наполнения энергетическим жизненным потенциалом до такой степени въелось в сознание колдуна, что Дугпа-Мара жаждал повторения этих мгновений, сравнимых по ощущениям с самым высоким экстазом. Потом опустошённые субстанции душ Дугпа-Мара помещал в своей лаборатории в ёмкости, похожие

на очень крупные пчелиные соты, сделанные из чёрного лоснящегося воска, и плотно закупоривал их, чтобы не оставить этим душам возможности вернуть похищенные колдуном ресурсы.

И пошли несметные войска верных воинов — сынов Митула — которые перешли по наследству от отца к Дугпа-Маре, завоёвывать земли, расширяя империю колдуна. И выжигали они в налётах селения, насиловали красавиц и брали в плен ни в чём неповинных людей, поработая народности и пополняя их душами источник жизненных сил колдуна Дугпа-Мары. И чем духовнее была уничтоженная личность пленника, тем более ценна была его душа для колдуна и тем с большей щедростью бросал он за такую добычу золотые монеты воинам, одаривая и благодаря их таким способом за содеянное зло.

Кроме этого маг, создавая свирепые астральные сущности, направлял их в народ сильным волевым посылом, пробивая энергетическое поле человека, разрушая тем самым его эфирную, ментальную и, как следствие, физическую оболочку. И эти чёрные сущности, будто крупные невидимые глазу пиявки, запрограммированные колдуном на определённую программу уничтожения, всасываясь в человеческую плоть, росли, разбухали, увеличивались в размерах, набирались сил, захватывали ум и сознание человека и любыми способами достигали заданной цели. Вследствие этого человек становился энергетически обесточенным этими сущностями — вялым, болезненным, безжизненным и, не осознавая, что с ним происходит, изматывал нервы окружающим. Таким образом, человек сам неосознанно становился энергетическим вампиром, эмоционально истощающим приближённых к нему людей — людей, так же как и он, обречённых на вымирание.

Но и этого было мало колдуну Дугпа-Маре — тёмные силы требовали от него ещё больше жертв, а, надо сказать, Дугпа-Мара верно служил тем, кто отметил его этим могуществом, властью, величием. И он придумывал всё более коварные ухищрения для воздействия на живущих людей.

Колдун Дугпа-Мара знал, что вода обладает определённой информационной памятью, поэтому кроме зелья, состав которого был разработан Митулом, вносил в неё вербальные ключи злых заклинаний. И эти слова, подпитанные внутренней силой колдуна и сконцентрированными в эпифизе его мозга обширными тайными знаниями целого мира, космоса, вселенной, перерабатываемыми им в чёрных корыстных целях, имели огромную уничтожающую силу.

И пошёл по селениям страх, и поползли слухи о страшном колдовстве чёрного мага.

За сотни лет власти Дугпа-Мары и потребления им чужих ресурсов знаний строение черепа колдуна менялось. Его затылочная часть стала сильно вытянутой, одутловатой, так как эпифиз мозга, как губка впитывающий в себя энергетический потенциал человеческих душ, увеличивался в размере и тем самым, расширяя для себя пространство, раздвигал черепные стыки. И от этого голова колдуна часто болела, особенно при свете. Поэтому Дугпа-Мара не любил солнечный свет и дневное время суток больше проводил, уединившись в своих владениях. Зато ночью, когда луна всходила на небосводе, он в длинном чёрном плаще почти невидимый в темноте, сливаясь с ночным мраком, бесшумно передвигался по сёлам. И только светлая от копны седых длинных волос уродливо деформированная голова, обрамлённая измусоленной белёсой бородой, призрачно высвечивалась во тьме ночи и тем самым испугала не одного человека.

Среди людей даже поползли слухи о страшной, чудовищной голове колдуна, которая сама по себе, отсоединившись от тела, путешествует в просторах ночи. И многие няньки, которым с трудом удавалось уложить детей спать, даже стали использовать это как страшилку для усмирения балующейся детворы. Мол, эта голова без тела зыркает по сторонам, заглядывает в окна и ищет тех, кто не желает спать. И своими страшными огненными глазницами высматривает во мраке колдун непослушных, ищет их, чтобы навсегда забрать себе невинную детскую душу. Дети, и вправду испуганные такой историей, поджимали под себя ножки, накрывались одеялом вместе с головой и, страшась даже шелохнуться, с этими мыслями о колдуне засыпали. И многим, многим людям во сне стал являться образ колдуна Дугпа-Мары. И очень стали бояться его все, от маленьких детей до видавших жизнь стариков.

Потянулись тогда люди за помощью к Оракулу-Саду. И стал оракул готовить для страждущего народа целебные снадобья. Пил народ приготовленные им лекарства и развешивал в своих домах пучки трав, способствующих отпугиванию тёмных существ. И потянулись от дома к дому разноцветные молитвенные флажки, беспрестанно читали люди мантры, веря в их неоспоримую волшебную силу. Легче людям становилось дышать под этой защитой, и усиливалась, росла их вера в светлые силы. Всё чаще стали звучать в посёлках молитвенные барабаны, и собирались на площади люди, в маски яркие облачённые, и вершили они службу великую, разжигали костры священные и кормили огонь подношениями. Возлагая дары на жертвенник, светлым силам о бедах поведали и просили в мольбах у них помощи — чтоб направили на путь истинный, что сумеет разбить силы вражды. И пришло народу наитие, что спасение

их — в слове с верою, в мысли праведной, в сердце искреннем. Обезвредит врага, мол, лишь чистый душой, кто сумел сам в себе победить себя!

Долго думали люди, что значит сие, и те думы позволили им понять вещь простую — что надо себя познавать. И прозревшие поняли — только в вере погибнет, развеется зло! И дошло до людей осознание. И стали они тайно в горах строить священные монастыри, скрытые от вражеских глаз, и воспитывать там детей своих, уберегая их — своё новое, выращенное в вере поколение, в вере укреплённое. И стала расти тогда мощь народная. И на тех людей, которые сумели побороть себя, повернуть свой взор внутрь себя и усилиться в своей вере, чары Дугпа-Мары перестали оказывать своё колдовское воздействие. И тогда остальные, глядя на них, уверовали так же в Божественный свет Будды, впустили в свою душу чистый божественный луч, спасая тем самым свою бессмертную душу и давая ей возможность одержать окончательную победу над распространяющимся по вселенной злом. И эти просветленные сознанием люди надеялись на возвращение дорогих им людей, молились об их спасении, а самые смелые и отважные из них становились инициаторами восстания против сил зла.

Повязывали они на запястья красные защитные шнурки и, вооружившись благословением Ламы и непоколебимой верой в свою победу, сколачивая отряды, отправлялись в горы, чтобы, защищая свои семьи, противостоять врагу.

Колдун Дугпа-Мара от таких действий людских ещё больше зверел и бесчинствовал. И воины, направляемые колдуном Дугпа-Марой, стали похищать и убивать монахов, и их главной задачей было окончательно обезоружить людей, вытеснив, истребив их веру, уничтожив религию.

Многие, оставшись без крова, умирали от голода, но, объединившись в своих несчастьях и сплотившись, преодолевая все мытарства, народ разгребал развалины и вновь восстанавливал разрушенные врагом посёлки.

Призыв к действию

Рохан смотрел внутрь Мары — туда, где брало исток его жизненное начало в тот миг, когда светлая душа, воплотившись в физическое тело ребёнка, пришла на эту землю с чистым, ещё ничем не омрачённым сознанием. И люди сами породили в своих сердцах зло, отрекаясь от себе подобного существа. Там, в глубокой старине, почти триста лет назад, они изгнали из своего селения больного Митула и точно так же — ни в чём не повинную, несчастную больную женщину с маленьким ребёнком на руках — мать Мары. И маленький Мара, ничего не понимающий, ни в чём ещё не виноватый, чистыми, светлыми глазами смотрел на мир, на небо, солнце и на застывающий под ласковыми тёплыми лучами взгляд своей никому не нужной матери.

И потом, в борьбе за выживание, в борьбе за своё существование Митул и Мара противостояли людскому злу, отвечая злом на зло, потому что ожесточившиеся люди попросту не слышали их мольбы, были глухи к их страданиям и их добрым помыслам. И они огрубели, очерствели в своем одиночестве, озлобились и стали мстить. Мстить жестоко и беспощадно — за себя и за тех, кому предстоит принять источаемое людьми зло. И в этой жестокой борьбе кануло в бездну не одно поколение.

Хотя и не сразу, но люди осознали свою вину перед колдуном Митулом. Они раскаялись в содеянном, причинённом ему от невежества, и испросили его супругу Ситару вымолить у него для них пощады.

И, так как ранее Митул познал любовь, соприкоснувшись с ней снова, его сердце смягчилось, оттаяло, избавляя от гнева душу Митула, — а вот Мара, он уже не умел жить по-другому, он не знал, как это. Ему, выросшему в окружении сил зла, была неведома жизнь простого человека, и его сердце никогда не знало любви. А без любви в сердце, без этого тепла в душе человек утрачивает свою человечность и зверствует. Он становится самым опасным хищником — хищником, пожирающим самого себя. И от этой уничтожающей боли, причиняемой самому себе, он впадает в агонию и, уже не осознавая, утрачивая контроль над происходящим, пожирает всё, в чём видит зло, породившее его сущность. И остановить его в этом может только свет — сильный, яркий ослепляющий свет чистой верующей души.

Жизнь для населения местности, где бесчинствовал колдун Дугпа-Мара, стала настоящим кошмаром, и, не видя никакого другого выхода, они стали искать спасения в вере. И испросили они у небес спасения. И пришёл на землю Звёздный посланник, рождённый при слиянии двойного семени, вошедшего в одну плоть. Он, Звёздный воин, пришедший на землю спасти человечество, являлся сыном чёрного злейшего колдуна Дугпа-Мары и одновременно — сыном светлых божественных сил Оракула-Саду. И в нём, в Звёздном посланнике, на генном уровне в равных долях заложены великие знания тёмных и светлых сил, а вот как ими воспользоваться — это и есть выбор человеческого существа. И эти знания, которыми он наделён, также находятся в каждом человеке. И он, пришедший на землю посланник, понимает, что это противоборство людей и колдуна было необходимо народу и послужило уроком, чтобы посредством такого страшного магического давления пробудить в их

сердцах светлое начало и обратить их к духовности, повернуть их лицами к вере.

Таким образом, это противоборство сил людям было дано во благо, ведь если бы не было колдуна — не было бы у них такого стремления, рвения читать мантры, строить монастыри, обращаться к вере, защищая себя. Это же он, колдун Дугпа-Мара, подвигнул их к вере, к возведению монастырей — чтобы научить их защищаться от него, защитить своё потомство от разлагающих душу тёмных сил. Так, прежде чем увидеть свет, людям пришлось погрузиться во мрак.

— Таким образом, — думал Рохан, — всё устроено высшими силами.

Это противостояние сил дано для развития человечества, для пробуждения сознания людей, чтобы хоть как-то начали они шевелиться, к чему-то стремиться, чтобы обратили они свой взгляд на высшие духовные, божественные сферы, ведь свет души должен тянуться к небу — или она, погрязнув в тёмных силах зла, может быть навсегда потеряна. Эту возможную потерю души можно ощутить на ранней стадии, когда тёмные стороны начинают своё влияние, проявляя себя в зависти, лживости, жадности, ненависти, подлости... Что, в свою очередь, обязательно проявит себя в физическом теле человека всевозможными недугами. Тем самым телу посылается болевой сигнал, и если человек его не слышит, то эта боль будет усиливаться, расти, маячить ему, что пришло время остановиться, задуматься, нащупать эту точку начала конца и своевременно ликвидировать источник, питающий боль, пока эта быстрорастущая точка не достигла черты невозврата.

Так думал Рохан, он понял: «Жизнь человека — это весы. Весы его добрых и злых поступков. И чаша с весами светлого начала человека должна своей духовностью удерживаться в высоком состоянии, будто своей

лёгкостью, невесомостью тянущаяся к небу. И если вдруг человек начинает совершать поступки, утяжеляющие эту чашу, то зло, поднимаясь вверх, начинает в неё перетекать. Таким образом, заполняя чернотой человеческую сущность». И ещё одна мысль пришла Рохану на ум: «Тёмные силы, они никогда никуда не уйдут. Бесплезно мечтать об их уничтожении, потому что именно они являются своеобразными гирями на весах, балансируя допустимую греховную составляющую человека».

— Таким образом, — выйдя из медитации, вслух произнёс Рохан, — зло можно устранить только силой добра, только светом, только силой молитвы и божественной верой.

— Пробудись, человек! — закричал Рохан. — Скинь со своих плеч тёмную суму, склони в вере свои колени и вдохни этот струящийся чистый воздух небесных сфер.

Закончив медитацию, Рохан решил начать действовать, он призвал всех монахов монастыря, души которых незамедлительно явились на телепатический зов.

— Вы, сильные из сильнейших, — поприветствовал он их. — Вы, познавшие себя и ведающие законы мироздания, я призываю ваши светлые умы совершить магический ритуал.

Полная тишина стояла вокруг, души слушали его.

— В нашей возможности повлиять на дальнейшую судьбу народа, живущего в предгорьях. Он страдает. Ему, раскаивающемуся и уверовавшему, грозит вымирание. Сегодня колдун Дугпа-Мара сильнейшим ядовитым зельем собирается отравить горные источники. Все вместе мы сумеем волевым потоком светлых сил добра повлиять на химический состав приготовленного магом зелья и полностью изменить силой

мысли его составляющие, перепрограммировав зелье на созидательный, восстанавливающий процесс.

И окружили монахи магический кристалл под куполом Мандыр-Сиддхи. И тянулись к ним в помощь, и присоединялись вокруг монахи со всего монастыря, и посылали в этот кристалл любовь высших сфер.

Колдун Дугпа-Мара занёс над истоком реки свой тёмный флакон и вылил его содержимое в воду.

Монахи возложили свои руки на кристалл и запели благословенные мантры. Под этим потоком чистых энергий кристалл искрился, сверкал, переливался таким необыкновенным сиянием, что хотелось смотреть на него, не отрываясь. И бесконечная радуга от преломления его лучей и маленьких капель воды, бьющих из водопада, наполнила всё пространство и даже вырвалась сквозь высокий купол монастыря. И повисла радуга над всей грядой Гималайских гор. Еле заметный дождик, будто благословляя эту священную землю, капал с неба. И радовались люди взошедшему радужному свету, и ликовали. Вода в источниках искрилась и стала такой чистой, что каждый камушек, каждую ракушку, каждую рыбку было в ней видно. Солнце своими лучами проникло повсюду и заглянуло в пещеру, в страшную лабораторию мага, и от тепла, распространившегося внутри, стали таять чёрные соты, освобождая пленённые души, и они летели в небо, тянулись к свету, чтобы вновь продолжить свою эволюцию. И плескались дети в тех чистых источниках, струящихся с гор, и пили воду люди, исцеляясь той водой. Попадая в организм ранее заражённых людей, вода своей чистотой создавала для существей горящую святостью среду, и они, отцепляясь от человеческого тела, разъярённые этими ожогами, летели обратно к своему создателю Дугпа-Маре и впивались в него, кричащего и корчившегося от боли. Колдун Дугпа-Мара лежал в беспамятстве

на горном уступе. Щуплый, сморщенный бездыханный старик, проживший очень длинную жизнь и жизни не познавший.

Так звёздный посланник и монахи Мандыр-Сидхи силой веры спасли родной народ от гибели. Но их подвиги только начинались, ведь в долинах много ещё было поселений, утративших свою веру и так же страждущих в её поиске.

ГЛАВА 2

Младенчество Ананды

Младенчество, оно у каждого бывает разным: кто-то в куклы играет, кто-то пузыри из носа пускает. Ананда же не испытал всех этих радостей. Ананда — один из немногих детей, возможно, даже единственный на Земле, на всей огромной планете, познал на примере своей собственной души, что может означать детство во взрослом теле монаха. Ведь он сам не оставил себе выбора, когда добровольно совершил подмену тел. Ананда понимал, что колдун Дугпа-Мара до такой степени зверствует, что ждать, когда вырастет физическая оболочка, времени нет — это очень длительный, растянутый на годы процесс.

Цель, с которой Ананда произвел подмену тел, была достигнута. Чёрный колдун, на протяжении нескольких сотен лет истребляющий народ, злейший маг Дугпа-Мара, был повержен. Ананда в теле Рохана был готов вернуть физическую телесную оболочку её владельцу, искал теперь возможность остаться с младенцем наедине, но Лакшми и Мандури ребёнка просто из виду не упускали. А для того, чтобы совершить подмену души, хотя бы одна из физических телесных оболочек должна быть свободной, и монах Рохан с целью более частого общения с Анандой наедине испросил

у Ламы-Сахеля разрешения преподавать малышу тайные знания. Молчаливый, но очень наблюдательный Лама-Сахель уже давно для себя отметил, что малыш Ананда тянется к Рохану, в буквальном смысле слова гоняется за ним, и решил, что вреда от того, что Рохан возьмёт опеку над малышом, никакого не будет, лишь одни плюсы. Тем более Рохан, судя даже по последним событиям, свершил огромную миссию по спасению страждущего народа от страшных злобных чар колдуна Дугпа-Мары, тем самым зарекомендовал себя великим мастером, имеющим сиддхи. И если уж Ананда сам выбирает себе наставника, то так тому и быть.

Кормилица Лакшми негодовала.

— Ребёнку едва за полтора года перевалило, — обратилась она к Ламе-Сахелю, — он от груди не успел оторваться, а его по пещерам будут водить, в транс погружать. Нет, нет, — возмущалась она, — ему надо расти, набираясь сил и здоровья.

Лама-Сахель её возражений не слушал. Кроме того, он же держал обет молчания и общался с окружением только телепатически, а этот тонкий канал связи Лакшми уловить не могла.

Оракул-Саду, увидевший вышедшую из-под всяческого контроля Лакшми, очень строго приструнил её, пояснив:

— Кроме как для сил и здоровья, Лакшми, мальчик прибыл в монастырь Мандыр-Сиддхи, чтобы получить масштабные знания и совершенствоваться своим духом и телом, развивая себя.

— Это ребёнок! — не унималась Лакшми.

Оракул-Саду, будто не слыша её, продолжал:

— Кроме того, — добавил он, — Рохан — достойный наставник для Ананды. Он наработал и впитал в себя практики и знания, которыми сможет поделиться с Анандой. В свою очередь, и для Ананды общение с Роханом будет полезным. А ты, Лакшми, иди займись

своими женскими делами и так же, как об Ананде, позаботиться о других детях, которым также очень необходимы большая любовь, внимание и забота кормилицы.

Лакшми обиженно сверкала своими чёрными, полными слёз глазами.

– Забота кормилицы!!! – ещё раз подчеркнул Оракул-Саду свои слова.

Так и стал Ананда вместе с Роханом познавать тайные знания. И всё бы могло сложиться очень хорошо, и они могли бы незаметно для других совершить обратный обмен телами, если бы не одно «но» – у маленького Рохана не получался выход из тела. В силу возраста тело недостаточно слушалось его для того, чтобы расслабиться в определённой асане. Из-за этого его ум не мог полностью расслабиться и успокоиться, сосредоточившись на том, чтобы перестать чувствовать физическую оболочку, растворить её во вселенной, срастись с бесконечным потоком пространства, струящегося сквозь плоть, что, в свою очередь, даст возможность перестать ощущать члены. Маленький Ананда постоянно отвлекался от этого процесса, и его ручки, уставшие даже короткое время держать вместе ладошки, произвольно потирали глазки, и малыш начинал плакать.

Душе Рохана было невыносимо оскорбительно, унизительно находиться в детском теле, которое было таким беспомощным и непослушным, что не могло даже без помощи нянек обслужить само себя. Чувство зависимости от старших делало душу Рохана несчастной и сильно ранимой. Несоответствие души и тела, пребывающих в постоянном конфликте между собой, постепенно разрушало его внутреннюю силу, его волевые потоки, тем самым ослабляя и разрушая приобретённые за многие годы изнурительных тренировок знания и прежние практические наработки. Это чувство беспомощности порождало новое, становящееся

до того гиперактивным чувство уязвимости, что он не мог спокойно отдыхать, не мог уснуть сладким сном младенца и, чувствуя, что что-то надо с этим делать, и не понимая — что, приобретал нервозность, раздражительность, плаксивость и бессонницу. Ананда в теле Рохана также переживал за состояние своего родного тела, волновался, чтобы не пострадала его физическая оболочка, ведь уже шёл четвертый год его пребывания в чужом теле.

Звёздная душа Ананды постоянно думала о том, что чем раньше войти в свое тело, тем оно быстрее начнёт развиваться, потому что родная душа сильнее, она свою звёздную проекцию на сознание тела сделает, а так, пребывая в теле взрослого монаха, он питает его, а младенец тем временем тело не развивает.

Так думал он, стоя у магического кристалла: «Как, как же произвести замену, потому что мне нужно это тело, мне нужно вернуться в него, чтобы его развить, развить способности в теле с его генетикой, с генетикой тёмных и светлых сил, синтез которых открывает передо мной огромные возможности, так необходимые для служения своему многострадальному народу». И ему от кристалла пришла мыслеформа о существовании на теле человека определённых точек, воздействие на которые способно погрузить в транс человека. Рохан, оставшись наедине с младенцем, воспользовался полученными знаниями, а когда тело малыша было без сознания, он приказал его душе выйти из тела и по проложенному им порталу занять исходную оболочку.

Приобретя назад своё тело, маленький Ананда без промедления начал проводить дыхательную гимнастику, чтобы восстановить физическую оболочку от пережитого ею стресса. Он, лёжа в кровати на спине, положил одну ручонку на грудь, а другую на живот и начал дыхательные упражнения брюшиной, чтобы

наполнить нижние чакры в теле праной. Ведь человеческое тело — это вселенная, распределённая по мирам, а чакры — это те же уровни сознания миров. Он наполнял живот воздухом, удерживал его несколько секунд и всё без остатка выдыхал. Ананда делал каждый день такое упражнение по пятнадцать минут. Так он развивал себя на уровне физического тела, а для развития души мысленно читал мантры.

Когда же Ананда попрос и мог сам передвигаться, овладел речью, то он стал, медитируя у кристалла в центральном зале под куполом монастыря, входить в состояние сиддхи. Так он мгновенно мог сонастраиваться с кристаллом, соединяться с ним всеми чакрами и получать от него длиннейшие информационные лучи, которые способствовали развитию его мозга в этом теле. Он необыкновенно быстро набирался ещё большей силой ума и был не по возрасту мудр. И когда его растущее не по годам тело налилось определенной силой, он начал проводить практику принятия светлых, вдохновляющих, созидающих энергий солнца, и от этих энергий ум его стал быстрым, как молния, сильным и светлым.

Ананда, окрепнув физически и духовно, продолжил себя развивать боевыми искусствами, и учитель, обучающий его этому мастерству, был изумлён, что мальчик привносит в искусство боя новые, никому ранее не известные движения. Его удар вдобавок ко всему обладал точным энергетическим посылом больше, нежели физической силой. То есть, если он рукой либо ногой, исполняя приём, шёл в нападение на врага, то большой концентрированный поток энергии выходил из конечности и напавал сбивал объект. Таким образом, этот энергетический посыл по своей силе удара был мощнее, чем физический удар. Кроме того, энергетические удары Ананда научился генерировать с инфразвуком, и в зависимости

от интенсивности концентрации этих звуковых колебаний и вложенных в них энергокодов удар мог нести в себе как созидательно-лечебное, так и поражающее, уничтожающее воздействие на объект.

Окружающие Ананду монахи начали даже незаметно для себя перенимать от этого ребёнка знания.

Однажды, пребывая в состоянии семи герц, Ананда, сидя на молитвенной подушке под куполом монастыря, соединился с кристаллом своими чакрами, выходя сознанием в высшие сферы бытия — туда, где Боги живут, где разум вселенский обитает. Там, воспарив духом над всем мирским бытием, он налаживал порталы связи с высшими силами и слышал глас Духа своего, который его здесь, на этой планете, сопровождал. И из пространства ему приходили древние мантры, которые он пел, чтобы сочетаться с высшим бытием.

Сегодня же ему пришла извне очень сильная и необыкновенно красивая, можно сказать, «сияющая мантра», и вот уже на протяжении нескольких часов под сводом монастыря Мандыр-Сиддхи звучал её напев, так что незаметно окружившие Ананду монахи, тихо присев рядом, подхватили её и все вместе слились в унисон:

— Ом Ма Ни Пад Ме Хунг!

Так звучала эта мантра на сакральном языке посвящённых в тайные знания, а в переводе для простого человека она бы прозвучала так: «О! Жемчужина в цветке лотоса!»

Мистическая формула, или мантра, Ом Ма Ни Пад Ме Хунг является мантрой бодхисаттвы Авалокитешвары.

И, восседая на молитвенных подушках вокруг магической силы кристалла, который был молитвенным центром монастыря Мандыр-Сиддхи, поняв, как нужно сонастраиваться с ним, монахи, так же как и Ананда

и его сверстники, прибывшие в монастырь для развития своего духовного и физического роста, стали слышать льющисся волшебными звуковыми переливами, проходящими сквозь алмаз из гравитационных полей солнечной системы, древнейшие очищающие сознание мантры. Перебирая каменные четки, служащие для подсчёта мантр и поклонов, монахи многократно повторяли их, тем самым усиливая воздействие звуковых волн. «Ом Ма Ни Пад Ме Хунг», — бесконечно полилось по монастырю, и на душе у каждого от вибраций этого чудодейственного напева стало намного светлее и радостней.

Эта необыкновенно красивая, сияющая в своём звуковом всплеске мантра будто переливалась, мерцала в воздухе, искрилась, несла своими энергетическими колебаниями и нежными, разливающимися негой в душе обертонами сильнейший заряд огня, способный оживить любое спящее сознание.

Чудесная мелодия мантры пробуждала сердце человека, наполняя Анахата-чакру необыкновенным изумрудным свечением и одновременно самым великим чувством на земле — любовью. Ведь в суть этой чудодейственной мантры заложен великий смысл и простая суть любви. «Убери гордыню из своего драгоценного сердца, — говорится в ней, — и тогда божественный огонь любви наполнит его».

А потом изо дня в день они все черпали из вселенной другие мантры, способствующие раскрытию многих человеческих чувств и наполнению каждой чакры определённым звуком и цветом.

Так шли годы

Ананда подрастал, наряду с духовным ростом тренируя дух своего тела, учился контролировать, обуздывать свои чувства и эмоции. На сложном пути саморазвития Ананда начал соблюдать добровольные аскезы

тела, способствующие духовному росту, и стал совершенствовать технику питания праной. Ананде было десять лет, когда он учился получать прану из энергии звёзд и из энергии солнца, сонастраиваясь с ними. Так он делал потому, что как-то увидел другим зрением, третьим глазом, что в бесконечном небесном пространстве струится такая кристальная чистота солнечных океанов праны, что всё, что нужно телу для питания, все микро- и макроэлементы есть в ней: и магний, и кальций, и бериллий, и азот, и кислород, и натрий... И даже те элементы, которые трудно найти в земной монаде — их тоже можно почерпнуть в этих небесных энергиях. Следовательно, необходимость потребления пищи из недр земли может быть так же заменена — через воздух, через правильное его вдыхание. И, открыв для себя понимание этого знания, Ананда стал вырабатывать дыхательную практику пранопитания.

Первый же опыт, который Ананда провёл, уединившись в пещере на целый месяц и исключив любое общение с кем-либо, показал ему, что желание поглощать простую пищу заметно ослабевает. Получив такой результат, Ананда продолжил тренировки и учился принимать прану дальше — и во второй месяц, и в третий... В результате пройденного им нелёгкого пути Ананда стал носителем великих знаний, обладателем наивысшей мудрости, так как переход на звёздное энергопитание облегчал его душу, позволяя сбросить груз телесных кодов, позволяя душе взлететь. Это, в свою очередь, создавало ощущение единства с биоструктурой вселенной.

Медицинские знания, полученные Анандой с генетикой Оракула-Саду, и тайные познания заклинаний, перешедшие к нему по роду от колдуна Дугпа-Мары, перемешались между собой, дав сильнейший синтез знаний, и от этого душа его была ясной и светлой. И этими наработанными практикой знаниями он стал

делиться с послушниками монастыря и со своими собратьями-ровесниками, донося до их сознания смысл и суть облегчения духовного тела.

— А чтобы душа обретала лёгкость, — уверенно звучали его слова, — и свободно парила, познавая миры, тело тоже должно быть чистым — чистым снаружи и внутри.

— Каждому понятна формулировка словосочетаний «наружная чистота», — продолжал он свою речь, — а вот что могут означать слова «тело чистое внутри»?

Все шушукались между собой. Те, кто так же, как и Ананда, познал эти практики, удивлялись тому, что десятилетний ребёнок кроме приобретённых внутренних познаний может так лаконично выразить эти знания языком, понятным для любого человека, и всё звучащее из его уст кажется простым, логичным и имеет огромный смысл.

— А то и значит, — продолжал он, — что грязное, отяжелённое нечистотами зашлакованное тело не имеет возможности принятия эфирного вещания информационного поля вселенной и живёт самыми низжайшими энергиями тамаса. Таким образом, человеческий организм становится инкубатором для расплода различных астральных сущностей, в том числе и для стремительного размножения всевозможных червей, населяющих его. И не каждому человеку дано силой мысли, посредством своей энергетики, управлением вибрации инфразвука истребить эту мерзость в теле, перейдя на высшие энергетические подпитки организма, в том числе и на пранопитание. Но для простого человека тоже есть возможность побороть эти недуги, прибегнув к помощи травяных сборов, настоек, которые необходимо принимать внутрь с каждым приёмом пищи. И эти измолотые в микропорошок травы, являющиеся сами по себе антипаразитарным средством и ставшие посредством обработки

настойками, вытяжками и специями, могут создать в организме человека такую щелочную среду, в которой не живут паразиты, они начинают задыхаться, для них организм человека становится непригодной для обитания средой, и они начинают покидать его. Таким образом, появляется уникальная возможность нейтрализовать личинки паразитов, а также ликвидировать оных из пищеварительной системы человека и полностью изгнать их из его плоти. В природе есть такие травы, которые, измельчённые в мелкую фракцию, имеют в себе возможность легко всасываться в кровь, проникать в самую клетку человеческого тела и способствуют заживлению нанесённых паразитами ранок, регенерируют клетку.

Все молчали, внимательно слушая его.

— Эти травы, по великому прозрению Богов, прорастают в наших предгорных долинах, и есть среди них даже такие травы, которые способствуют регулированию обменных процессов в организме человека и могут нейтрализовать населяющих его паразитов... И сейчас, — Ананда посмотрел на Ламу, — наступает время сбора этих целебных трав.

Лама-Сахель замер, понимая, к чему клонит Ананда, ведь смертность от бактерий заражённых вод, а также от укуса малярийного комара давно безжалостно сокращает численность народа, заражает и ослабляет его генофонд. Взгляды Ламы-Сахеля и Ананды встретились. Они несколько минут молча смотрели друг на друга.

— Да, — подтвердил Ананда, — уважаемый Лама-Сахель, это малярия, и мне открылись в медитациях знания этих травяных сборов, способных помочь человеку преодолеть, а также предотвратить эту стремительно распространяющуюся болезнь.

Шло долгое молчаливое собрание монахов, в котором они общались телепатически. Было принято

решение, что группа из самых сильных, мудрых, постигших многие знания монахов, возглавляемая Анандой, отправится в селения. Они выберут там людей, способных принять ценнейшие знания травника, и обучат их собирать травы, а также применению их в лечебных целях.

Таким образом, Звёздный посланник Ананда уже не в первый раз совершал священную миссию по спасению своего народа, из которого происходили и его корни и которому он искренне желал здоровья и процветания.

Миссия монахов Мандыр-Сиддхи

Отряд из семи монахов, возглавляемый Звёздным посланником Анандой и Оракулом-Саду, вооружившись минимальной провизией, двигался подобно скользящей под солнцем тени. Одевания монахов были серыми, их было не видно на фоне гор. Для того чтобы добраться до поселений, у них в запасе было всего два месяца, так как после этого срока сбор трав станет бесполезным. Они передвигались достаточно быстро, с минимальными остановками на отдых, которые использовали преимущественно для непродолжительного сна и перемотки онуч. Со стороны они могли показаться неустанными горными странниками, но если приглядеться, в их руках можно было бы разглядеть чётки, перебирая которые, они читали мантры, дающие им силу и выносливость. И, только опираясь на эту духовную составляющую, они, отключив ум от физической усталости, машинально перебирали ногами, продолжая намеченный маршрут. Так от перевала к перевалу шёл первый, второй, третий монах.

Вдруг один, самый зоркий из монахов заметил в одной из горных возвышенностей за сильно колышущейся воздушной эфирной дымкой открывшийся взору портал, похожий на вход в горный тоннель. Он

взглядом указал Оракулу-Саду на спрятанный вход в гору, струящуюся эфирную дымку. Раздвинув в стороны руки, Оракул-Саду жестом дал команду отряду остановиться. Монахи замерли, стояли, не шелохнувшись, а Оракул-Саду начал читать заклинания, рассеивающие оморочный дурман. Воздушная завеса сильно заколыхалась, завибрировала и, словно сорванный внезапно налетевшим сильным ветром занавес, упала к горному подножию. И взору всех открылся выточенный в тёмных скалах большой чёрный город, страшные легенды о котором были известны многим. Город, который был назван в честь именитого отца колдуна Дугпа-Мары – город Митул, напоминающий своим устрашающим видом о времени власти над людьми колдуна. Масштабность этого высеченного в горах города поражала, и от увиденного ещё больше можно было удивиться, как народу удалось противостоять на протяжении нескольких веков великому чёрному колдуну Дугпа-Маре. Прямо от подножия этого наводящего ужас города брала своё начало не менее ужасающая своим названием долина – Долина Смерти. Сокрытый пеленой заклятий призрачный город Митул ранее был невидим простому человеческому глазу, но так как маг Митул и колдун Дугпа-Мара были повержены, колдовские чары с годами таяли, ослабевали, и тайные врата города становились незащищёнными, видимыми взору и доступными для входа в них.

По крутой горной тропе с высеченными в камне ступеньками и всевозможными уступами монахи поднимались в заброшенный, теряющийся в каменистых лабиринтах город. Город, который после смерти Митула и Дугпа-Мары так же покинули их сыны, слывшие в народе семейством недостижимых злобных воинов. Оставшись без правления колдуна они, опасаясь такой же смертельной участи, коя постигла их отцов, разрознились, и новоявленные колдуны да шаманы

населили предгорья. Таким образом, зло не исчезло совсем, а только притихло, затаилось, ожидая своего часа. И день ото дня всё больше и больше возрастала чёрная сила колдовских, ещё больше озлобившихся, отпрысков.

Отряд монахов поднимался вдоль ужасающей стены, выложенной из камня и торчащих из неё человеческих костей. Черепные зеницы будто наблюдали за идущими и полыми глазами сопровождали их. Монахи шли по длинным коридорам, стены которых были в изобилии увешаны отрубленными человеческими конечностями. Город-крепость километрами вился в каменную глубь множеством залов и пещерных жилищ, высеченных прямо в скалах. Минуты следования по горному нутру утомительно тянулись, будто вечность, и монахам казалось, что колдун Дугпа-Мара пришёл из небытия и всем этим окружающим их ужасом напоминает о себе.

Душераздирающие стоны послышались за одной из дверей. Оракул-Саду остановился, прижав к губам указательный палец, велел этим жестом следующему за ним отряду монахов, чтобы соблюдали тишину. Сквозь щели вокруг дверей тянулись тёмные тени — тени людских душ, загубленных колдуном и сгинувших в этих каменоломнях. Оракул-Саду резко распахнул таинственную дверь, нарушив гробовую тишину, и тени, наполняющие комнату, с шумом вспорхнули, закишели в спёртом пещерном воздухе, наполнили гулом пространство и заметались в полете от стены к стене, а потом стали вылетать из помещения.

Пустые глазницы черепов, которые были развешаны на стенах, вспыхнули огнём и жадно воззрились на вошедших в этот зал.

Тайная комната колдуна Дугпа-Мары предстала пред ними во всём шокирующем виде. Каменные уступы, застеленные окровавленными козьими шкурами,

как немые свидетели чёрных месс колдуна хранили на себе следы казни ни в чём не повинных жизней, забранных колдуном. Смердящий запах смерти, гнили и тления разложившихся тел резал ноздри. На возвышающемся у центральной стены троне колдуна стояла огромная мраморная глыба, служащая колдуну то ли алтарем, то ли местом для жертвенных подношений. На этой каменной столешнице лежала толстая магическая старинная книга, страницы которой, сделанные из человеческой кожи, сочились сукровицей, растекающейся по мраморному гляncу и капающей на пол. Вокруг этой книги лежали мунды и стояли капалы — чаши из человеческих черепов, наполненные уже давно запекшейся и высохшей в них кровью, повсюду лежали амулеты колдуна и разбросанные, похожие на человеческие глаза, гроздь ягод гуараны.

Увиденное сильно поразило сознание Ананды, и он рефлекторно схватил один из амулетов и поднёс к своим глазам. Оракул-Саду даже не успел предотвратить этого движения. Маленькая, размером с яблоко, женская головка с зашитыми суровой нитью веками и деревянными штырьками, стягивающими губы, лежала на ладони Ананды, и длинные жёсткие волосы струились сквозь его пальцы. Ананда, потрясенный увиденным, окунулся в воспоминания сквозь года назад, в самое младенчество — в день прихода его в этот свет, когда он только народившимся младенцем увидел прекрасные глаза своей матери. А теперь Ананда держал в руках её изуродованную голову. Он увидел, сколько страданий перенесла его мать, увидел, как жестоко мучил её Дугпа-Мара, услышал её боль и узрел, как она погибла. Так много боли сохранила высушенная голова, кричала в ней материнская боль, и этот крик был таким чувственным, пронзительным, нечеловеческим, что от силы этого звука многие стены города Митула начали рушиться, но всё-таки

он, хоть и полуразваленный, устоял. Так непредсказуемо произошла встреча и знакомство Ананды с несчастной его матерью Деви.

Оракул-Саду, взяв из рук Ананды страшный талисман колдуна, также узнал в нём несчастную Деви, а в другом амулете — голову старейшины их бывшего поселка.

— Отпусти то, что уже прошло, — обратился он к Ананде.

Ананда не в силах словами выразить боль молчал. Крупные слёзы катились по его щекам.

— Каждый из нас, — обратился Оракул-Саду ко всем, — взвалил на свои плечи эту миссию, чтобы найти способы противостоять страшным войнам, которые преследуют наш народ. Мы должны найти пути, чтобы прекратить вражду, ведь мы сейчас, находясь в этом чёрном гнезде колдуна Дугпа-Мары, видим и понимаем, какая огромная стая воронья вылетела из него.

— Я знаю, что надо делать! — заявил Ананда. — Для начала мы отслужим молебен по тем, кто пал в этих каменоломнях, лишившись жизни, тем самым откроем их душам выход из тёмного царства, чтобы они могли, оторвавшись от этой долины смерти, подняться ввысь и вновь обрести возможность дальнейших перерождений.

Ананда резким движением вытянул свои напряжённые руки в направлении магической чёрной книги колдуна Дугпа-Мары. Эта тайная книга, при обращении к которой колдун энергетически присоединялся к огромному колдовскому эгрегору и всевозможным сущностям, населяющим тёмные планеты, была самым важным символом, определённым клеймом принадлежности, посвящённости Дугпа-Мары в тёмные знания и его поклонения этим силам. При помощи этой книги открывался на землю портал, который,

усиленный звучанием мантр и определенными звуковыми вибрациями, сонастраивался с этими сущностями, и они также настраивали колонии клеток человека на себя и овладевали его телесной оболочкой. В этой колдовской книге была сокрыта мощная сила не только колдуна Дугпа-Мары, но и всего предыдущего клана колдунов из прежних воплощений и тех, кто жил и по сей день.

Ананда силой мысли, сконцентрировавшись на книге, стал читать великие священные сакральные слова, облаченные в формулу мантр, уничтожающие злые чары. Сильный порыв ветра промчался по помещению, и пламя светящихся со стен глазниц мунд будто замигало. Пауки, потревоженные потоком воздуха, засуетились, заползали по свисающим со всех сторон паутинам и полезли прятаться в щелях. Вокруг книги всё сразу заревело, загудело, заныло, заплакало, закружилось тёмными волокнистыми потоками, образовав вертикальный, похожий на бушующий волосистой смерч, воздушный столб. Все остальные монахи, понимая всё без лишних слов, встали вокруг каменного пьедестала и направили в сторону чёрной книги свои руки, дополняя потоки энергий Ананды своей энергетической силой и сливаясь вместе с ним в молитвенном напеве.

Дикие вопли и рыки звероподобных существ, которые своими грозными ликами и хищными оскалами выпирали в воздушной оболочке смерча, понеслись со всех сторон. Всё вокруг задрожало, заходило ходуном. Их когти пытались разорвать этот воздушный занавес, чтобы вырваться наружу, и сквозь образовавшиеся дыры летели в монахов липкие грязные слизистые субстанции, забрызгивая их этой мерзкой жижей. Через эти же отверстия тянулись к монахам волосатые когтистые лапы и, обжигаемые молитвенной силой, их обладатели взывали, корчились от боли и с рё-

вом поджимали свои конечности обратно, втягиваясь в этот страшно ревущий поток. Сквозь эти прорези монахам было видно, как, попав под воздействие сильнейшей мантры, изгоняющей злые чары и разрушающей их своими звуковыми вибрациями, книга сильно закрутилась против течения смерча, поднялась в воздухе и зависла над столом. Её страницы, сопротивляясь, с силой перелистывались и, после того как книга распахнулась на одной из них, огромная субстанция чудовища взметнулась, расправила свои лапы и кинулась, прорывая воздушную оболочку. Это чудовище было таким мощным, что сумело не только разорвать энергетический кокон, но и оставить своими когтями кровавый след на щеке Ананды. Монахи молниеносно сцепили руки между собой и, замкнув круг, повысили тембр голоса, тем самым ещё больше усилив звучание мантр. От силы их напева диким пламенем вспыхнула реликвия колдуна, и листы книги сами по себе стали быстро, с шумом переворачиваться, и с этих страниц бесчисленной стаей чёрных субстанций лезли наружу тёмные сущности и втягивались в воздушный поток воронки. Ананда в этот момент расцепил кольцо и, собравшись с духом, выпустил из центра своих ладоней прямо в книгу ударный луч энергии высокой частоты. От соприкосновения с этим лучом книга, ослепительно вспыхнув, мгновенно испепелилась и мелкими крупинками золы и большими догорающими ошметками, осыпаясь, рассеивалась по пещере. Сопровождающий этот ритуал шум немедленно стих.

С чёрной магической книгой колдуна Дугпа-Мары было покончено, но были ещё проклятые души, которые по-прежнему пребывали под колдовским заклятием, некоторые были заточены в ужасные предметы, которые использовал колдун: цаца, мунды, различные ритуальные кости и прочие амулеты, какие-то — витали в пространстве комнаты над разрушенным тронном.

Всех их, эти заблудшие души, необходимо было освободить. Колдовские заклятья можно теперь нейтрализовать только более сильными, чистыми светлыми энергиями.

Ананда мысленно сонастроился с кристаллом, находящимся в горе Кайлас, и стал взывать о помощи, медитируя от том, как сделать, чтобы души можно было освободить и они дальше могли эволюционировать. И от этого потока мыслей кристалл засверкал, распространяя свои живительные лучи по всему Тибету. И тогда Ананда стал возносить мантры, слова которых были направлены на освобождение душ, давая им возможность перерождения, и монахи, поддерживая Ананду в ритуале освобождения душ, подхватили этот напев.

— ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУНГ!

Постепенно голоса монахов зазвучали в унисон, и тогда кристалл материализовался перед ними. Внезапно через этот кристалл пошёл сияющий лучами переходный столб портала, в котором сгорели в энергетическом огне ужасающие амулеты колдуна Дугпа-Мары. Этот сияющий светом портал замерцал, заискрился от потока душ, в большом множестве погубленных колдуном. Души потянулись в портал со всех сторон и стали наполнять его, и, очищаясь этим сильнейшим светом, исходящим от кристалла, поднимались ввысь по длинному светлomu тоннелю, покидая эту планету, с надеждой вернуться на неё в новом эволюционном витке. Таким образом, монахи спасли большое число человеческих душ, которые не в силах были оторваться от страшного города Митул, витая над ним призраками.

Монахи, выполнив миссию по спасению душ, с чистой совестью покидали город Митул, и Оракул-Саду запечатал вход в него сильнейшим покровом заговорных мантр, чтобы никто и никогда не сумел войти

в былую обитель тёмных сил. Монахи стояли у ворот города и смотрели вдаль — в долину, расстилающуюся под горой, кишашую человеческими останками. Это была Долина Смерти. И тогда все семеро они вооружились осколками камней и, следуя дальше, по всему пути выбивали на скалах одну и ту же мантру — мантру, способную подарить душе свободу.

И если вдруг в сегодняшнем дне вам, смелые и отважные, следующие той же тропой, что шли монахи монастыря Мандыр-Сиддхи, повстречается призрак неуспокоенной души, соберите в себе всю свою силу и прочтите священную мантру, выбитую рукой монаха на каменном склоне. Мантру, которая своей сверхсилой прекратит страдания неприкаянной души и поможет ей скинуть заземляющие её оковы:

— ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУНГ!

(Монахи монастыря Мандыр-Сиддхи)

И если даже вы уже сейчас просто читаете эту мантру, то тем самым уже помогаете одной из заблудших душ переродиться, а этих душ, неприкаянно блуждающих в Долине Смерти — несметное множество. Такие неприкаянные, потерявшиеся во вселенском времени или загнанные чёрными магами, шаманами либо колдунами в кабалу души есть не только в Долине Смерти. Их много повсюду, они рядом, они блуждают среди нас с надеждой на спасение, заглядывают нам в глаза и ждут... И им нужна помощь прозвучавшей от чистого сердца мантры:

— ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУНГ!

Измученные, обессиленные жестокой борьбой с тёмными силами монахи продолжали предназначенный им и благословлённый Ламой-Сахелем путь. В грязных одеждах, густо запятнанных, залитых тёмной слизью погибших сущностей, которых они так смело, самоотверженно, рискуя собственными жизнями, изгоняли минувшим вечером в смердящем лого-

ве колдуна Дугпа-Мары, и сильно уставшие от этого противостояния с тёмными силами монахи кое-как, перебирая ногами, волокли свои тела. Каждый из них опирался на деревянную можжевелевую трость, подаренную вместе с благословением Ламой-Сахелем. И немая поддержка трости так сейчас каждому путнику была кстати.

Большая полная луна, взошедшая этой ночью на небосклон туманной млечно струящейся лунной дорожкой, осветила им путь, и в этом блёклом лунном свете ещё больше на их лицах была видна глубокая печаль и тяжёлая усталость. Монахам сильно хотелось спать, но одновременно так же сильно хотелось подальше отойти от этого миллионы раз проклятого людьми пристанища сатаны — чёртова города Митула, который теперь, с запёртыми воротами и незримой печатью, которую наложил Оракул-Саду, оставался позади страшным сном. Они шли молча, каждый погружен был в свои думы, а Ананда, потрясенный произошедшим, никак не мог собраться с мыслями.

Ананда никак не мог найти объяснения случившемуся, да и не было никакого объяснения, способного оправдать открывшуюся ему правду об ужасной гибели его матери Деви. Картины последних часов ее жизни мелькали перед его внутренним взором, навсегда впечатываясь в его память. Крики матери и ее мольбы о помощи не прекращали слышать его уши. Ее боль пульсировала во всем его существе. Молодой человек так эмоционально погрузился в сопереживание последних часов своей матери, что теперь не мог никак вырваться из этих воспоминаний. Постоянно что-то ему чувствовалось, мерещилось. Пульсировало, стучало в голове, что он, Ананда, должен что-то сделать. Должен! Он для этого пришёл в этот мир. Он должен повлиять на судьбы людей, на судьбы детей, так же как и он, рано осиротевших и с самых первых

дней жизни приложенных не к груди матери, а выращенных кормилицей.

Мысли кружились над ним стаями, такими же крылатыми, чёрными, как птицы смерти. Эти стервятники клевали его сердце и разрывали душу своими острыми когтями, и от нестерпимой боли молчаливые слёзы скорби катились по щекам Ананды.

— Да, я сирота, — сам себе мысленно сказал Ананда. — Есть, конечно, у меня ещё один отец, но знает ли он сам об этом? Ведь за всё время совместного пребывания в монастыре Мандыр-Сиддхи Оракул-Саду так ни разу и не обратился ко мне, как к сыну. Ни разу не поинтересовался моими чувствами, мыслями, ощущениями... Не порадовался он и моим успехам, не узнал о разочарованиях. Ему не интересно, какая дикая боль терзает сердце его сына...

В этих думках Ананда, возглавляющий отряд монахов и следующий впереди этой колонны, оглянулся назад, чтобы бегло посмотреть на своего отца, на Оракула-Саду. Беглого взгляда не получилось, так как замыкающий отряд Оракул-Саду остановился, и их глаза впервые за много лет встретились, крепко сцепившись взглядами. Впервые за десять лет отец и сын, знающие о существовании друг друга, посмотрели друг другу в глаза. Монахи так же остановились и, глядя на них, ждали, и не мешали им, не нарушали этой тишины, понимая, что идёт некая телепатическая беседа. С минуты отец и сын смотрели друг на друга молча, а потом Ананда развернулся и продолжил путь, погружённый в свои далеко не весёлые думы.

Теперь он искал ответ на вопрос, связанный с одним из его отцов, колдуном Дугпа-Марой, которому он по непонятно кем прописанному року должен был противостоять. И думал он также о бывшей обители отца — городе Митуле, который фактически являлся родовым поместьем Ананды. Думал он обо всём этом

и задавал вопросы вселенной и тут же получал ответы из пространства, ответы, которые были предсказуемы, которые он и сам себе в принципе тоже мог дать: «Существует на земле дуальность».

Люди делят реальность своего земного бытия на добро и зло. И тёмные стороны подвигают человека к свету своими действиями, способствуют эволюции, заставляют человека двигаться к духовности, совершать добрые богоугодные дела, обращают его к вере, к молитве. И именно поэтому Ананде пришлось сразиться с отцом, противостоять ему — потому что колдун Дугпа-Мара в жажде мести перешёл границы дозволенного и тем самым нарушил это равновесие. А в природе должно оно быть. И каждый живущий на земле выполняет свою задачу, свою миссию, но его отец, колдун Дугпа-Мара, уже просто-напросто своими бесчинствами стал тормозить эволюцию человечества, вытравливать способность к ней. Все действия и поступки колдуна Дугпа-Мары повлекли за собой сильнейший крен в сторону зла, направленного на полное уничтожение, истребление человечества. Поэтому высшими силами был послан на землю этот ребёнок, Звёздный воин Ананда, чтобы восстановить равновесие, и в первую очередь это равновесие он теперь должен создать в самом себе, потому что представляет собой сенсорный проводник одновременно двух эгрегоров — эгрегоров тёмных и светлых сил.

Ананда думал и о своих братьях по отцу Дугпа-Маре, которые, являясь от рождения тёмными воинами, оставшись без контроля колдуна, разбрелись по всему свету. Населяя землю и пребывая в гунах невежества, они бесчинствуют, лютуют, издеваясь над людьми. И они, его братья, знают о нём, Звёздном воине Ананде, который пришёл в этот мир, чтобы противостоять злу, чтобы противостоять своим братьям, и они считают его предателем, самым страшным предате-

лем своего рода, потому что он имеет не только силу, но и желание погубить их. Так думают они, но он, Ананда, знает, что он будет до последнего своего вздоха бороться и противостоять не им, а во имя их. Потому что он ведаёт, что, одержав эту страшную победу над ними, над единой кровью, которая течёт по их венам, он одержит победу над самим собой. Он очистит свой род и откроет путь в бессмертие их заблудшим душам, даст им шанс испросить пощады у Высших сил и приобрести возможность дальнейшего перерождения, дальнейшей эволюции и дальнейшего самоотверженного служения не тёмным установкам колдуна, а своему многострадальному народу. И он, Ананда, должен суметь принять своих братьев не как зло, а как жертв определённых обстоятельств. Но где, где они теперь обитают? В городе Митуле, это точно, не осталось теперь ни одной души, но они же где-то есть, живут в человеческом обличье, оставшись под программой зомбирования колдуна Дугпа-Мары — человеко-животные, его братья. И к Ананде шла по объединяющей их генетической сетке информация о его братьях, и душа болела за них.

— Ведь они, по сути, ни в чём не виноваты, — думал он.

И он, Ананда, их спасёт, потому что знает, где находится в человеческом теле центр управления этой зомби-программой, которая видна ему на тонком плане в образе чёрного паука, присосавшегося к копчику человека. Этот паук с определённой амплитудой времени кусает его, впрыскивая яд, который, распространяясь по всему позвоночнику, поступает в мозжечок и напоминает зомбированному человеку о его программе.

— Я, Ананда, — беззвучно сказал он сам себе, — спасу своих братьев, как только у меня появится возможность объединиться от всех. Я спасу свою кровь, я сумею

снять эти блокировки, ликвидирую все программы установок, и они, мои родные братья, станут такими же, как я, — Звёздными посланниками.

Мысли Ананды были неожиданно прерваны представшим пред ним Оракулом-Саду, который по пути наблюдал за сыном и даже читал его мысли. Оракул-Саду, положив свою ладонь на плечо единственного сына Ананды, внимательным, добрым, искренним взглядом посмотрел в его глаза. И в этом взгляде Ананда поймал нескончаемый поток отцовской любви, которая ему сейчас так была необходима, и вместе с этим пришло к нему понимание их негласного молчания. И теперь им двоим, по прочтённым в глазах вопросам и молчаливым ответам, полученным на них, были понятны вся суть и причина, по которой они дальше должны были соблюсти тайну их родства.

— Когда ты чувствуешь, что должен что-то делать, твоё тело, речь и ум не могут полностью успокоиться, — сказал, обращаясь к Ананде, Оракул-Саду.

— Но как же без этого? — спросил Ананда.

— Надо не чувствовать, а знать, необходимо иметь в себе силу и уверенность, — ответил Оракул-Саду.

— Знать! — повторил сын.

Оракул кивнул.

— Силу и уверенность! — повторив эту фразу, Ананда тем самым закрепил урок, данный ему отцом.

Спирулина

Уже светало, а Ананда и отряд монахов всё двигались, преодолевая перевал за перевалом. Ананде показалось, будто он увидел вдали полосу воды. Он остановился и жестом указал монахам туда, где за небольшим возвышенным перекатом вместе с восходящим солнцем забрезжила на горизонте нежно-голубая, покрытая туманным облаком озерная гладь.

— Но, — удивились монахи, — это какой-то обман зрения, в этом месте не должно быть озера, его нет на нашей карте.

И от этих слов дымка над озером закачалась и, разрастаясь над ним облачным сгустком, спрятала его, как будто его никогда и не бывало. Всем было понятно, что на своём пути они снова столкнулись с ещё одним сокрытым от стороннего вторжения местом, которое для каких-то определённых целей было кем-то очень надёжно здесь спрятано. Оракул-Саду, сосредоточившись, стал читать мантру, снимающую силой вибраций оморочные начитки. Облако колыхнулось и немного поднялось над озером, но совсем не пропадало, а наоборот — будто под тяжестью неведомой силы ложилось на воду. Тогда все монахи также подхватили мантру и стали нараспев возносить её. И облако стало рассыпаться крохотными прозрачными воздушными капельками, оседающими в воду. От этого озерная гладь вся замерцала под лучами восходящего солнца, заискрилась переливами, и открылась монахам необычайной красоты долина, охваченная цепью гор.

Монахи, увидев озеро, воспрянули духом и, словно их ноги не познали усталости этого длинного изнуряющего пути, быстро направились к нему, и деревянные можжевельные трости будто побежали, зацокали своими металлическими набойками по каменистому склону гор, ведущему к живительному водоему. Найденное в горах озеро было для монахов как никогда кстати. Они совершили там омовение, постирали свои одежды. Спрятавшись в густой высокой, выше человеческого роста, траве, каждый соорудил себе что-то типа шалашика из неё, собрав в пучок, завязанный у колосков. Затем, пожевав скудную еду, монахи погрузились в долгожданный сон. Плеск волн успокаивал их.

Ананда сидел на берегу озера и смотрел на кристально чистую воду, сквозь которую видны были все камушки, рыбки, ракушки и необыкновенно красивые длинные волокна синевато-зелёной водоросли, которая от малейшего колебания воды так нежно и красиво колыхалась. Эти водоросли, прорастающие в озере, привлекли внимание Ананды. Он, опустив руку в воду, зажал водоросль в кулак. В ладони будто почувствовал живой, разговаривающий с ним организм. И водоросль ему сама рассказала, как много в ней полезного, как можно её применить для эволюции людей и что она несёт именно ту щелочную среду, которая способствует жизни всех здоровых существ, и наряду с этим она является сильнейшим антипаразитарным средством. Водоросли стали, закручиваясь, обвивать его руку спиральными нитями.

— Ты спирулина, — произнес он услышанное её название, какое творцы дают всему созданному, а человек потом черпает эту информацию из пространства.

— Да, спирулина, — подтвердила она.

Совсем незаметно к Ананде подошел Оракул-Саду.

— О чём думаешь, сын? — полушёпотом спросил он его.

— Как думаешь, отец, — так же тихо, не оборачиваясь, вопросом на вопрос ответил он, — люди, если хотят просветления, хотят эволюции, хотят помогать окружающим, то надо же с себя начинать — в первую очередь с очищения физической оболочки. Нужно убирать из тела глистов, вирусы, бактерии, и вот как раз я обнаружил в этой воде чудодейственное растение. Это пища будущего, она спасёт очень многих страждущих в болезнях людей.

Ананда протянул руку с волокном водоросли Оракул-Саду, и тот, взяв её, попробовал на вкус.

— Да, — согласился он с сыном, — это действительно одновременно и пища, и лекарство, способное поста-

вить больных людей на ноги. И нам нужно как можно больше собрать этой водоросли, чтобы показать людям, как он выглядит, и рассказать им о его полезных регенерирующих свойствах.

Так была открыта для всеобщего потребления и оздоровления чудодейственным образом влияющая на организм человека водоросль — спирулина.

Монахи Мандыр-Сиддхи приняли решение собрать из озера это ценнейшее растение и доставить его людям, чтобы наглядно продемонстрировать, рассказать им об этом богатом растительным белком и всевозможными витаминами питательном продукте. И, конечно же, открыть им путь в эту долину, ведь даже на себе они уже начали ощущать, что есть от этой еды польза человеческому телу. Кроме того, в первые же дни приёма растения из них начали выходить паразиты. Весь организм чистился от грязи и шлаков, и монахи почувствовали, как стали силой наливаясь мышцы и какие бодрость, тонус и энергию даёт им эта водоросль. И засияла чистотой, подтянулась кожа. Поражённые этим необыкновенно чудодейственным свойством водорослей целую неделю, от зари и до зари, монахи собирали их, просушивали, измельчали и делились друг с другом ощущениями от приёма этой травы, кроме которой они уже целых семь дней ничего не ели. Монахи на практике сами могли теперь проверить целебные свойства спирулины. Они беспрестанно обсуждали между собой небывалый феномен, ведь получается, по сути, всё, что нужно человеку для питания и поддержания в чистоте и здравии своего тела, — есть в этой водоросли. Ну и, конечно же, самым важным и ценным было для монахов то, что в ней есть весь комплекс питательных веществ, который может полностью исключить приём продуктов животного происхождения.

За интенсивной работой по сбору водоросли день за днём пролетали для монахов незаметно, и, натрудившись, спали они так сладко, будто младенцы.

Лишь только Ананде не спалось, никак не находил он себе места и всё думал: как, как же ему спасти своих братьев? И в этих думах он смотрел на закат, на озеро, на успокаивающую своим плеском воду, на стаи птиц, прилетевших к этой воде, — красивейших птиц со всей земли.

Закат багровый в озере купался,
И яхонт солнца лёг по горизонту.
Огромной чашей винного напитка
Манила гладь божественную птицу.
Летели стаи, в воздухе воркуя,
Над чашей очарованные вились,
Клонились над рубиновым напитком
И пригубить спешили эликсира.
И, словно опьянев от этой влаги,
В пурпурном цвете розовые птицы,
Как будто в танцевальном бальном зале,
Кружились парами в порывах лёгких ветра.
Палитра чувств играла пылко,
И взмах крыла плескал с пригоршней
вино в искрящемся бокале
Пунцовых песен партитуру
и ритмы райского фокстрота.

Так, не замечая времени, смотрел Ананда на необыкновенных птиц, на воду, и вот уже восходящая половинка луны выползла на небосклон и тоже решила окунуться в озеро. Большим жёлтым масляным пятном она расплылась по поверхности воды и высветила озеро до самого дна. В этом лунном свете видны были все камушки, все водоросли. Они колыхались в воде, будто кренящиеся под ветром деревья, и у Ананды создавалось ощущение, что он видит на этом клочке земли образы своих одичалых братьев, живущих в раз-

битом юртами стане со своими семьями, имеющих продолжение от женщин, которые являются их же пленницами. Его братья, привыкшие жить грабежом, как племя первобытных дикарей.

Ананда пристальней взгляделся в воду и сквозь неё увидел картины из жизни своих братьев: наблюдал, как группы лазутчиков, рассеявшись по городам, узнавали когда, куда и с чем, с какими товарами пойдут караваны. Они предлагали сопровождать караваны, а сами заводили их в ловушку и грабили. Лазутчики старались затеряться среди людей и с этой целью, в отличие от всех остальных, состригали свои дреды — туго заплетённые косички, и надевали несвойственные для них простые, обыденные для людей того времени одежды. Ананда так же узрел, как эти отрезанные длинные, заплетённые жгутики волос падают в чистую воду и от соприкосновения с ней обращаются в змей. Змеи плывут по воде, извиваются и, корчась в водоёме, погибают.

Водная гладь зарябила, картинка в ней поменялась, и Ананда увидел своих братьев в другом обличье. Дешёвый, душный, вонючий и грязный трактир был под завязку набит людьми. Там, под сводами замызганных, затёртых жирными руками стен при тусклом освещении факелов собирались и рвань, и прилично одетые господа. Стоял громкий пьяный гул. Среди этого пьяного сброда на отполированных штанами скамейках за длинным столом, хлебая без меры дешёвое вино, веселились его братья. Кружка за кружкой они вливали это пойло в свои глотки. Вот один из них встал и, еле удерживаясь на ногах, направился в нужник. Кое-как виляя по тропе, он дошёл до соломенного сооружения, прикрытого тряпкой, и приоткрыл его, чтобы войти. От этого колыхания из-под занавески пошёл поток зловония, и он, даже будучи в бесчувственном

состоянии, от смрада, ударившего в нос, не сдержался и сплюнул на угол нужника.

Вернувшись в духоту, тесноту и смрад трактира, он, кое-как втиснувшись в узкую щель между столом и лавкой, скользнул по ней лоснящимися от грязи штанинами, раскинув в стороны локти, и улётся грудью на стол. С маху выпил ещё литрушку вина и, совсем утратив вестибулярный контроль, всем своим грузным телом с шумом и вырывающимся бранными словами повалился на пол. Этот пьяный, огромного роста, с хорошо развитым мускулистым телом мужик тут же был подхвачен работниками заведения под руки, и они поволокли его в такие же грязные, кишасщие крысами, вшами, всевозможными бактериями, пропахшие табаком, рвотой и похотью номера. Женщины, промышляющие распутством и удовлетворяющие мужскую похоть за еду и, если повезёт, за монеты, стали ссориться между собой из-за мешочка, болтающегося на поясе, который ещё не полностью был опустошён.

Ананда, глядя на всё это, испытал к своим братьям одновременно сострадание и глубокое отвращение.

Луна плыла по небосклону, как корабль по бесконечному океану, кишасщему светящимся планктоном, и от этого мерцающего света изображение в воде сменилось.

Базар был заполнен товарами, купцами, покупателями, бродягами да попрошайками. Затерявшись в этой толпе, приняв образ нищих оборванцев, один вид которых заставлял брезгливо отшатнуться, либо прикинувшись спящими на обочинах пьяницами, не привлекая к себе особого внимания, братья Ананды высматривали для себя будущих жертв разбойных нападений и грабежей. Потом они отрядом напали на приглянувшихся им жертв, на их дома и даже целые селения, обворовывая их.

Увидев все деяния своих братьев, Ананда, не сходя с места сонастроившись с каждым из них через общую с ними генетическую сетку, начал читать мантру, которой обездвигил их.

– ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУНГ!

После прочтения второй раз мантры он стал выводить их из состояния зомби, и стали отпадать с их тел энергетические блоки управления – «пауки».

– ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУНГ!

А прочтением третий раз этой мантры Ананда открыл портал для звёздных душ, чтобы использовать их тела для светлых воинов:

– ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУНГ! Будьте Добрее когда это возможно, а это возможно Всегда. Обретя духовные Заслуги путём Деяний и других совершенств Да станьте вы Буддами на благо всех живых существ!

И вместе с ослепительным потоком света вошли звёздные души в их тела. И ожили они, осмотрелись вокруг и ужаснулись своего вида. Им сразу захотелось помыться, смыть с себя всю нечисть, всю грязь, состричь длинные заплетённые косичками волосы, бороды... И осуществляли они омоложение тел. И ощутили обновлённые чистые тела и души, и захотелось им также скинуть ужасные одежды и надеть на себя чистое, свежее бельё. И они, братья Ананды, ставшие вмиг людьми, наконец-то обрели человеческий вид.

Стал Ананда тогда призывать братьев к себе, чтобы они присоединились к светлому войску и разделили миссию по спасению людей. И потянулись со всех сторон света Звёздные воины, братья Ананды. И первый из тех, кто прибыл, поклонился Ананде, и сказал:

– Приветствую тебя, мой Звёздный брат, я пришел по твоему зову, чтобы послужить во здравие, во благо эволюции человечества.

Крепко обнимались братья, признавая своё родство и принимая друг друга, и слёзы радости наполняли им

глаза. И, так как они, Звёздные воины, братья Ананды, ранее проживали в этой долине, то знали все растения, произрастающие в ней, и являлись от природы, по своей крови, знатоками-травниками, сильнее которых на всей земле более не было. И эти знания, которыми они владели, были как никогда кстати. И понесли они семена, корни, травы... в мир людей, чтобы научить их, как засеять ими поля, высадить в своих наделах, насадить на лужайках, запустить водоросли в свои водоёмы.

ГЛАВА 3

Медицинский трактат Ананды

Так постепенно со всего света по призыву Ананды стали тянуться к нему преобразившиеся в человеческий облик его Звёздные братья. Они приносили ему свои великие знания. Охотно ими делились с ним, ведь эта магическая сила в разных проявлениях была заложена в каждом из них вместе с отцовскими генами. И стал тогда Ананда создавать медицинские трактаты, записывая туда древнейшие знания. И день ото дня пополнялась его книга, и вместе с тем стремительно набирало обороты знахарство, народное здравничество, и формировалась таким образом медицинская система Тибета, которой нет равных и по сей день во всем мире.

Главной идеей, в которую Ананда уверовал и которую хотел донести до людей, о чём он делал заметки в своих трактатах, — это ликвидация паразитов, проживающих в человеческом теле. Эта тема тревожила его ещё и потому, что он видел гельминтов, живущих во внутренностях человека так же, как и паразитов тонкого плана — различных астральных существ, духов, лярв и прочих субстанций, подсаженных, подселённых человеку посредством магических действий. Он будто зрел человека насквозь и ужасался этих ви-

дений. Паразитирующие черви жрали каждого, на кого бы он ни посмотрел. Эти обитатели человеческого нутра чем-то напоминали ему астральных паразитов, также живущих за счёт ресурсов человека, выжимающих их из него. И физические, и астральные паразиты, как общая единая раса собратьев по разуму – будто борется с человеком, истребляя его. И те, и другие имеют в своём строении схожие присоски, щупальца, хоботки, которыми вцепляются, впиваются в плоть. Не видел Ананда между ними особой разницы: и те, и другие – это грязь, считал он, от которой необходимо очищать свой организм. От паразитов физического плана можно очистить своё тело травами, специями, маслами, очищающими процедурами, чистотой, контролем потребляемых продуктов, соблюдением гигиены... А от астральных же паразитов спастись можно только молитвами, сильнейшими мантрами, мыслеформами, ритуалами...

Ананда был уверен, что безграмотные люди даже не понимают, как опасны и физические, и астральные паразиты. И первые, может быть, представляют своим существованием наибольшую опасность, и все проблемы людей, связанные со здоровьем тела, происходят от этих паразитов, которые выжимают организм, выкачивают из него энергию, так необходимую для жизни человека. И человек становится выжатый ими, как использованный жмых. И полностью очиститься от них очень непросто. Поэтому Ананда считал, что наведение и поддержание внутренней чистоты органов для человека должно стать образом жизни. И он хотел донести эту информацию безграмотным людям, сказать о создавшейся проблеме самым простым и понятным для них языком. Найти для них такие слова и термины, которые они поймут – и воспылают желанием воспользоваться этими знаниями, и сделают их образом своей жизни, держа

в чистоте не только свои жилища, но и свои физические и духовные тела.

В изучении паразитов Ананда обратил своё внимание и на тот факт, что облюбовавшие человеческое тело для проживания на астральном и физическом уровне паразиты имеют свой разум, своё сознание. Они могут навязывать свою волю человеку, поработать его, управлять им. Ну, например, импульс управления сознанием человека физическим паразитом может проявляться в желании беспрестанно и беспорядочно есть. Особенно, если это желание появляется у человека с наступлением сумерек, во время, предназначенное для его отдыха. Вот он, первый крик организма! И это не желание человека — это глисты открыли свои микроскопические пасти и едят, раздражают желудок, сосут его, тем самым управляя человеком, заставляя его подать им пищи, причем диктуют, привязывают свои привычки к излюбленным блюдам. И ест человек не в силах утолить голода, и кормит своих прожорливых, кишачих в его утробе жителей, прописавшихся к нему надолго, зачастую до самой смерти.

Астральная же сущность также управляет сознанием того, на кого она была с определённой кодовой программой направлена, и её проявление в организме человека также заметно. В зависимости от программного кода установки этой сущности в организме человека может наблюдаться такая симптоматика: резко наступающая сонливость, мгновенный энергетический спад, присутствие в душе ничем не обоснованной тревоги, страха, полная потеря жизненного интереса, плаксивость... Астральные сущности помимо специально проведённых энергетических ритуалов также могут быть созданы злым, завистливым человеком неосознанно. Посредством взгляда, в котором сконцентрировалась его злоба, ненависть,

желчь... В таком случае эти сущности проходят в энергетическую пробойну. Если человек сразу ощутил эту пробойну сглаза на себе, то её можно легко убрать, не дав внедриться в себя и остаться разрушающей болячкой в теле определённой разрушающей программе. Чаще всего от сглаза страдали маленькие дети. Они сразу чувствуют энергетическую пробойну, сильно плачут, не могут уснуть, кричат, пытаясь таким образом сказать родителям о возникшей проблеме.

Ананде приглянулся один народный способ снятия этого посыла – способ, которым поделился с ним уже успевший побывать на Руси его старший, по отцу Дугпа-Маре, брат Ешэ. Он рассказал ему, что бывал в дальних краях и там люди умершему родственнику подкладывали в гроб яйца, так как они хорошо впитывают и втягивают в себя запах покойника. То есть яйцо использовалось как нейтрализатор едкого токсичного выброса от разлагающегося тела. Также брат Ешэ натолкнул Ананду на такую мысль: что, если яйцо, имеющее такую сильнейшую способность впитать в себя едкий запах разлагающегося трупа, контактируя с телом живого человека, будет впитывать в себя негатив, находящийся в нём? То есть если обкатать тело свежим куриным яйцом, то оно втянет в себя энергетическую субстанцию астральной сущности или, если эта сущность является очень сильной, ослабит её влияние на человека. Другими словами, человек может самостоятельно помочь своему ребёнку – сбросить энергетический посыл злого глаза на яйцо, просто обкатав им голову, живот, руки, ноги... И уничтожить яйцо, разбив и вылив его в отхожее место – туда, где и есть место для нечистот.

Покатилось яйцо по дитячье лицо,
Собирает сурок с чужих глазок зырок,
Чур, с тельца на яйцо! Чур!

Также при помощи сакральных слов — вербальных кодов — в яйцо можно зазвать и втянуть обитающую в человеке астральную сущность, а затем закопать вместе с оным в землю, подальше от места своего обитания. Эти слова, заключающие сущность в определенный предмет — в данном случае в яйцо, — называются: заговор, вычитка, отчитка, скатка... И они способны вытянуть из организма даже очень сильную порчу. Понятно, конечно же, что этот ритуал должен быть произведён на убывающую луну.

Ананда был очень благодарен брату Ешэ за такой доступный для простого, пусть даже самого безграмотного человека метод борьбы с астральной тварью. Метод, который человек сам может применить в лечении себя. Ананда всю эту информацию, поведенную братом Ешэ, до единого слова записал в свой трактат и продолжил дальше анализировать приобретенные знания. В природе этих физических паразитов существует несметное множество разновидностей, и заразиться ими очень просто, ведь они обитают повсюду: и в мясе, и в рыбе, в овощах и фруктах... Везде — и даже в песке.

Астральный же паразит создается определённым магическим ритуалом, заговором, энергетическим посылом... Таким образом созданная энергетическая сущность, запрограммированная на достижение определённой цели, направляется к человеку. Она присасывается к его энергетической оболочке и пытается пробить её, залезть внутрь, присосаться к человеческому телу. Там, благоприятно обустроившись, новоявленная сущность начинает учиться управлять человеком, как будто она не на теле его поселилась, а внедрилась в защитный скафандр, и, почувствовав себя защищённой, начинает действовать, достигая конечной цели заданной установки.

Оракул-Саду тихонько, незаметно подошёл к Ананде, который сидел на траве неподалеку от отдыхающих монахов и через плечо заглянул в его книгу.

— Правильно, — не оглянувшись, по невесомому шороху ног зная, кто подошёл к нему, сказал Ананда. — Вам одному из первых стоит этим интересоваться.

— Что ты имеешь в виду? — удивился Саду.

Ананда повернулся, внимательно посмотрел на ноги своего отца, кивнул, и его взгляд указал на вспухшие, усталые ноги Оракула-Саду

— Да, старый я уже стал, — подтвердил Оракул, рассматривая свои распухшие лодыжки, — быстро ноги стали чувствовать усталость.

— Это не усталость чувствуют ваши ноги, — поправил его Ананда, — а паразиты помогают вам поскорее уйти с физического жизненного плана.

— Что ты такое говоришь? — одновременно удивился и возмутился Саду.

— То и говорю, что кишит ваш организм шистосомами.

Оракул-Саду присел рядом с Анандой и попросил:

— Расскажи-ка мне подробнее, о чём ты.

— Понимаешь, отец, — Ананда оглянулся вокруг и продолжил, — есть такой вид паразита — шистосома, ужасный, чудовищный организм, обитающий в пресных водоемах, который попадает в тело человека через песок или воду. И до такой степени шистосома тонкая, что, даже из песка попадая на кожу, может проходить сквозь неё. Поселяется она в кровеносных сосудах человека и живёт там, размножается. Этих паразитов становится много, они частично гибнут. Продуктами распада забивают вены, полностью поражая всю кровеносную систему. Сосуды закупориваются, сильно набухают, расширяются, наполняясь яйцами паразитов, и сильно отекают, тяжелеют, бо-

лят поражённые ноги. Также начинает страдать вся мочеполовая система, в теле человека появляются кистозные новообразования, полипы разрастаются на внутренних органах, всевозможные опухоли поражают их. И этими симптомами организм кричит, вызывает к человеку о помощи, а человек глух к воплю организма и продолжает вскармливать в себе поражающее плоть войско паразитов. Вы вот, отец, обладая знаниями мага, страшитесь колдовства, чародейства, защищаете себя от астральных нападений, но даже подумать не можете, что паразиты намного опаснее для организма, от них очень сложно и зачастую невозможно избавиться. И они изъедают ваше тело изо дня в день, и если колдовской начёт может быть разбит посредством магического ритуала, то с гельминтами борьба предстоит более длительная и не менее энергозатратная. Ваши ноги, отец, поражены шистосомой, это парные церкарии, которые живут в кровеносной системе человека. Самец и самка шистосомы живут в кровеносной системе человека, они всегда скрещены и постоянно совокупаются, размножаются, растут... И самое опасное от них — это тысячи яиц, откладываемых ежедневно в сосудистое русло, имеющих заострённые крючкообразные концы, которыми они цепляются за кровеносные сосуды, повреждая их. Колониями яиц и продуктами распада паразиты полностью забивают сосуды, утрамбовывают кровеносную систему, и она не выдерживает, давая сбой. Таким образом, микроскопический организм шистосома способен погубить любого физически здорового человека.

Оракул-Саду под монотонный монолог сына молча сидел рядом и рассматривал свои бугристые, вздутые шишками на ногах вены, понимая, что Ананда прав и что надо каким-то образом бороться с паразитами

и оздоравливать болезненное состояние своих кровеносных сосудов.

— Что делать с этим? — обратился он к сыну.

— Лечиться, — спокойно ответил Ананда. — За этим мы и пошли в этот путь — чтобы найти способ помочь людям и себе, приобрести эти знания и понимание их использования. Необходимо нам сейчас находить средства, воздействующие на определённого паразита, все подряд же не будешь людям советовать. Но знаете, что, отец, если честно сказать, очень трудно от шистосомы избавиться — как минимум года два нужно потратить на лечение. Желательно полностью исключить из питания продукты животного происхождения, и благодаря спинулине в этом сложности не будет, так как в ней есть все необходимые организму микро- и макроэлементы, кроме того, её потребление дает организму и сытость, и хороший заряд энергии. Помимо всего спинулина — антипаразитарник сильнейший, но, к сожалению, в борьбе с шистосомой она не имеет возможности полностью победить её, хотя помогает другим средствам, в комплексе с ними оказывает своё лечебное действие. Когда у паразита в результате приёма антипаразитарного препарата ослабевают присоски и он отцепляется от плоти человека, спинулина обволакивает струящиеся кровью от повреждений ранки и залечивает их. Таким образом, изгнание паразитов из организма становится менее болезненным и более мягким для человека.

На каждую разновидность паразитов есть определённые методы воздействия. Это и травы, и корни, и семена, вытяжки, масла, очистительные процедуры... В вашем случае, отец, может помочь чистка кедровой живицей, и больше, я так думаю, нет против шистосомы препаратов. Для лечения необходимо из живицы кедра — а кедр самое сильное дерево

на земле — изготовить термированный бальзам. Нужно взять живицу большого процента, которая берётся с неподсоченного дерева, то есть не с раненого кедр, а с того, который сам её от избытка отдаёт, и она на стволе капельками смолы висит и кристаллизуется. В капельку густой смолянистой массы вложена вся энергия из пространства, которую кедр берёт из космоса, впитывая через иголки. Смешать живицу с тёплым сыродавленным растительным — кедровым или льняным — маслом, и живица растворится в этом масле, становясь бальзамом. Этим бальзамом высокой концентрации надо натирать ноги постоянно. А внутренний приём — как минимум необходимо провести четыре курса лечения, каждый из которых длиною в восемь декад.

Такую чистку организма от паразитов производят весной и осенью. Делается эта чистка по такой схеме: на убывающую луну начинать прием термированного бальзама с одной капли, увеличивая дозировку, прибавляя по капле, и так до сорока капель — первые четыре декады, а потом убавляя по капле — следующие четыре декады. Принимают её внутрь утром натощак, сразу после сна, можно выпить предварительно стакан теплой воды, чтобы разогнать кровь. Заливают бальзам под язык. Потом, минут через десять-пятнадцать, можно пить настой антипаразитарной травы. Пьётся бальзам один раз в день, а вечером необходимо принять льняную муку или молотое семя льна. Таким образом, при такой комбинированной чистке выводятся токсины, и паразиты мягко выходят из организма. При этом лечении нельзя есть мясо, потому что тогда организм погибающих паразитов начинает воспринимать как пищу, перерабатывает и усваивает их, а не выбрасывает. Так чистится не только физическое тело, но также эмоциональное и эфирное тела человека. Еще двухпроцентный раствор живицы мож-

но закапывать во время чистки организма в глаза, так как у многих людей паразиты и там тоже водятся, и в голове водятся, и в головном мозге...

А для ног ещё очень хорошо дыхательные упражнения выполнять, брюшиной дышать, потому что люди в основном дышат поверхностным дыханием, а живот кислородного питания не получает, из-за этого идёт нарушение в обменном процессе, ноги болят, особенно если паразиты в них живут.

— И ещё тебе, отец, — Ананда тут же поправил себя: — вам, отец, надо бы жевать медовый забрус, в нём столько полезных веществ! Его жуёшь — он дёсны чистит, всю ротовую полость обеззараживает. Даже зубы, если его постоянно жевать, восстанавливаются. И нам, отец, ещё надо искать и найти способы очистки от гельминтов, способы, доступные каждому человеку, натуральные, лечебные, эффективные, чтобы их приём способствовал выходу паразитов из организма. А для того, чтобы они выходили, их нужно парализовать. Тогда их вьёвшися в плоть присоски ослабевают, и они отцепляются, начинают выходить из организма человека.

— Ладно, Ананда, — после долгого молчания заговорил Оракул-Саду, — пойду я обдумаю всё, что ты мне рассказал. Ты, конечно, прав во всём абсолютно. Если желаешь людям здоровья, то и о своем надо думать.

Саду залез в свой шалаш, долго ворочался и уснул. И снились Оракулу церкарии, множество паразитов. Снились заострённые крюки на их яйцах, которыми они вцеплялись, вгрызались в его плоть и острыми наконечниками рвали ему вены. И от этого кошмара он в ужасе кричал во сне, отбивался от нападения микроскопического войска паразитов, грызущих, сосущих и буравящих насквозь его внутренности.

Небо высветилось бесчисленными звёздными искрами и закружилось над головой. Ананда, закинув руки за голову, лежал на тонкой циновке, слушал, как где-то вдали поёт свою песню перепелка: фить-перю, фить-перю, фить-перю... — и наблюдал за медленно плывущими вдаль звёздными дорожками на небосклоне.

Вдруг он стал видеть во сне образы, беспорядочно снующие по небу, чернее чёрного, длинные полосы теней. Их было огромное множество, и Ананда, наблюдая, всматривался в эти астральные сущности, для которых настало излюбленное ночное время для вторжения в спящие тела людей.

И каждая из этих особей искала на большой дремлющей планете тело, куда ей можно было бы подселиться. Все эти сущности делились по своему психосоматичному характеру, и каждая из них была носителем своих кодов, целей и установок. И если такая сущность видела на земле человека с уже подсаженной, созвучной, схожей по коду программой, то она имела возможность с ней сонастроиться и, наложившись на неё, усилить способ воздействия на человеческую психику. И непонятно становилось в этом хаосе людей и сущностей, кто же хозяин на этой земле — человек или паразиты, управляющие им. Так изо дня в день, из минуты в минуту ищут астральные сущности подходящие для своего паразитирования физические людские тела, ведь эта форма человеческого существа для них — целая вселенная, которую они колонизируют, населяют так же, как люди землю.

— Да, — сам себе сказал Ананда, — астральная проекция переполнена всевозможными паразитирующими сущностями настолько, что невольно задашься вопросом, откуда их столько развелось?

И вроде как сам себе ответил:

— Огромное, бесчисленное в астральном плане количество душ, не прошедших в высшие сферы для дальнейшей эволюции, зависли в низких эфирных слоях и парят там.

Ананда тут же стал произносить, из раза в раз повторяя волшебный слог, мантру монахов монастыря Мандыр-Сиддхи, которая мощной силой своих звуковых вибраций облегчает страдания неприкаянной души и помогает ей скинуть заземляющие её оковы:

— Ом-мани-падме-хунг.

Воздушное пространство заметно высветлилось, но ещё много схожих по своей структуре энергетических субстанций бороздили его. Это были сущности, которые созданы человеком специально для воздействия на другого человека, для выполнения определённой цели — такая сущность должна заставить, навязать мысль о выполнении заданной программы тому человеку, кому адресована.

Ананда постоянно проводил параллель между паразитами астрального и физического планов. И получалась довольно-таки печальная картина. Паразитов астральных человеку подселяют посредством магии, а физическими паразитами он сам себе населяет утробу, сам их вскармливает своим бездействием. Таким образом, человек культивирует их, способствует размножению, создаёт благоприятную среду, но в этом случае он хотя бы сам себе хозяин, а вот в случаях с астральным воздействием дела, конечно, обстоят по-другому.

Именно о таком диком воздействии на людей рассказал ему прибывший из Сибири брат Сэлихэр. Он поделился с Анандой историей астральных атак, которые сам однажды наблюдал.

— Самая наболевшая и устрашающая тема для людей, — говорил Сэлихэр, — это колдовское воздействие на них. Ведь сколько посредством магических

ритуалов, заговоров, начётов разводят, изводят, зомбируют, портят людей... Люди, они и сами даже не осознают в полном объёме, не ведают, даже представить себе не могут, что такое возможно. И когда посредством колдовства рушится их жизнь, не сразу понимают, что на них сделан магический колдовской посыл, направленный на достижение определённой цели. На каждого, абсолютно на каждого хотя бы раз в жизни это покушение производилось. А вообще, если посмотреть человека на тонком плане, можно увидеть, что всю свою жизнь он — как мишень для магических дротиков, и если он не защищён силой веры, талисманами, амулетами, оберегами, то атакуем ими постоянно. Любой, абсолютно любой цели колдун может добиться посредством магии: и подлечиться за счет чужих ресурсов, и забрать себе молодость человека, навязать мысль о суициде, приворожить избранника или избранницу, подчинить своей воле. Сделать так, чтобы миловавшиеся ранее супруги возненавидели друг друга, подсадить вшей, наслать ползуна... Или даже просто подшутить — посмеяться над хозяйкой и испортить щи, которые та готовит. Ну, а если уж вопрос стоит о любви, люди постоянно обращаются ко всевозможным гаданиям и приворотам. Да что уж там говорить, если он и сам, Звёздный посланник Ананда, от миссии которого зависит судьба его народа, был зачат посредством тёмной магии колдуна Дугпа-Мары и обладателем светлых знаний Оракулом-Саду...

Итак, вернёмся к истории, рассказанной Сэлихэром, который после падения империи колдуна Дугпа-Мары, не бахвалясь своими знаниями и силой, остался жить в одном сибирском захолустье. И там, в этой деревне, он, как сторонний зритель, наблюдал совершенно уникальную картину астральных атак на людей. В добротном деревянном доме жил мужик

лет тридцати семи со своей женой, красавицей Степанидой, да тремя малыми детками. Такие семьи, как эта, в народе слывут благополучными. И хозяйство-то у них — десятки голов, и в огороде всё ухожено да урожайно, и в доме чистота да уют, и сами счастливые, и дети у них — как ангелочки... Жена Степанида — такая красавица, что глаз не отвести, любоваться на неё можно бесконечно. Такая она стройная, будто точёная. Глаза серые, большие, коса русая ниже пояса, а он, муж её Павел, и того краше — фигура Аполлона, глаза голубые, как чистое небо, черты лица все правильные, волосы пепельные... Женщины смотрели на него и млели. И в итоге женщины, падкие на чужое счастье, магией да колдовством из него сделали нечто, плохо напоминающее былого Павла, полного силы... В этой же деревне, по другую сторону села, баба жила лет сорока пяти. Полная противоположность Степаниде. Глаз тёмный, взгляд колючий, злой, губы узкие, если и улыбнется — улыбка вроде как натянутая получается, ехидная. Боялись селяне её, так как ходили меж людей слухи, что она магией промышляет. И приглянулся ей красавец Павел. И сон-то она из-за этого потеряла, всё его подле себя мечтала видеть, в объятиях его забываться, да чтобы он ласковый с нею был и полюбил её — Стасю. И такую страсть она в себе распалила, что возжелала Павла и жизни без него не представляла. А женщина всегда хитрее мужчины, а уж если она колдовка, да ещё и сильная, то победит любого мужчину, обманет, запутает, заговорит... У неё больше изошрённых путей воздействия на него и на его окружение. Её ум очень гибок и изворотлив, а в сочетании с тайными знаниями ещё и силен, коварен и непредсказуем. И вот стала она, колдунья Стася, стараться увлечь Павла всякими уловками. Уж старалась она: и платье надеет, и губы подведёт — а он всё будто её не замечает,

к жене своей Степаниде спешит, мимо Стаси идёт. И заело это женское самолюбие, и такое желание страстное заполучить его любой ценой воспылало в ней, что стала применять Стася свои колдовские знания злобные. И раскинула она на ткани чёрной пентаграмму, прочла страшное заклинание и призвала из астрального плана душу неприкаянную, кою узрела в открывшемся колдовством портале. Басурманин Хамид спустился в наш мир по её колдовскому призыву. Посулила ему Стася за службу — если он Степаниду изведёт — в награду перстень дорогой, подарок бабки своей, коим очень дорожила, и коня вороного из своей конюшни, да позволила жить Хамиду в сенях при доме, пока службу он для неё исполняет. Да так сильно настроила она Хамида:

— Сделай так, чтобы Степаниде ни до чего дела не было, чтобы позабыла она, как с мужем миловаться, злой стала, скандальной, ничем не довольной...

И всё, что возможно, сделать для этого Стася позволила Хамиду.

— Лупи её плетью, изводи работой — только разлучи её с Павлом, возлюбленным моим, — наказывала она.

Человек всегда стоит перед выбором, и за свои действия он несёт ответственность. И всегда какие-то действия ведут за собой какие-то последствия. И от его действий зависят вся его жизнь и жизнь его близких и окружающих людей. Но Стася об этом не задумывалась и делала всё возможное, лишь бы достичь результата.

Так Басурманин Хамид был направлен к Степаниде, а она, Стася, спокойная за то, что Павел теперь будет не так сильно обременён контролем жены, принялась за своё колдовское дело.

Степанида стала вялой, болезненной, слабость наполняла её тело, и постоянно хотелось спать. Ей ка-

залось, будто бы она придавлена холодной могильной плитой и никак не может, не в силах из-под неё подняться. Так в один из дней муж ушёл на работу, а она в хлопотах по хозяйству залезла на сеновал, чтобы взять травы для коровы. Пряный аромат скошенных трав пьянил, кружил голову, и Степанида, такая ослабленная и уставшая, присела в сено немножко передохнуть и даже сама не поняла, как стала проваливаться в сон. Сознание понеслось, полетело в какую-то бездну, и она падала, падала, падала... Степанида спала тревожным сном и вздрагивала. Басурманин Хамид стоял над ней и оценивающе смотрел, взглядом своих чёрных колючих, жгучих глаз скользя по её фигуре. А потом давно не видевший женского тела Хамид навис над ней и стал всем своим крупным телом заваливаться на неё. От этой внезапно навалившейся на неё тяжести мужского тела она проснулась, но глаза открыть не могла, как ни старалась. Астральные руки Басурманина стали её обвивать и лапать. Степанида попыталась закричать, но из открытого рта вырывался только еле уловимый сдавленный хрип, который тут же был запечатан прикосновением губ. Сознание, как страх зверя, загнанного в ловушку, металось и искало выход. Она не понимала, что с ней происходит, а самое главное — не видела, кто сейчас пытается завладеть ею. Степанида попыталась вспомнить молитву, но память будто была стёрта — ничего, ни единого слова не пришло ей на ум.

А тем временем крепкие сильные руки, которых она не видела, а могла их только ощущать, стали, подобно бесчисленным щупальцам, обвивать её ноги, запястья, лодыжки, с силой разводя и прижимая их по сторонам. Степанида сильно, что есть сил, сопротивлялась и кричала. Кричала молча — душе-раздирающим криком где-то в глубине, внутри себя, этот крик не просачивался наружу и не был слышен

в физической реальности. А щупальца сущности Басурманина Хамида продолжали её силой удерживать и проникать в неё через рот, влагалище, анальный канал, будто сливаясь, срастаясь с ней, они были везде — были в ней и будто были ею самой. В какой-то момент Степанида даже осознала, что с этим нечто, владеющим сейчас её телом, она стала единым целым, растворилась, перепуталась, перемешалась с ним. Если бы она тогда сумела открыть глаза, то могла бы увидеть на себе большую тёмную колышущуюся эфирную субстанцию, интенсивно движущуюся на ней в поступательных движениях. Степанида, испытав сильнейший оргазм, закричала и в этот миг сумела открыть глаза. Тёмная, сгустившаяся над ней дымка, быстро таяла, исчезая в спёртом воздухе жаркого летнего дня. Степанида, не поднимаясь с сена, лёжа осмотрелась... Рядом с ней никого не было.

— Странный сон, — подумала она, поднимаясь с травы, и обнаружила, что платье на ней разорвано.

Внутри всё ныло, и она поняла, что всё-таки это был не сон. Но что тогда? Она зашла в дом и глянула на себя в зеркало. Волосы были растрёпаны, а по всей шее и на груди атели крупные следы от поцелуев Хамида. Не понимая, что происходит, она переделалась в тёмную с глухим воротом блузку. Весь оставшийся день Степанида была сама не своя, ходила вся сникшая, безлика, словно рассеивающаяся в сумерках тень, и думала о произошедшем нападении на неё какой-то сущности, и пыталась найти хоть какое-нибудь объяснение происшедшему с ней.

Когда муж пришёл с работы домой, она не улыбалась ему, как прежде, а, пряча от него свой взгляд, молча подавала на стол.

— Что случилось? — поинтересовался он у неё.

— Сенник мне сегодня привиделся, не к добру это, надо быть осторожней.

Павел засмеялся:

— Всё хорошо у нас будет, суеверия всё это.

Но Степанида постоянно ощущала на себе взор Басурманина и невидимое его присутствие подле себя. Когда они легли спать и Павел обнял её, Степанида увернулась от объятий, так как ей было стыдно посмотреть в его глаза, а тем более подставить под поцелуи распухшие губы, которые кто-то целовал до него.

Ссылаясь на сильную усталость, отвернулась она к стенке и ещё долго не могла уснуть и беззвучно плакала.

Утром, когда Павел проснулся, Степаниды рядом уже не было. Он выглянул в сени, на огород, покричал её и, не дождавшись отклика, сел за уже накрытый стол. Сам поел и впервые за много лет их совместной жизни ушёл на работу без прощания с женой.

Степанида же проснулась в сене под грубыми ласками Басурманина и, как и в предыдущий день, не имела возможности ему противостоять. Она так и не поняла, как попала туда, на сеновал, и сколько времени провела там — может быть, даже всю ночь... Такие, в необузданной страсти, встречи с Хамидом стали постоянными, повторяясь изо дня в день, что очень быстро отдаляло их с Павлом друг от друга.

Был поздний звёздный вечер, шёл Павел с работы домой, остановился на перекрёстке и думает: вроде как дорога та же самая, а забыл — какой поворот к дому ведёт? Мается мужик, напрягает память, а вспомнить путь ну никак у него не получается. Вроде выберет свою тропку, быстро зашагает по ней к себе домой, а как опомнится — всё у избы Стаськиной стоит. А та вроде как ждёт его:

— Заходи, — говорит, — соседка, чай будем пить. Что же ты стоишь подле двора, с ноги на ногу переминаешься?

Так и зазывает его в дом, и идет он туда, что бычок на верёвочке. А там и стол пирогами накрытый ломится, и бражка шипучая в бадейке пенится. Хлопнет Павел бузы ковш-другой, и совсем ноги отказывают, подкашиваются, веки тяжёлыми становятся, будто свинцом наливаются, мысли путаются, голова затуманивается и сама на подушку клонится. А Стаська воркует голубушкой да под руки ему все ластится. А он тоже вроде по женскому телу стосковался и не отталкивает, обнимает Стаську, и стонет она, а он сам будто бы её и не чувствует — что есть она, что нет её. Так потом и не помнит, как ночь провёл, всё как сном ему кажется, и никак не может пробудиться Павел от этого кошмарного сна. А домой придёт — как к чужому двору, всё холодное, неродным ему кажется, на жену глянет — вроде не своя, злится, словом неласковым колется. А Стаська знай себе своё дело гнёт — чарами его, колдовством берёт. Навела на него своими заговорами такое сильное очарование, что стала нравиться ему и стала самой милой для него. И колдует, колдует она, не унимается, обновляет приворотные подклады да носит их с кладбища к дому Степаниды. Выйдет в ночь на погост и давай дурить — мертвяков поднимать, ото сна будить:

— Поднимайтесь поесть, я блинов напекла, соперницу мою помяните, да в могилу её изведите. Пусть лежит она не поднимается, без еды, без воды задыхается...

И стала сильно болеть Степанида, и не может она ото сна пробудиться, кое-как себя раскачает, поднимется, а из рук всё валится, тело её совсем не слушается. И ни дети, ни муж её больше не радуют. И сидят у её постели поднятые Стаськой мертвяки и тянут, сосут с неё жизненную силу. И сама-то Степанида понимает: что-то не так. Мёрзнет постоянно, жизни не радуется. В доме холод могильный, и от неё самой

какой-то чужой, не её запах сочится — запах мертвечины.

И стал её муж Павел сильно пить, хлеще день ото дня. И всё у Стаськи пропадает, милуется с ней. А если домой доберётся, то такой злой становится, лютует, детишек да жену по огороду гоняет. В страхе всех держит, бьёт их, колотит, никакой жизни от него не стало. Разлад сильный в их семье пошёл. Степанида плакала, понимала, что идёт колдовское воздействие на их семью, ведь по деревне уже поползли слухи о том, с кем связался её супруг, и раздражение от этого в голосе её присутствовало, когда лились потоком претензии, и, повышая на мужа голос, срывалась она на крик. И высказывала она в сердцах ему свои обиды:

— Какая-то пьянка да чужая баба стали тебе дороже семьи! Всё! Я забираю детей и уезжаю в город! Живи здесь один, а я не собираюсь. Потому что так невозможно мне жить, погибаю я. Вот, столько дел переделать надобно, а не могу — перед глазами всё меркнет, всё серо. Свет не мил мне от такой жизни! Выбериай: либо ты меняешься, либо будем мы расставаться.

— Ну, я же не так часто пью, — оправдывался Павел.

— Да мне вообще никак не надо, я уйду, это не моя жизнь, я не должна так жить, мои, наши дети не должны так жить. Я хожу, как в воду опущенная, и никаких дел делать не могу. Руки у меня опустились на всё, бесцветным всё стало, зачем мне такая жизнь? Почему я должна жить и терпеть это?

— Я тоже тогда соберусь и уйду, мне тоже ничего здесь одному не нужно, — отвечал он ей.

— Куда ты уйдешь, кому ты нужен-то? Маме? Или этой, на которую без колдовства никто не глянет? Ты начал спиваться! Пить, пить, пить! — кричала Степа-

нида. — Сколько можно пить-то?! Сколько людей сгубила эта пьянка, сколько семей разрушила, сколько слёз от этого. Да чтобы ты пил и рвало тебя от этого, с кишками вместе рвало! — плакала Степанида.

Бежал Павел из дому. Бежал от скандалов, от претензий жены, от своих сопливых детей, которые не радовались ему, и оттого ненавистных. И всё чаще он оставался в постели всегда его ожидающей Стаськи, которая и не мила ему вовсе была, а что-то тянуло к ней... А вот что? И чтобы забыться, до такой степени пил, что себя не чувствовал, тела своего не ощущал. Вот в таком бессознательном состоянии, противный всем и бегущий от самого себя он однажды, уйдя от всех, уснул в бане — и уснул лежа, руками в кипяток. И до такой степени он был напившийся, что не чувствовал, как его руки в чане с водой варятся. И сварил Павел свои руки.

— Вот как колдовство работает, я сам своими глазами это увидел, — завершил рассказ Сэлихэр. — Павел тот высох, как сморчок стал, глаза впалые, один только нос на лице торчит да две культи вместо рук.

— А Степанида где? — спросил его Ананда.

— А Степанида теперь моя жена, — ответил Сэлихэр. — Я её ото всех сущностей и от Басурманина Хамида отвоевал.

Сэлихэр как бы в доказательство сказанного достал из кармана золотой перстень с большим изумрудным камнем, который пришёл к нему как трофей от Басурманина Хамида.

— А Стаська? — поинтересовался снова Ананда.

— Нет больше Стаськи. Когда я сущностей астральных от Степаниды отбил, они расшвирипевшие кинулись к тому, кто их создавал, то есть к ней, а этой чудовищной атаки она пережить не смогла. Последние дни её жизни были такими же ужасными, как и деяния, совершённые ею за всю свою жизнь. Так что,

брат, астральные паразиты, они не менее опасны, чем те глисты, с какими ты хочешь бороться, — им так же сложно, а порой даже невозможно, противостоять.

Эта наглядная история нападения сотворённой человеком астральной сущности для психологического воздействия на другого человека, в данном случае жертвой которого стала Степанида, крепко въелась в сознание Ананды. Он стал думать, анализировать: а могла ли Степанида предотвратить астральное нападение или противостоять ему, защититься от него? Этот вопрос он и задал Сэлихэру:

— А если бы тебя не оказалось рядом, смогла ли Степанида сама защитить себя?

— Что ты, — очень сильно удивился Сэлихэр, — ты же сам знаешь, что такое астральная сущность, как ей может противостоять не имеющий специальных знаний человек?

Но ответ брата не откликнулся в сердце Звёздного посланника Ананды, шла к нему потоком из вселенной другая информация, которую он обсуждал с Сэлихэром, аргументируя своими доводами:

— Она, Степанида, замужняя женщина, знала, что её мужчина очень привлекателен и своей физической оболочкой представляет некий соблазн для женщин. Тем более его внешние данные дополняли такие замечательные качества, как ум, честность, порядочность и трудолюбие... Почему же она заранее тогда не оградила своё женское счастье от стороннего внедрения и позволила проникнуть в её семью этому злу? Даже когда Степанида, являясь, как женщина, хорошим сенсором, подобно локатору, на уровне интуиции и даже на уровне чувств физического тела приняла этот сигнал ретранслятора, запеленговала его на своём интеллектуальном радаре в образе астральной сущности — Басурманина Хамида, проявившегося и материализовавшегося в её реальности, — она по-

прежнему бездействовала. Степанида, которую подхватило бурное, разрушающее, сметающее всё на своём пути течение жизненной реки, ничему не сопротивлялась, и стремительный поток событий понес её вдаль от родного обиталища, и она поплыла по бурным перекатам судьбоносных вод, словно лягушка, сложив лапки и даже не пытаясь барахтаться, чтобы выплыть. Пустила всё на самотёк — куда вынесет, там и всплывёт... Совершенно никаких мер против внедрения порчи в семью, никакого сопротивления не последовало, никакой борьбы — ни за свою жизнь, ни за счастье, ни за мужа своего, ни за своих детей и даже за саму себя, в конце концов. Типичное поведение человека с программой жертвы.

Эта программа на тонком плане, будто магнит, будет притягивать к физическому и энергетическим полям человека такие ситуации, таких людей и энергетических существ, которые причинят ему вред, будут обижать и уничтожать его. Эта программа при контакте с рядом находящейся личностью будет ретранслировать ей свои импульсы жертвы и постепенно добьётся своего — сделает рядом находящегося человека тем, кто начнёт перепрограммироваться, чтобы истребить жертву, устранить с физического плана. Проблема всегда в жертве, а не в том, кто её устраняет.

Сначала Сэлихэр хотел поспорить с братом, а потом не стал и прислушался к тому, что говорит Ананда.

— А что она, собственно, могла предпринять? — спросил он.

— Степанида — человек со спящим сознанием и даже от побоев мужа проснуться не могла. А он наносил ей физические удары, внутри себя чувствуя, в подсознании понимая, что её надо как-то разбудить. Он очень хотел пробудить её ото сна. Обернуть к себе

свою любимую женщину. Растормошить её, пребывающую в ужасном кошмарном сне. От наваждения которого вдруг ни с того ни с сего стала она холодной, неласковой, чужой. Начав его, своего супруга, отвергать — отворачиваться от него, отводя в сторону свои прекрасные глаза. Больше не смеющаяся и даже не улыбающаяся ему. Степанида была глуха и не слышала этого мужского крика души, и он, чтобы встряхнуть её, другой возможности не находил, как бить — но это не помогло ни ей, ни ему, слишком крепким был сон сознания, в котором пребывала Степанида.

Братья какое-то время оба молчали, а потом Ананда обратился к Сэлихэру:

— Ты любишь её? Можешь без Степаниды жить?

Сэлихэр смутился от заданного вопроса и, немного подумав, сказал:

— Я пожалел её и буквально перед тем, как собрался ехать к тебе, пообещал вернуться и взять их с собой, — и, помолчав, добавил: — Нет ничего между нами общего. Конечно, лучше, чтобы у Степаниды был муж и отец у детей, но вот теперь разве можно что-то изменить, разве возможно что-то исправить?

Ананда ничего не ответил по этому поводу, а лишь, сочувствуя брату, сказал:

— Иди спать, Сэлихэр, утро вечера мудренее.

Ананда так сопереживал героям рассказа Сэлихэра, что это сострадание сумело помочь ему, раскрыть в себе способность вернуться по штреку времени в ту ситуацию, когда эти события происходили с Павлом и Степанидой, и на тонких планах разрешить эту ситуацию в положительном аспекте. Переписал он в Хрониках Акаши трагедию этой семьи в благоприятную сторону, изменив содержащуюся в них информацию об этих людях, изменил первопричины, устранил этот неопределённый апейрон, являющийся источником возникших в этой семье проблем.

Методом астральных проекций Ананда прошёлся по штреку времени в прошлое в ту ситуацию, когда эта семейная пара была счастливой, когда в их доме слышался, подобно птичьему щебету, детский смех, и изменил надвигающуюся на них ситуацию, чтобы Павел и Степанида могли прожить её заново, иначе. И основные проблемы семьи Павла и Степаниды посредством знаний Звёздного посланника Ананды были им считаны в Хрониках Акаши и извлечены оттуда с их подменой возможными вариантами прохождения супругами данного жизненного отрезка. И вложил Ананда в сознание Степаниды мощный иммунитет, чтобы она смогла, сумела не дать чужим энергиям просочиться в свой дом и привнести им в жилище, как блюда к столу, свой ядовитый рацион. И создал Ананда счастливый образ этой семьи – такой, к какой каждый человек стремится, какой у человека заложен в его солнечной душе. Ведь душа солнечная пришла в этот мир, на прекрасную землю, чтобы творить радость бытия.

Довольный проделанной работой Ананда, удовлетворённый и спокойный, лёг спать в сооружённом им шалаше и в эфирной субстанции сна увидел уже сам новое прохождение жизненного семейного пути Павла и Степаниды.

Дом, в котором жили супруги, действительно был добротным. Они и вправду внешне очень подходили друг другу, да и характерами хорошо ужились. Оба молодые, красивые, статные, и детишки у них такие же, что в отца, что в мать, заглядеться на них можно, будто маленькие ангелочки. И вот стала замечать Степанида, что женщины на её супруга заглядываются, смотрят на него и млеют. Насторожилась Степанида и начала вспоминать то, чему её бабка в детстве учила – а она вроде слушала, но всё мимо ушей пропускала, – и всплыли на поверхность бабушкины настав-

ления. Вспомнила Степанида, что окна в доме они с бабулей всегда с уксусом мыли, чтобы завистливый да чёрный глаз, заглянув в дом через окно, разбился, рассеялся, не сумев пройти сквозь тонкую эфирную субстанцию уксуса. Сквозь эту невидимую защитную оболочку также не проникнет в дом порченный «подклад» — и не проникнет в человека страшная тёмная сущность, испуганная этим уксусным запахом.

— Запомни, внучка, уксус — самое первое средство, которое может прийти женщине на помощь, — часто говорила бабушка. — Он обладает свойством, способным отразить любое колдовство, и так сильно обжигает сущностей астрального плана, что они вопиют от этой боли, и их желание нанести человеку вред заметно ослабевает.

Как-то интуитивно Степанида ощутила в своём сердце растущую внутреннюю тревогу за свою семью и, вспомнив всё, чему учила её бабушка, стала применять это на практике. Навела она порядок в доме, всё вымыла да выскребла, добавив в воду уксуса. Чистый и без того дом засветился светом ещё больше. Окна засияли, и солнечные лучи осветили пространство комнаты, где Степанида стояла у иконы и молилась — просила Богородицу сохранить во здравии её мужа и детей. Потом Степанида истопила баню и, искупав детей, тоже их ополоснула уксусной водой — ведь кроме того, что это очищало, снимало с них воздействия сглаза, уксус ещё был хорошей профилактикой от вшей, которых дети где-то цепляли. Когда Павел пришёл с работы, на столе его ждали подкислённый уксусом борщ, пельмени с острым дерзким тузлуком и со слабой кислинкой ягодный компот. Потом Степанида с Павлом тоже помылись в бане, и она сама налила уксуса в деревянный наполненный водой ушат и тщательно помыла мужу ноги.

— Усталость хорошо снимет, — сказала она Павлу, — да и микробов заодно поубивает.

— Да я вижу, — пошутил Павел, — всё дома уксусом пахнет, и белье с верёвок тоже уксусом повеяло... Может, ты меня отравить решила? — засмеялся он. — А ну-ка, иди сюда, — притянул он к себе Степаниду, — защитница моя, — шепнул на ушко, обнимая и целуя жену.

— Ну ладно тебе подшучивать, — игриво надула она губки, — изба без бережной защиты, как дом без собаки — двери настежь, заходи, кто хочет.

Такие вот меры защиты предприняла Степанида и, кроме того, сотворила она и прочие обереги, которыми была научена бабушкой, и много молилась — и была права. Всё-таки женское сердце — оно такое чуткое, чувствительное ко всем мелочам, как улавливающий сенсор — ничто от него не ускользнет. И если даже внешне ничего не настораживает и всё кажется обыденным и спокойным, то женское сердце, которое так сильно умеет любить, — оно на уровне чувств слышит, предчувствует и всегда тревожится за любимых людей. А вот мужчины — они живут более грубыми энергиями, и аспекты тонких тел им не всегда понятны, не всегда слышны и тем более очень редко видимы.

В этой же деревне жила Стаська — одинокая ухоженная красавица, пользующаяся спросом у мужчин, женщина с очень сильной программой в теле — получать удовольствия. Стаська — колдунья, цыганская полукровка, уже раз шесть побывавшая замужем. Все мужики, расставшись с ней, после уже никогда и ни с кем не могли быть. Так и не получили они от неё «вольную» и все до единого больше не женились и сохли по Стаське, прирученные и прикормленные ей. Причём все эти мужики были уведены Стаськой из семей от жён и детей при помощи приворотов.

Боялись все селяне её, а мужики тем паче сторонились — в обход её дома ходили: были меж людей слухи, и все знали, что Стаська с самим чёртом сдружилась да магией промышляет.

Приглянулся этой Стаське Павел, муж Степаниды, и возжелала она его желанием страстным, желанием жгучим, похотливым. И стала Стаська изошрённые пути воздействия на Павла и на его окружение искать, на жену его красавицу Степаниду. Старалась Стаська привлечь внимание Павла всякими уловками: и в платья-то рядится, и губы-то подведёт, и везде, где бы он ни шёл, на дороге его появляется, а он всё будто слеп, её не замечает, к жене своей Степаниде спешит, мимо Стаськи ходит. И возненавидела она Степаниду за ту любовь, которую Павел к ней испытывает, и позавидовала она любви такой верной, и заела Стаську зависть чёрная, от которой так сильно страдало её самолюбие, и захотела она заполучить Павла любой ценой, и стала применять свои колдовские знания. Басурманин Хамид спустился в наш мир по её колдовскому призыву.

Ночь окутала деревянный дом. Тусклый свет луны осветил слабым ночным светом комнату, в окно которой, прильнув к стеклу, всматривались чёрные зрачки глаз Хамида. Стекло окна было мутным, словно затянутым туманной пеленой, и Басурманин заглянул в дом с другой стороны. Он ходил вокруг дома и никак не мог в него проникнуть — какая-то непонятная пелена стояла перед ним, и глаза щипало от едкого запаха. Хамид тёмной эфирной субстанцией поднялся над крышей дома, приблизился к трубе и спустился по ней в дом. Павел и Степанида крепко спали, а он стоял в ногах их кровати и пристально смотрел на Степаниду. Под его испепеляющим взором она проснулась и увидела сверкающие злобой глаза. Басурманин потянул руку к её шее, и рука неестествен-

но вытягивалась в длину, пытаясь ухватить висящий на её шее крестик. Степанида, осенив себя крестом, стала читать молитву. Сущность Басурманина задрожала. Когда Степанида окрестила и его, Басурманин взревел диким звериным рыком, да настолько громким и сильным, что все, кто находились в этом доме, проснулись. Степанида держала в своей ладони крестик, веревочку от которого, всё же дёрнув, разорвал Басурманин Хамид.

Сон Ананды был настолько реально ощущаемым, что он отчётливо уловил запах ароматного соуса тузлука, в который Павел с таким аппетитом макал пельмени. В душистый пельменный бульон Степанида натолкла чеснок, перец разного сорта и сильно подкислила уксусом. Запах уксуса стоял в ноздрях Ананды даже тогда, когда он проснулся.

Уксус, знание о котором Ананда почерпнул во сне как о средстве для лечения всевозможных болячек, а тем более для профилактики от вшей, очень приглянулся ему, так как в селениях, куда они держали путь, практически каждый человек чешется, гоня по телу этих кровососущих насекомых. А уксус сильно унимает зуд, снижает температуру, кроме того, растительный уксус — очень доступное и эффективное средство, которое борется не только с недугами человека, но и отцепляет от него бесформенные тонкие субстанции астральных сущностей, впитывая в себя их негативные эфирные вибрации. Ананде стало понятно, почему в некоторых странах существует такой обряд: перед тем как невесту отдать в дом будущего мужа, её обязательно обтирают уксусной водой. Это же так просто! Обтирание уксусом отгоняет от неё все эфирные субстанции и отсекает девушку от семейного эгрегора, к которому она принадлежала, а вместе с этим укрепляет её собственное энергетическое поле. После омовения она, с очищенной таким образом

энергетикой, передаётся в дом своего мужа. И великие йоги, тоже уже давно понявшие уникальную силу уксуса, ввели его в свой рацион.

— Уксус обязательно должен войти в каждый дом как доступное лекарство от всех недугов! — сам себе утвердил Ананда.

— Это же панацея от всех телесных бед!!! — восхитился он. — Убивает микробов, выводит шлаки из организма, чистит его от слизи, регенерирует работу внутренних органов, улучшает уровень кислотности в крови, полезен для сердца, печени, зрения...

Отряд монахов монастыря Мандыр-Сиддхи с высоты своего местоположения завидел вдалеке, в сливающейся с горизонтом долине, жилое поселение, состоящее из глиняных мазанок, покрытых конусовидными тростниковыми крышами. Это было поселение, куда монахи держали свой путь. Настроение уставших от долгого пути монахов заметно поднялось. Но глазам казалось, что до этого места — рукой подать, а вот ногами протопать туда по горной дороге — неделя точно уйдет. Уставшие, они выбрали очередной привал среди высоких, огромных в объёме деревьев. Измотанные дорогой, валяющиеся с ног монахи прилегли в хвойном лесу.

Аромат этого леса был необыкновенным, тонизирующим, смолянистым... И, вдохнув полной грудью запах смолы, Ананда продолжил рассказывать отцу про натуральное чудо — лекарство, самой природой созданное и данное людям для поддержания здоровья.

— Кедровый жмых отличается от ореха тем, что жмых легче усваивается организмом, потому что в нём уже нет жиров. При употреблении в пищу цельного ореха организму ещё нужно затратить энергию, чтобы отделить жиры от белков, а в жмыхе уже жиры удалены. А вот пыльца кедра вам, отец, — самое

то! Мощнейший антиоксидант, ценнейшее средство для восстановления капилляров, препятствует тромбообразованию, поддерживает иммунную систему, осуществляет профилактику очень многих болезней, связанных с кровотоком.

Под этот монолог сына Оракул-Саду сначала дремал, а потом и вовсе уснул, а Ананда, долго ещё не замечая этого, продолжал свой рассказ. Когда всё-таки он увидел, что отец крепко спит, то лежал и думал о людях, к которым они держали путь и которых он хотел научить знаниям, столь необходимым для поддержания здоровья организма. Знаниям, пользуясь которыми, они смогут самостоятельно подавлять болезни, предотвращать их.

Какая-то непонятная, ничем не обоснованная тревога поднималась из глубины души и росла у него в груди, и он пытался, прислушавшись к себе, понять, рассмотреть, осознать, в чём причина этого душевного волнения. Комарья и мошкары в эту ночь было бесчисленное множество — злых, низко клубящихся над ними густым облаком и беспощадно жалящих. Трудная была ночь, спалось и не спалось одновременно. Этот гнус настолько атаковал всех — лез в рот, нос, уши...

И одна из таких мошек, или комар, залетела брату Ананды, Ешэ, в ухо. Ешэ спал, но даже во сне вскрикнул от неожиданности, так как это насекомое продолжало мелко вибрировать крылышками и жужжать, находясь глубоко в слуховом канале. Ешэ от ощущения присутствия в своей голове живого существа раздражённо теребил указательным пальцем в ухе и тряс головой, пытаясь добыть насекомое из уха. Он огляделся в надежде увидеть кого-нибудь бодрствующим, но уморённые в пути монахи спали глубоким сном, даже несмотря на войско голодных кровососущих насекомых. Потрешенная букашка не могла найти вы-

хода из уха и продолжала, вибрируя крылышками, щекотать и царапать лапками его ещё сильнее, усиливая и без того неприятные ощущения. Резкая боль начала разливаться в его голове. Вокруг уха всё горело и отдавалось болью в глаз. Вовремя не удаленное из уха инородное тело привело организм Ешэ к развитию воспаления. Ночью часто впадавший в обморочное, бессознательное состояние Ешэ к раннему утру сильно бредил и бился в ознобе. Левая сторона его лица опухла. Сильная отёчность сузила проход ушного канала, и достать оттуда насекомое стало ещё сложнее, кроме того, Ешэ болезненно реагировал на любое прикосновение к уху. Головокружение и тошнота дополняли картину. Требовалось немедленно умертвить всё ещё живую мошку, которая вдобавок ко всему ещё и укусила Ешэ. Он мучился уже несколько часов, но разбудить кого-либо из монахов, чтобы попросить о помощи, не спешил, понимая, что все очень устали в пути и им требуется отдых. И с этим укусом, с заражённой слюной насекомого, в кровотоке Ешэ пошла инфекция. Ешэ сам в полубреду поставил себе этот диагноз и, пока все спали, отделился от отряда, чтобы не тормозить монахов на пути их миссии, чтобы не обременить их своей немощью и тем более чтобы не инфицировать их. Он чуть ли не ползком отдалялся от крепко спящего отряда монахов, направляясь подальше в лес, чтобы там, где его никто не увидит больным, слабым и беспомощным, в гордом одиночестве закончить свои дни.

Когда монахи проснулись и не обнаружили рядом Ешэ, у них возникли различные версии его отсутствия. Но ни одна не была верной. Кто-то даже предположил, что Ешэ решил взяться за старые разбойничьи промыслы, но Оракул-Саду отверг такую версию сразу:

— Мы не должны сеять в своих сердцах семя сомнения друг в друге и возводить напраслину. Всему есть объяснение, и я думаю, что вскоре мы узнаем о нём.

Ананда ощущал сильное болезненное состояние старшего брата и даже частично испытывал передаваемое ему энергетическим путём легкое головокружение, тошноту, слабость и мелкую дрожь лихорадки, которые переносил сейчас Ешэ.

— Ешэ ушёл от нас потому, что болен, — резюмировал он.

Все молчали, и Ананда продолжил:

— Нам надо торопиться, наш путь затянулся, а люди в посёлках ждут помощи. Ешэ ушёл, чтобы не обременять своей немощью наш отряд. Он направился в Долину Смерти, чтобы уснуть, и это его выбор — выбор воина.

Время двигалось к полудню. Солнце сильно палило. Ешэ лежал на голых прогретых солнцем камнях, в окружении парящих над ним стервятников. Пить, сильно хотелось пить... Но воды рядом нигде не было. Он, с трудом приподнявшись на локоть, другой рукой провел по потрескавшимся сухим губам. В голове пульсировало: пить, пить, пить. И Ешэ снял с пояса небольшую миску и, помочившись в неё, выпил содержимое. Сильная слабость наполнила всё его тело. Перед глазами ещё сильнее всё плыло, вращалось в головокружении, и он снова провалился в полусонный обморок. Очнулся Ешэ от того, что его сильно мутило. Он открыл глаза, и рвота фонтаном выплеснулась из его рта, вместе с горькой мутной пеной и желчью вынося из недр организма крупные, похожие на белые бобы гнёзда паразитов. Ешэ отполз дальше от этой едкой вонючей жижи, и птицы тут же набросились на неё.

Отряд монахов двигался дальше. Они шли молча, и каждый думал о своём и, конечно же, о Ешэ — о ско-

ротечности жизненного пути и о миссии, с которой каждый человек приходит в эту жизнь. О том, что первостепенная задача каждого живого существа — приукрасить своим существованием этот прекрасный мир. А выполнил ли Ешэ свою миссию и в чём была она, если его большие познания так и не послужат на благо человечества?

Ешэ нашёл в себе силы отползти в тень, за большую каменную глыбу, и задумался. Он, понимая, что ему отчего-то стало легче и туман болезни отступает, повторил приём урины уже не от жажды, а с лечебной целью. Также, не имея ничего иного под рукой, он закапал её, а вернее сказать — залил мочой своё больное ухо, и, навалившись спиной на камень, полетел в сон. Ешэ спокойно и крепко спал, когда резкий топот копыт потревожил его. Он открыл глаза и прислушался.

Кони, почувствовав рядом чужака, заржали и встали на дыбы. Всадники, пришпорив гарцующих скакунов и осмотрев окружающую местность, не обнаружили тихо притаившегося, спрятавшегося в камнях Ешэ, и почти рядом с ним разбили привал. Из их разговоров, которые были достаточно громкими, Ешэ узнал, что градоначальник, коему одиннадцать лет назад колдун Дугпа-Мара предрёк гибель от ребёнка, рождённого в ночь скрещения планет, до сих пор, веря этому предсказанию, ищет затерянный след малыша. И изо дня в день всадники-воины объезжают округу в надежде напасть на его след. Узнав такую новость, Ешэ посчитал, что не имеет права просто так сгинуть с этого света, он должен выбраться из своей болезни любой ценой и предупредить, предостеречь своего брата, Звёздного посланника Ананду, о надвигающейся опасности. Ешэ на себе ощутил чудодейственную силу урины и продолжил лечение. И теперь у него была ещё одна причина выжить — чтобы

не только уберечь, защитить своего младшего брата, но и поделиться с народом внезапно приобретённым методом лечения и спасти этим большое количество людей.

Шли третьи сутки, Ешэ больше не знобило и не лихорадило. Уринотерапия ставила его на ноги, и приступы лихорадки больше не повторялись. По какой-то нелепой случайности воины-всадники не собирались продолжать свой путь. Они весело проводили время, упиваясь привезённым с собой вином, которое до такой степени опьянило их, что они, если бы Ешэ вышел из своего укрытия и присоединился к ним, не распознали бы в нём врага. Дождавшись, когда пьяные воины уснут, Ешэ быстро вскочил на коня и за уздцы прихватил с собой ещё одного.

Конь, ощущая на своей спине чужака, взвился, сильно заржал и попытался его скинуть, но Ешэ был опытным всадником. Воины были в таком алкогольном провале, что даже на миг не приоткрыли своих глаз.

Кони быстро мчались, и Ешэ, догнав и обогнав в пути монахов Мандыр-Сиддхи, преградил им путь. Монахи опешили и стояли как вкопанные, будто сгинувший с этого света Ешэ, воскреснув из мёртвых, предстал перед ними. Как они удивились и обрадовались! Пригнанные лошади оказались очень кстати. Поняв все преимущества такого пополнения отряда, погрузили монахи на спины животных тюки с высушенными водорослями, которые несли на своих хребтах. Так легко им стало, что они будто и не знали усталости, и ускорили монахи темп своих шагов. И благодарили Ешэ за помощь.

ГЛАВА 4

Градоначальник Гаруда в пещере колдуньи Шерпа-Цых

Шерпа-Цых рано осиротела. Её отец и мать, умершие в сильных муках от инфекционной болезни, оставили её младенцем на руках старой бабки Бхуджанги.

Это имя — Бхуджанга — в переводе на наш язык означало Мудрая Змея. Конечно, раньше у неё было другое имя — которое ей дано было при рождении, — но по истечении десятков лет оно полностью стёрлось из её памяти, растворилось как туманная дымка, так как все поголовно, даже родная мать, кликали её — Бхуджанга. Первой так её окрестил отец, увидев, что маленькое, исхудалое тельце дочери, подобно змеиной тушке, свернулось комочком на пучке соломы и она спит, будто грея свою чешую под солнечными лучами. Её кожа, побитая многочисленными мелкими трещинками цыпок, была и впрямь похожа на змеиную шкуру, шелушащуюся коростами и сильно кровоточащую. Так, с самого детства получив прозвище Бхуджанга, женщина несла его всю свою жизнь, и сухость потрепавшихся рук также преследовала её все годы.

Даже когда она уже была взрослой, цыпки — болезнь грязного детства — не покидали Бхуджангу. И даже когда её дети стали большими, она постоянно сма-

зывала кровоточащие ладони маслом, изготовленным ей самой по собственному рецепту из жирных сливок молока буйвола и заживляющих раны лекарственных трав. И, спустя много лет, будучи уже сгорбившейся старухой с морщинистым лицом, поздней промозглой дождливой осенней ночью обмотав маленькую Цыху в тряпичное рваньё, под вспышками молний и грохот громовых раскатов она бежала далеко в горы из своего аула. Бхуджанга также прихватила с собой жбан перетопленного на водяной бане животного жира, чтобы смазывать им свои старческие больные руки. Одна, с маленьким ребёнком на руках, она покидала свой дом, потому что в нём разгулялась и свирепствовала, празднуя свой кровавый бал, госпожа Смерть, беспощадно пожирающая жизни людей страшной эпидемией чумы. Бхуджанга уходила в горы, мелькая чёрной точкой в просветах огненных вспышек разрывающегося в клочья неба, чтобы спасти свою единственную оставшуюся в живых внучку и вырастить её, передать ей великие знания, на протяжении многих веков полученные их родом.

В высоких горных каменоломнях Бхуджанга облюбовала для проживания узкую, никем не занятую, длинную, с ответвлениями пещеру. Так у Цыхи появилась своя комната и свои незамысловатые игрушки — перья, камушки да кости животных, а вместе со всем этим и дополнение к имени — Шерпа, что означает «живущая высоко в горах». Бхуджанга не случайно звала её Цых — она сравнивала девочку с гордой величавой птицей, которая стала часто прилетать к пещере и играть с ребенком. Название птицы Бхуджанга не знала, но клёкот, который та издавала, забавляясь с малышкой, был похож на странный, повторяющийся шипящий звук — «Цых-цых-цых...», — что создавало впечатление, будто птица успокаивает ребенка, говоря ему: «Тише-тише-тише... тише, Шерпа-Цых».

— Цых, — сказала девочка своё первое слово и тем самым сама и нарекла себя.

Шерпа-Цых научилась жить высоко в горах постоянно, и её мозг до такой степени мутировал, что приспособился к кислородному голоданию, вследствие чего, когда Шерпа повзрослела, её череп сильно деформировался и голова увеличилась, будто отекала. От низкого тихого глухого голоса Шерпа-Цых у людей мурашками по спине бежал холод, а острый, колючий, пронзительный взгляд её выпуклых круглых глаз оказывал змеиное гипнотическое воздействие, надолго парализуя волю.

Молва о магической силе Шерпа-Цых быстро распространялась среди народов, так как она ведала, как поднять на ноги даже самого безнадежного больного, обречённого на гибель, — даже тогда, когда Смерть уже коснулась холодной костлявой рукой его чела. И люди, прознавшие о чудесах излечения и мечтающие о выздоровлении, несмотря на тяжёлую горную дорогу, пешими волокли на своих спинах больных родственников и дорогие подношения для Шерпы-Цых.

Она долго смотрела на больного, лежащего на выступающей из горного нутра мраморной глыбе, а потом впивалась очень острыми, длинными белыми клыками, похожими на зубы змеи, в сонную артерию немощного человека и высасывала из него — не кровь, а тёмную болезненную субстанцию. Шерпа-Цых, пропустив через себя эту субстанцию, заставляла её трансмутировать и на сильном выдохе загоняла болезнь в длинную узкую глиняную трубку, похожую на пробирку. Потом она тщательно закупоривала этот сосуд и заточала его в свой тайник, охраняемый змеиным войском, чтобы никто чужой не мог воспользоваться спрятанной там болезнью, случайно или намеренно выпустив её на какого-то человека или даже на целое сообщество людей, тем самым уничтожив.

Градоначальник Гаруда, который по-прежнему верил в предсказанную колдуном Дугпа-Марой гибель от Звёздного посланника, на протяжении многих лет искал человека, владеющего тайными магическими знаниями, чтобы посредством ритуального колдовства, о котором ему рассказал колдун Дугпа-Мара, убрать подрастающего мальчишку со своего жизненного пути. Гаруда прослышал о том, что высоко в горах, куда можно добраться только пешим ходом, живёт колдунья Шерпа-Цых, способная силой своих магических знаний помочь ему осуществить задуманное. Уже почти две недели он, отказавшись от сопровождения своих воинов-охранников, вёл рядом с собой семенящего копытцами и грузённого подношениями для Шерпы-Цых горного козла, взбираясь вместе с ним на вершину обиталища ведьмы по пути, отмеченному на скалах знаками, выбитыми руками тех, кто там уже побывал.

Гаруда, наконец-то добравшись до самой высокой горной вершины и оставив снаружи пегого козла, вошёл в пещеру, держа руками впереди себя жбан с золотом. Кишащие по земле змеи подняли свои головы на длинных извивающихся, как верёвка, телах и, шипя, насторожились.

Пещерное жилище Шерпы-Цых было увешано и застелено плетеными циновками, звериными шкурами, и уставлено глиняными кувшинами и жбанами, наполненными золотыми монетами, всевозможными коваными украшениями и самыми большими ценными самоцветами.

Шерпа-Цых — кто она такая? На этот вопрос сразу было бы очень сложно ответить, потому что обладательница великих знаний чёрной магии применяла их только во благо человека, тем самым пребывая в равновесии между тёмными и светлыми силами — как бы балансируя между ними.

Шерпа-Цых, гордо и величаво восседая на высоком каменном троне за маленьким круглым столиком на длинной высокой ножке, стоящем перед ней, катала по столешнице крохотные человеческие кости. Костяшки звонко катались по глянцевой поверхности стола так же, как катаются брошенные рукой азартного игрока шарики. Шерпа-Цых при этом спокойно попивала душистый травяной напиток из выскобленной черепашки своей уже давно умершей бабки Бхуджанги, по которой сильно скучала. Каждодневно касаясь губами этой чаши — её черепа, — она чтит память о ней. Шерпа-Цых перебирала в своей ладони косточки крохотных фаланг бабушкиных пальцев, таким образом, ощущая её присутствие, любовь, заботу и поддержку. Будто она, бабушка Бхуджанга, находится всегда рядом с ней и держит детскую ладошку Цыхи в своей шершавой огрубевшей руке, помогая идти по жизни. Ничего странного Шерпа-Цых в этом не видела и не чуралась бабушкиных костей — она знала, что человеческое тело является лишь переходной физической оболочкой для вечно живущей души.

Она обернулась на шум, созданный вошедшим в пещеру Гарудой, своей непропорционально большой овальной головой, увенчанной двумя вытянутыми и вогнутыми внутрь острыми, витиевато изогнутыми костными образованиями, похожими на рожки. Рукой Шерпа-Цых указала Гаруде место, куда ему следовало присесть. Когда он вошел, Шерпа-Цых будто сканировала его, проверяла генную память и своим внутренним зрением слышала, чувствовала прошлое этого человека и анализировала поступающую к ней из прошлого информацию. Шерпа-Цых сразу же ответила на самый волнующий для Гаруды вопрос:

— Ваш верный подданный — Раджа, по которому вы скорбите и которого считаете внезапно исчезнувшим, — являлся не тем, за кого себя выдавал.

От услышанного глаза градоначальника удивлённо округлились.

– Фактически он был колдуном Дугпа-Марой, колдовству и предсказаниям которого вы так доверяли.

– Этого не может быть! – возмутился Гаруда.

Но Шерпа-Цых, не обращая на него внимания, продолжала своё дело, раскидывая костяшки. Она внутренним зрением понимала по схеме рисунка, что предостережения, даваемые Гаруде колдуном Дугпа-Марой, хотя и были надуманы, всё же опасность для градоначальника от Звёздного посланника исходила.

Шерпа-Цых продолжила говорить:

– Народ, уверовав в своё спасение через медицинские познания, принесённые звёздным посланником, может восстать и пойти за ним, и тогда ваша роль градоначальника утратит своё значение. Предупреждение о будущем состоит в том, что глобальные свои беды вы можете предотвратить, если измените своё отношение к Звёздному посланнику и остановитесь в преследовании его, а также пересмотрите своё отношение к вверенному вам народу. Если же вы продолжите двигаться в выбранном вами направлении, разжигая конфликт, это приведёт к концу ваше правление точно так же, как привело к краху империю колдуна Дугпа-Мары. Энергия души колдуна Дугпа-Мары сейчас реструктуризировалась, изменила условия договора своего дальнейшего существования и пребывает в кармической отработке долга на одной из галактик, после чего получит возможность дальнейшего перерождения и эволюции.

Гаруде совсем не нравилось то, что говорит ему Шерпа-Цых, но он терпеливо сидел на каменной скамье. Ёрзая по камню, он нервно сжимал кулаки и скрипел плотно стиснутыми зубами, дёргая при этом желваками.

Шерпа-Цых продолжала:

— Зло сидит не в посланнике звёзд, а в вашей голове, — резюмировала она. — Это зло и все бедствия порождены вами, вашей алчностью, жадностью, агрессивностью, коварством, воровством, присвоением чужого, ненавистью, грабежами и насилием, а также завистью и злословием...

— Это кто — я жадный?! — не сдержавшись, заорал Гаруда и, вскочив на ноги, в злобе перевернул только что привезённый им для Шерпы жбан с золотом.

Монеты, звякая, посыпались на пол, и змеи, недовольно шипя, стали расползаться в стороны.

— Это я — зло и коварство?! — орал он. — А ты сама кто?!

Шерпа-Цых смотрела на него сильно выпуклыми, будто выдавленными из глазниц наружу, круглыми глазами, покрытыми бельмами. От этого пристального парализующего взгляда Гаруда попятился назад и сел на место. Шерпа-Цых встала и спустилась с возвышенности, на которой стоял трон. Очень гибкая, худощавая женская фигура, облачённая в длинный чёрный плащ, надвигалась на Гаруду. Глаза его неотрывно следили за крупным, сияющим позолотой чеканным украшением Шерпа-Цых, которое было подвешено на толстой цепи, рисунок на нём изображал символ бесконечности вселенной.

— Я — проводник между Высшими и Низшими сферами, — спокойно пояснила Шерпа-Цых. — Через меня, через моё сознание, энергетически проходят бесконечная Вселенная и Высший Космический Разум. Мне ведомы великие тайны параллельных миров, а вот ваши, Гаруда, Высшие и Низшие сферы бытия от поступков, совершаемых вами, получили разбалансировку. От этого пошёл сильнейший перекосящий энергий, затягивающий вас в низшие энергетические миры. Вас захлестывает зло. Вы зверствуете, Гаруда, забираете

у людей скот и почти весь выращенный и собранный ими урожай. Вы уже давно изжили себя как градоначальник, потому что не стремитесь оберегать свой народ, а заставляете людей с утра до ночи трудиться, и они гибнут на полях от голода и непосильного труда. И укрепляется, прорастает в вас, Гаруда, страшный человек, становящийся порождением Сатаны и обитающим злых духов. Если вы не остановитесь, то так же погибнете, как и колдун Дугпа-Мара. Погибнете от его подарка, преподнесённого вам, коим так дорожите и который носите, не снимая, на своей руке. И даже попытавшись с ним расстаться, вы не сумеете этого сделать, потому что этот подарок, преподнесённый магом, — живой, он питается злом, которое вы вершите, он набирает силу и однажды погубит вас. Но и вы можете погубить его, лишив питания. Ваше спасение, Гаруда, — в переосмыслении отношения к жизни и вверенным вам людям.

Гаруда вышел из пещеры злой и не удовлетворённый предсказаниями и предостережениями Шерпа-Цых, а она ещё долго молча о чем-то думала, утрамбовывая траву в своей хамсе. А потом, с наслаждением затянувшись, пускала белые клубы ароматного травяного дыма в серый каменный потолок.

Гаруда почти бежал, бежал, не оглядываясь, от пещеры Шерпа-Цых, стремительно отдалялся подальше от этого ужасного проклятого места. Он падал, вставал и снова продолжал путь до тех пор, пока силы совсем не оставили его тело. Ночь незаметно опустилась на горы, и ноги Гаруды налились тяжестью так, что передвигать ими он уже не мог. Несчастный градоначальник нашёл в скале небольшую выемку и в изнеможении, уставший и полностью обессиленный, облокотился на валун, уже улетаая духом в сонное царство Морфея.

Шерпа-Цых, будто преследуя Гаруду, надвинулась на него, склонилась близко-близко к перепуганному

лицу правителя. Два огненных луча полились из белё-
сых зрачков, проникая через глаза Гаруды прямо в его
голову, и будто жгли, выжигали его мозг. Всё закружи-
лось в его сознании, а огненные потоки, как длинные
пылающие нити, путались клубком, наполняя череп.

— Тебя погубит подарок, — шипящий голос Шерпа-
Цых преследовал его и словно кнутом бил его, — по-
губит.

Потом сонная дымка колыхнулась, и, будто из-под
завесы звериной шкуры, что прикрывала вход в его
дом, Гаруда увидел вошедшего к нему колдуна Дугпа-
Мару.

— Дугпа-Мара! — обрадовался Гаруда и поспешил
ему на встречу.

В руках Дугпа-Мары на большом железном блюде,
среди ритуальных камней и костяшек, лежал большой
кованый браслет — роскошное украшение с впаянным
в широкий обод овальным, диаметром с крупное ку-
риное яйцо, святащимся насквозь солнечным камнем
янтаря. Преподнесённый колдуном подарок, как дань
почтения и уважения ему, градоначальник, важничая,
надел и впоследствии, считая браслет своим оберегом,
более не снимал его со своей руки ни днём, ни ночью.
В прозрачной структуре жёлто-оранжевого камня на-
всегда застыла, вылупив фасеточные глаза, огромная
самка насекомого — стебельчатобрюхая яркая поло-
сатая оса. Она была будто живая, и сквозь сон Гаруде
показалось, что оса шевелит своим длинным, с капель-
кой яда на конце, жалом и хищно двигает чёрными
устрашающими челюстями. Он в ужасе ещё вниматель-
нее посмотрел на неё. Перепончатые крылышки осы
за многие годы не повредило время. Живая оса — коро-
лева, навеки заточённая в солнечный камень колдуном
Дугпа-Марой, — угрожающе воззрилась на Гаруду.

Шерпа-Цых протянула к браслету свою холодную
худощавую, с длинными пальцами и заостренными,

хищно изогнутыми орлиными когтями, руку, накрыв камень шершавой ладонью. От её прикосновения Гаруду бросило в холодный пот.

— Я помогу тебе, — прошипела Шерпа-Цых и открыла свой рот.

Змеиными клыками она приблизилась к горлу градоначальника и уже была готова в него впиться.

— Дугпа-Мара! — истошно закричал Гаруда.

— Цых-цых-цых, — зашипела Шерпа.

— Дугпа-Мара! — ещё громче возопил несчастный градоначальник, и в меняющейся дымке сна, будто услышав его зов, возник колдун, встав между Шерпой-Цых и Гарудой. Дугпа-Мара так же накрыл своей рукой, поверх ладони Шерпа-Цых, камень, тем самым не давая ей его снять. Гибкое тело Шерпа-Цых стало удлиняться и крупными витками обвивать Гаруду, стягивая его члены змеиными кольцами. Колдун и ведущая смотрели в упор друг на друга, готовые сцепиться в сражении. Шерпа-Цых угрожающе шипела, выбрасывая в сторону Дугпа-Мары длинный раздвоенный язык, а Гаруда, наблюдая весь этот ужас и сам будучи участником непонятных мистических событий, продолжал стенать истошными воплями.

Солнечный луч проник в сокрытое место, которое выбрал для отдыха Гаруда, и какая-то утренняя птица прокричала вдалеке. Силуэты во сне задрожали и стали таять. Первым исчез контур Дугпа-Мары, а Шерпа-Цых, собрав последние силы, раскручивая и втягивая обратно в своё тело змеиный хвост, с силой отшвырнула Гаруду в сторону, и он покатился с горного склона, ударяясь телом о встречные камни. С душераздирающим криком он проснулся. Сильный озноб колотил его, и всё тело ныло от боли и ссадин.

Уже светало, и Гаруда, в утреннем свете оглядевшись, не узнал места, в котором он остановился на ночлег. Каменных валунов, среди которых он ре-

шил выспаться, рядом не было — лишь широкое тюльпанное поле простиралось вокруг. И тогда ещё больше страх и ужас охватили его. Гаруда хотел бежать, но сил в ногах не было, и он, стирая со щёк крупные слёзы безысходности, пополз по цветам. А потом он, не в силах двигаться дальше, распластавшись на траве, впал в забытье, вздрагивая в тревожном сне то ли от всхлипываний, то ли от кошмаров, где преследовала его колдунья Шерпа-Цых — охотясь за его украшением, она вселяла в Гаруду неопиcуемый ужас и парализующий страх.

Очнулся Гаруда в полдень, когда солнце стояло в зените. Очень сильно хотелось пить и есть. Желудок сводило от голода, и он, собрав оставшуюся силу воли в кулак, кое-как наковыряв в земле тюльпанных луковиц и слегка отряхнув их от земли, перекусил ими, подкрепляя свой организм питательными веществами, которые вместе со сладковатым вкусом луковичной мякоти напитывали его тело столь необходимой силой.

Потом Гаруда внимательно огляделся вокруг — рядом никого не было, ни одной живой души, — и тогда он стал рассматривать свой браслет со всех сторон так внимательно, как никогда этого не делал раньше. Ему показалось, что оса действительно живая, её полосатое, в мелких ворсистых волосках тельце вздрагивает, и она угрожающе сгибает заднюю часть тела, сжимая брюшко, и дергает своим длинным, острым, как игла, жалом. Оса поворачивает в стороны голову, шевелит усиками, перебирает чёрными лапками, будто готовясь взлететь и жалить — жалить его, — и от этого осознания новая волна страха накатила на Гаруду. Он в панике содрал браслет с руки и со всей силы швырнул его подальше от себя.

— Видела, проклятая ведьма?! — заорал он. — Я не умру от этого подарка! Ты всё врешь, ты всех обманываешь!

Камень в браслете, отлетев в сторону и ударившись оземь, раскололся, и огромная оса вырвалась из своего заточения наружу. Оса — королева, оса — матка! В её огромном удлинённом чреве скопились яйца, тысячи вызревших яиц, готовых к новой кладке, к новому расплоду, и ей срочно нужно место с пропитанием для будущего, вылупившегося из яиц, потомства. Оса повела вокруг своими большими фасеточными глазами, и они нашли лишь один объект, одно подходящее место, где она могла отложить яйца, обеспечив личинок едой. Быстро взмахивая перепончатыми крылышками, оса полетела на Гаруду. Он, увидев приближающую осу и отмахиваясь от неё, спрятал своё лицо и, упав в цветы, попытался свернуться калачиком и спрятать оголённые части тела. Оса со всей злостью стала, атакуя, многократно вонзать в него смертоносное жало, пробивая им насквозь одежду. Словно острые раскалённые ножи с силой вонзились в него. Гаруда в душераздирающем вопле выгнулся всем телом в дугу от пронзившей его боли и в судорогах стал корчиться. Несчастный, он даже не успел опомниться, а нервнопаралитический яд уже вызвал в нём анафилактический шок и начинал заживо разлагать его плоть. Таким образом, Гаруда утратил способность передвигаться. Оса, пользуясь неподвижностью Гаруды, проползла под его одежду и стала откладывать в поры его кожи свои многочисленные яйца. Так сбылось самое невообразимое, ужасное, жестокое предсказание Шерпы-Цых о смерти градоначальника Гаруды от подарка, поднесённого ему почтенным колдуном Дугпа-Марой.

Таким образом, в теле Гаруды появились личинки смертоносных ос, а его разлагающаяся на солнце плоть послужила им кормом. Неповоротливые, тол-

стые, с водянистыми, сильно раздутыми прозрачными телами личинки ос копошилось, проникая ещё глубже во всё ещё живое, на последнем издыхании, парализованное тело Гаруды. С большими челюстями на крохотных головках личинки прогрызали в нём ходы и пожирали подвергшиеся разложению мягкие мышечные ткани тела Гаруды, быстро превращая крупную фигуру градоначальника в кучку останков. Потом, по мере взросления, личинки прогрызали себе выход наружу и, закрепляясь на одежде Гаруды, окукливались. Фактически градоначальник оставался живым, но парализованным несколько дней, лишь на первой стадии развития ос. Он лежал, не двигаясь, не в силах крикнуть, даже прохрипеть, и не подавал абсолютно никаких признаков жизни. Но Гаруда был жив, чувствовал такую невыносимую, дикую, обжигающую огнём боль, которая сочилась по венам и отдавалась сильной ломотой и давлением в глазницах, и это давление было настолько мощным, что выдавливало его вздутые, воспалённые глазные яблоки. В последний раз его вылупленные, с кровавыми прожилками глаза широко открылись и застыли в этом положении навсегда, когда возвращённые его мясом осы выбирались, шебурша лапками, на поверхность его тела и начинали сооружать, закрепляясь на одежде, коконы. Его открытые, выкатившиеся из орбит, мёртвые, застывшие стёклышками глаза уже не увидели чуда — вылупляющихся ос, которые медленно выползали из своих длинных коконов и, обсушивая полосатый ворс брюшек в теплых солнечных лучах, расправив тонкую перепончатую сетку прозрачных крылышек, жужжа в воздушном потоке, поднимались в высокое синее небо. Гудящее войско насекомых отдалялось от пестреющего тюльпанами поля, чтобы отыскать благоприятную среду обитания для продолжения рода своей смертоносной цивилизации. Так воскресли и вылупились

на свет осы, матка которых долгие годы была заточена колдуном Дугпа-Марой в густую смолянистую субстанцию, впоследствии окаменевшую и превратившуюся в янтарный овальный камень.

Вылупившиеся от королевской матки осы летели ведомые своим чутким осязанием в лес — туда, где многочисленные бортевые языки медоносных пчёл послужат им пропитанием и где, выпрыскивая узнаваемые только ими феромоны, их ждёт оса-королева, чтобы продолжить начатое ею строительство осинового гнезда. Они, её подданные, её осиное войско, освободят матку-королеву от этой работы, чтобы она имела возможность осуществить самое наиважнейшее своё предназначение — продолжение жизни и увеличение численности ос. Уже очень скоро, облюбовав самое высокое дерево, осы возводили для себя огромное, свисающее вдоль ствола на несколько метров вниз гнездо, и их главной задачей было создание благоприятных условий и обеспечение растущих личинок на всё время их развития. В каждую ячейку оса складывала с десятком парализованных её ядом пчёл, сокращая и уничтожая тем самым численность медоносного семейства для того, чтобы будущая личинка могла развиваться. Осы стремительно истребляли пчёл и поедали их медоносные запасы.

Пчёлы стали учиться давать этому смертоносному агрессивному осиному войску отпор, вырабатывая защиту от него. Они массово окружали прилетевшую к ним осу и, вибрацией своих крылышек посылая тепловые воздушные потоки, создавали в центре образованного вокруг неё клубка такую температуру, которая становилась смертельной для осы. Вот только расплодившихся ос в лесу было слишком много, и ослабленные пчёлки всё меньше могли сопротивляться злобному осиному войску.

ГЛАВА 5

Монахи Мандыр-Сиддхи в поселении медоносных пчел Мадхуп

То, что они находятся уже очень близко от поселения людей, монахи поняли ещё и по тому, что на последнем привале увидели подвешенные на высоких деревьях многочисленные языки бортевого меда. Ароматный лес и мёд с душистыми обертонами дикой природы — это то, чем промышляли люди прилегающего к лесу поселения.

Люди всегда радовались, когда к ним в поселения приходили монахи. Ведь у них были добрые сердца и волшебные, чудодейственные, возносимые к небесам мантры, взятые ими с самых высоких Божественных потоков, с самых высоких звуковых частот. От прочтения этих мантр ощущались сильнейшие духовные вибрации по всему телу, и наплывало на человека состояние некой невесомости, блаженства и желание единения с духовным началом.

Монахи читали мантры. Обертонное горловое пение гудящим звуком плыло над поселением. Оно охватывало всех живущих на земле живых существ и дарило им, верующим в эти Святые магические молитвенные потоки, укрепление веры в благосклонность высших сил. И люди подхватывали молитвенные напевы, обла-

дающие наивысшей силой, уверовав в то, что эти силы пошлют им на благо крепкое здоровье, кров над головой, сохраняют от стихий природы их посевы и даруют молящимся наилучшие, наисветлейшие чувства счастья, любви, помогут в исполнении сокровенных желаний. Безграмотные люди, даже те, которые не умели читать, и малые дети, все верили в силу мантр, в эти волшебные слоги, которые читали монахи, в молитвах о них, о простых людях, и, радостно встречая их, крутили молитвенные барабаны с вписанными и вставленными в них текстами молитв. Эти же мантры, нанесённые на яркие цветные флажки, вывешивались ими на деревья, чтобы, подхватив потоком воздуха, ветер понёс бы эти заветные слова по просторам, наполняя мир светлой энергией молитвы. И раскрученные ветряным потоком барабаны отправляли их мольбы и благодарственные слова небесам, и это было образующим духовным началом связи между людьми и высшими силами, вокруг которых основывается вся человеческая жизнь. В такие праздничные ликующие моменты у людей укреплялась вера в то, что они сами являются творцами своей жизни, что они свободны в своём выборе действий, свободны в определении своего жизненного пути. Люди начинали понимать эти простые, незамысловатые истины священных слов. От этих познаний у них появлялись вера, надежда, желание, воля и стремление наполнить духовными знаниями внутреннюю пустоту, стать лучше, честнее, справедливее, добрее, милосерднее, быть осознанней в выборе своих поступков и действий, что, в свою очередь, даст им возможность обрести понимание счастливой жизни, пребывающей в вере, пребывающей во благе.

Так было всегда, но сейчас, приближаясь к посёлку Мадхуп, у монахов Мандыр-Сиддхи росла тревога. Даже издали было видно, что в этом месте с людьми происходит неладное. Боль и страдания людей передавались

на расстоянии, и эхо душераздирающих криков разлеталось обрывками стонущего болезненного плача.

Жизнь этого поселения полностью попала под давление нападающих на них агрессивных насекомых. Ведь они, люди, проживающие в этом ауле, промышленляли тем, что добывали в лесу продукты пчеловодства, тем самым являлись для ос раздражителем. И осы, способные биться не на жизнь, а на смерть, почувствовали исходящую для себя опасность от людей и, чтобы защититься от повреждения свои гнёзда и потомство от гибели, стали нападать на них. Невозможно было человеку уничтожить осиное гнездо, потому что тогда из него тучей вырывалась целая стая ос и нападала на свою жертву, многократно вонзая ядовитые жала. Болезненные осиные укусы сопровождались сильными отёками и вызывали в организме человека серьёзную аллергическую реакцию. У людей рос сильный страх перед насекомым, сопровождаемый истериками. У многих покусанных осами людей на коже появились воспалённые опухоли и гнойные подкожные нарывы.

Во время полуторамесячного пути монахов Мандыр-Сиддхи к людскому поселению Мадхуп Ананда встретил свой день рождения. Он сам бы точно забыл о нём, но старый Оракул-Саду помнил об этом дне. Он подошел к Ананде и тихо сказал:

— Ты уже такой взрослый, — и, помолчав с минуту, добавил: — Вся твоя жизнь, сынок, как и жизнь любого человека, сопровождается силами, между которых он всегда будет идти, — это силы добра и зла. Граница между ними очень тонка и, к сожалению, для многих этот переход даже не заметен. Очень, очень легко, сделав неверный шаг, оступиться и перешагнуть эту черту. Добро и зло, они всегда между собой борются за главенство над человеком, выражаясь в светлых и тёмных проявлениях сил. И только сам человек мо-

жет выбрать силу, которой он служит, которой доверяет и которой себя вверяет, следуя по жизненному пути.

Оракул-Саду протянул Ананде цветной лоскуток:

— Возьми его.

Ананда взял платочек в руку. Мягкий красивый струящийся шёлк, очень приятный на ощупь, трогали его пальцы.

— Что это, отец? — спросил он, глядя на Оракула.

— Это платок, полный слёз твоей матери Деви, которая очень сильно рыдала, узнав о твоей гибели, и утирала потоки своих слёз этим кусочком материи.

Оракул печально, будто вспоминая, смотрел вдаль, в далёкую даль времени, в ту вьёвшуюся в его память ночь, когда планеты сошлись крестом.

— Это единственное, что у меня от неё осталось, — с грустью добавил он. — Возьми его себе в дар и всегда помни, какая сила разлучила всех нас, и, осознавая это, выбирай сам свой путь жизни, по которому идёшь, и в этом выборе пусть всегда рядом с тобой отчасти будут свет и тепло материнской любви, которая пребывает и в этом платке.

— Мама! — уткнувшись в платок, впервые в жизни произнёс Ананда это слово, подаренное ему отцом, вместе с этим маленьким, пропитанным страданием и наполненным огромной материнской любовью лоскутком.

Это для него был самый дорогой и самый лучший подарок. Потому что он вместе с этим лоскутком получил великий материнский оберег, приобрёл вещь неотъемлемого единения со своей матерью Деви, которая сквозь долгие годы разлук прикоснулась к его голове и из бесконечной вечности очень громко, душевно, сердечно прокричала ему о своей любви. И этот крик наполнил восторженное его сердце материнской любовью, наполнил пониманием тяжёлой жизни его страждущего народа и тем самым заведомо определил выбранный Анандой путь.

Четырнадцатилетнее тело Ананды так заметно выросло, вытянулось и окрепло в пути, что он по физической своей форме, а тем более по своему умственному развитию был похож на уже полностью сформировавшегося взрослого юношу. От физической нагрузки по заготовке спинулыны его плечи сильно расширились, а подкачанные за годы тренировок в боевых искусствах мускулы играли на рельефном загорелом теле. Подчёркнутый физической подготовкой мужской аспект был сильно выражен в Ананде. Даже адамово яблоко, очертания которого уже явно проступали на шее Ананды, заставляло его голос играть срывающимися дребезжащими басами на ещё не отрегулированных в своём натяжении струнах гортани. Его голос ломался и звучал хрипло в разных диапазонах — от высоких альтов до самых низких виолончелей. Взгляд Ананды был острым, цепким, пронзительным, очень мудрым. Взгляд, от которого ничего не ускользало. Цельный мир, целая вселенная была в тёмных, цвета чёрного шоколада, мальчишеских глазах. Все перечисленные физические, духовные аспекты соединяли в себе необыкновенно привлекательную личность. Мальчик был на грани становления мужчиной. В свои четырнадцать Ананда лет на пять физически и на десятки лет в умственном развитии превосходил своих сверстников. Одним словом, юное тело Ананды как тело мужчины быстро развивалось и становилось прекрасным. И это, разумеется, не ускользнуло от девичьих глаз.

Борти

Страждущие в свалившихся на них несчастьях люди встретили прибывших в аул монахов как свою последнюю надежду, как единственный оставшийся шанс в борьбе с ужасным, беспощадным, злобно жальщим войском ос, нападению которых за последнее время они очень часто подвергались. И монахи, и бра-

тья Ананды, понимая боль и страдания людей, учили их лечиться при помощи трав, водорослей, корней — и не только от укусов ос, но и от влияния тёмных сил: сбрасывать негативные энергии, обкатывая тело яйцом и обтирая его уксусом.

Уксус вообще стал в поселении бесценной, незаменимой находкой — примочки с ним рассасывали воспаления от укусов ос, унимали эту боль и раздражение кожи. Обтирание уксусом снимало жар и отгоняло москитов, почти мгновенно уходил зуд от укусов мошкары, хорошо излечивались ноги от грибка, и укреплялись ногти. Ополаскивание волос помогало бороться со вшами, которыми кишел аул. Уксус помогал, так как примочка из него в месте воспалённого и заражённого осами нарыва создавала кислую среду, препятствующую развитию болезней. Добавление же уксуса в пищу улучшало работу внутренних органов, сердца, почек, печени и всей кровеносной системы. Ну и, конечно, надо учитывать и тот аспект, что уксус снимал слез и отгонял астральные, паразитирующие на человеческом теле, субстанции и был хорошим дезинфицирующим раствором и антибактериальным средством в целом.

От тысячи хворей мог избавить людей уксус в домашнем обиходе.

Ночь опустилась на посёлок очень быстро, но монахи, братья Ананды и старейшины аула не спали. Они обсуждали, как быть и что предпринять для противостояния осам. Ведь от медового промысла зависело благополучие людей, которые в основном обучены только ему. И они по-прежнему будут вынуждены ходить в лес, чтобы прокормить свои семьи. На этом важном совещании было принято совместное решение, что, пока будут искать способы борьбы с осами, пчёл будут одомашнивать, чтобы ни дети, ни женщины в лес за мёдом не ходили, ведь там кроме ос полно и всяких других опасностей. Чей-то изворотливый

ум даже придумал ловушку для ос по принципу «морды» — специальной ёмкости для ловли рыбы, только эта не пропускала через себя воду, а была как глухой бочонок с крышкой, вогнутой вовнутрь как воронка. В эту воронку на сладкую забродившую приманку, по мнению изобретателя, должны были залетать осы, не имея возможности выбраться обратно. Так их можно будет и отловить, и уничтожить. Эта уникальная идея приглянулась всем, и женщины аула со следующего дня лепили глиняные, приспособленные для ос ловушки, которые должны были быть развешаны по радиусу всего поселения и обязательно в каждом дворе, у каждого входа, у каждого окна. Также мужчины, заранее готовясь к походу в лес, сколачивали другие ловушки, чтобы отловить в них пчелиные рои для дальнейшего их одомашнивания.

Через пару дней, когда для отправки отряда мужчин в лес всё необходимое было подготовлено, все отправляющиеся в путь взяли с собой ёмкости с уксусом, чтобы обтираться им и тем самым нейтрализовать сигнальный зов осы, посылаемый осам-воинам, — и избежать безжалостной атаки насекомых. Также взяли они с собой заготовленные роевни, пуки травы для окуривания дымом, отпугивающим насекомых. Повозки, гружённые пропитанием с расчётом на неделю, двинулись в направлении леса.

Оракул-Саду запретил Ананде ехать с ними, так как категорично было всеми решено, что дети в лес не пойдут, а Ананда, хотя ментально и физически превосходил своих сверстников, по возрасту всё равно оставался ещё отроком. Он впервые в жизни вступил с отцом в спор, но тот был непреклонен. Кроме того, Оракул-Саду возложил на Ананду большую ответственность — проследить за размещением защитных ловушек для ос и осуществлять надлежащий контроль за лечением уже пострадавших от укусов людей со-

вместно со знатным травником — братом Ананды — Сэлихэром.

Сэлихэр выхаживал искусанную почти насмерть юную девушку. Её лицо было настолько опухшим, что отёки вокруг глаз не позволяли им открыться. По внешнему виду даже невозможно было определить её возраст и рассмотреть какие-либо внешние признаки. На её руках и ногах были гнойники. Девушка всё время находилась в бреду и стонала. Рядом с её постелью стояли ещё несколько сколоченных из досок лежанок, на которых также находились больные в состоянии разной степени тяжести и разным количеством осиных укусов на теле. Этот экстренно созданный лазарет был размещён в доме старейшины аула, так как он был немногим больше других по размеру. Но вместе с этим монахи и сам старейшина определились, что надо срочно выстроить в посёлке лазарет, и теперь все мальчишки и девчонки селения под руководством взрослых принимали участие в формовке саманного кирпича. Они не ленились и трудились не покладая рук наравне со взрослыми. И глину таскали, и воду чистую, холодную с ближайшей горной неглубокой бурной речки на осликах возили... Соломенную труху поставляли ребята на маленьких двухколесных скрипучих арбах, где небольшой ростком ишачок мог не спеша, чуть ковыляя ножками, везти очень большой груз. И потом эти, казалось, беззаботные дети вымешивали ногами вязкую смесь и раскладывали месииво пригоршнями по сколоченным заранее деревянным прямоугольным формам.

Чумазые и весёлые дети. Казалось, они не понимали, не осознавали всей серьёзности нависшей над аулом угрозы и радовались возможности повозиться в грязи, из которой, если сильно наступить, то и ногу то не вытянешь. А их это забавляло, и воспринимали они тяжёлую, трудную работу за возможность вдоволь

извозиться в грязи, с ног до головы обмазаться ею. И они не чувствовали абсолютно никакой усталости и помимо работы успевали, играясь и резвясь, кидаться друг в друга комьями грязи. Каждому жителю посёлка, от мала до велика, была важна вложенная во всеобщее дело толика труда по совершенствованию и улучшению жизни аула — а значит, и своей личной жизни. И это всеобщее противостояние навалившимся на них испытаниям очень сплотило и объединило население.

Сэлихэр делал больным примочки из настоя целебных трав и уксуса. Охватившие их тело жар и лихорадку он так же устранил кислым уксусным раствором, и больным становилось намного легче, и отеки от укусов быстро рассасывались. Вот только эта девушка — она никак не могла прийти в себя, и температура её тела была по-прежнему очень высокой. И все очень переживали за состояние её здоровья, равно как и за жизнь, которая могла в любой момент оборваться. Ананда тоже переживал за юную жизнь девушки и, постоянно удерживая в сознании её болезненный отёкший вид, сопереживая, читал мантры, способные наполнить её жизненной силой. Он увидел её почти что мельком, всего несколько незаметно пролетевших минут, когда Сэлихэру понадобилась помощь, и он призвал на подмогу юного брата Ананду. Девушка лежала, не шелохнувшись, и только крупные слёзы катились из её сильно опухших не открывающихся глаз, скатывались по щекам и терялись в чёрных, как крыло ворона, волосах. Надо сказать, что до дня прибытия в посёлок Мадхуп Ананда вообще никогда не видел женщин, кроме кормилиц Лакшми и Мандури, но они были для него как матери. И теперь, находясь так близко к девушке, он впал в некое оцепенение и, не отрывая глаз, смотрел на её тело, на маленькие бугорки грудей, выпирающих из-под простыни. Он стоял как

вкопанный и не мог пошевелиться, его грудь будто сдавили тиски, и горячая волна крови ударила в лицо.

— Ананда, — окликнул его Сэлихэр, и он от неожиданности вздрогнул. — Мне нужно срочно приготовить снадобье, а у неё открылся гнойник.

Сэлихэр дал ему длинную тонкую иглу, которой он должен был проткнуть гнойник на руке девушки, и Ананда, боясь причинить девушке боль, очень осторожно стал выжимать гной. Девушка застонала и слегка мотнула головой. Ему тоже захотелось закричать от боли, передавшейся ему и будто проходящей через его сердце. Но он сдерживал в себе это желание. Мысленно разговаривая с ней, Ананда успокаивал её, жалел и даже, сочувствуя, хотел погладить по руке, но не осмелился этого сделать, даже мысль прикоснуться к её руке быстро отогнал от себя. Она ещё громче застонала. Сквозь узенькие щёлки глаз, которые девушка безуспешно пыталась открыть, Ананда будто увидел просочившиеся лучики света из искрящихся под слёзной пеленой зрачков, когда она еле заметно, сквозь боль и страдания, улыбнулась ему. Её губы слегка шевельнулись, будто она хотела поблагодарить его за участие и сострадание к ней, но не успела, так как снова впала в беспамятство. И услышал он тогда внутри себя, где-то в своём юном горячем сердце, глубокую связь их мыслей и слова, исходящие в её тихом мимолётном взгляде... И ощутил, как безгранично обогащается его душа в этом их немом разговоре. И возникло у него желание близости, родства и единения душ с ней.

Нет, они ни на мгновение не прикоснулись друг к другу. Не было между ними никакого тактильного контакта, но Ананда ощутил, что они соприкоснулись на другом уровне — на уровне мысли, на уровне энергий, на уровне чакр, и эта зародившаяся между ними сакральная связь была очень сильной. И он стал посылать ей самые светлые дружелюбные мысли и пожела-

ния скорейшего выздоровления и услышал, почувствовал на тонком плане, как она принимает их и с благодарностью отвечает ему. И от радости восприятия ею этих вибрационных волн зарождающейся любви они оба будто светились, выплескивая этот сияющий свет наружу. Всё в их душах и вокруг них ожило, затрепетало от этой встречи. И Ананде даже показалось, что болезненность её вида стала рассеиваться и что девушка задышала глубже.

Он не знал её имени и, конечно же, не посмел у кого-либо даже поинтересоваться им. Поэтому сам для себя, в своём сердце, в душе, Ананда назвал её Чакора и сам для себя перевёл значение этого слова – «сказочная птица с глазами, полными лучей». И он сказал ей:

– Чакора, ты прекрасна!

Но потом вошёл Сэлихэр и спросил у Ананды:

– Как она? Как чувствует себя Титибха?

– Кто? – растерянно переспросил Ананда.

– Девушка.

– Чакора? – переспросил Ананда.

– Титибха! – уточнил брат.

– Хорошо, всё хорошо.

Сэлихэр, ничего не понимая, смотрел вслед выходящему за дверь брату, который, уходя, что-то шептал себе под нос.

А Ананда тихо произносил имя, которым сам нарёк девушку:

– Чакора – Титибха, птица – светлячок.

Титибха, к радости борющегося за её жизнь Сэлихэра, очень быстро пошла на поправку. Отёки сошли с её лица, и она наконец-то открыла свои прекрасные глаза, сама встала на ноги и, опираясь на стену, захотела выйти на улицу. Какая радость и счастье видеть солнечный свет! Титибха посмотрела на небо, но не увидела его голубого света. С непривычки солнечные лучи ослепили её, и она зажмурилась, а когда снова откры-

ла глаза и посмотрела вдаль, то в солнечных бликах, рассыпанных по дороге, увидела идущего Ананду.

Мелкая, прогретая солнцем дорожная пыль от соприкосновения с его ногами поднималась и клубилась вокруг него, из-за чего не было видно, как он переставляет ноги. Ей даже почудилось, что Ананда не идёт, а плывёт над дорогой. А ещё ей показалось, что она его откуда-то знает, будто уже где-то раньше видела его лицо, и какое-то непонятное, новое тёплое чувство от этих мыслей стало расплываться в её груди, наполняя сердце радостью. Титибха положила свою ладонь на сердце, которое усиленно билось, будто просилось выпорхнуть наружу.

И с этой встречи, во время которой Ананда и Титибха даже толком не сумели разглядеть друг друга, стали сниться ему полные музыки, танцев и красок, необыкновенных сказочных мгновений полёта, восторга, торжества, блаженства — эротические сны. Каждую ночь прилетала к нему во сны, чтобы вместе танцевать и петь, волшебная сказочная птица с глазами, полными лучей, — Чакора.

Вот и сейчас Ананда сидел, опершись спиной на соломенный пук, и в свете заходящего солнца смотрел вдаль на усыпанный цветами луг, думал о словах, произнесённых однажды отцом, которые он почему-то не воспринял тогда всерьёз, а теперь ему стал так понятен их простой смысл:

— Если хочешь богатства, сынок, ищи любовь, потому что нет в мире ничего, что могло бы превзойти её цену.

Он, Ананда, теперь богат! Теперь он услышал отца и осознал значение его слов, потому что он, Ананда, — влюблён! Да, он не ошибся, это любовь! Она наполнила теплом его сердце, она взволновала его плоть, и она теперь является основой всей его жизни! Отец, Оракул-Саду, был миллионы раз прав — смысл жизни в любви!

В любви к матери, к женщине, к своей Родине, к своему делу и к своему народу, любви к природе и в любви ко всему живому на земле и, конечно же, в любви к ней, самой милой, дорогой, единственной — Чакоре.

Ананда прикрыл глаза.

— Чак-чак-чак — Чакора... — вместе со сном полился в его сознание динамичный напев, и под эти звуки на фоне закатного неба выбежала на розовеющий луг птица с глазами, полными лучей. Изящно выгнула величавая птица свою спину, подняла руки-крылья в изгибе и на мгновение застыла.

Туман на травы стал ложиться,
Казался сон тот небылицей,
И замелькали в ритме сна
Хлопки ладоней чудо-птицы,
И распахнула птица крылья
В пурпурно-огненном наряде,
Засеменила по траве
Походкою в минорном ряде.
Плыла по цвету имбиря
Прекрасная степная пава,
То приближалась на него,
То отдалялась величаво.
Плескалось «Инь», плескалось «Ян»,
Им вторя, вся земля купалась,
Сливались солнце и луна,
И «Инь» и «ян» в степи венчались.
Лились напевы — медианты,
И в доминанте ми-мажора,
В порыве чувств, в порыве страсти
Волан на луг спадал узором.
Ударом в такт по обечайке
Сердца горячие стучали,
И тихим, плавным портаменто
На верхней деке струны рвали.
Летели стоны по простору,
Как запись судеб в фолианте,

Полутона и интервалы,
И три аккорда в доминанте.
Потом, уставшие в ночи,
Под лунным светом на просторе
Скрывали страсти под ключи
И засыпали в ля-миноре.
Чтобы на стыке новых дней
и тёмной ночи величаво
На фоне вспыхнувших небес
крылами воздух рассекало
И снова плыло по ночи
Любви прекрасное начало,
Как будто солнце было в ней,
как будто солнце танцевало:

— Чак-чак-чак — Чакора.

Надо сказать, если Ананда спал и путешествовал по волшебным мирам любви одновременно, то Титибха потеряла и покой, и сон. Она всё думала и думала о нём, об Ананде, понимая и страдая от осознания того, что финалом их встречи будет расставание — не на год, не на два и даже не на десять долгих лет, а навсегда — на вечность.

— Ну, разве можно влюбиться в монаха? — спрашивала она сама себя и тут же сама себя успокаивала: — А вдруг он ещё не монах, и не было в его жизни посвящения в монахи, что тогда меняется?!

— Ничего не меняется, — рассуждала Титибха. — Он скоро уйдёт вместе с отрядом монахов из аула и никогда даже не вспомнит обо мне, никогда. Ведь он даже не знает моё имя, он обходит меня стороной и не желает приблизиться, чтобы посмотреть в мои глаза и увидеть тот волнующий свет, который они излучают.

И Титибха плакала тихо, печально и одиноко, потому что она в глубине своего девичьего сердца очень сильно полюбила его. Приняла в сердце того, кого любить нельзя. Плакала она, не подозревая, что он

знает её, любит её и даже ласково по-своему называет «птицей с глазами, полными лучей» — Чакорой.

А тем временем в лесу полным ходом шла заготовка сырья для изготовления бортей. Бортъ — это домик для пчёл, выдолбленный человеком в деревянной колоде. Для этого мужчины искали прочные, но уже несколько лет как поваленные деревья — пчёлам не нравится запах свежей древесины, и от излишней влажности дерева мёд может отсыреть. Таких деревьев — валежника, просушенного и потрескавшегося за годы, — было много в лесу. Люди сразу распиливали дерево на метровые брёвна, именно такого размера они собирались изготавливать борти. Искали боровок — диких лесных пчёл — и ходили с роевнями по лесу, выслеживая и охотясь на них. И когда видели рой, с гулом покидающий дупло, бегали за ним и отлавливали его в роевню. Главное в этом деле было взять матку, для чего натирали роевню травой, привлекающей её своим запахом. И пчёлы на этот запах клубом залетали вовнутрь приспособления и оставались там. Накрытые тёмной материей, пчёлы тихо сидели и не гудели, если матка была рядом, — если же она не успела залететь, то они шумели так, что всё ходило ходуном, волновались, и нужно было им срочно её найти. Матка отличается от всех пчел очень толстой второй половинкой тела, поскольку у неё в задней части брюшка находятся семена жизни, и если матку посадить внутрь будущего улья, то все остальные пчёлы сами последуют за ней. В общем, работа шла полным ходом, и вскоре отряд добровольцев возвращался с гружёными деревом повозками в аул. Были, конечно, люди, покусанные осами, но радовало, что, несмотря на это, все были живы.

По приезде в аул работы только добавилось, так как бревенчатые колоды нужно было ошкуривать снаружи и тщательно выдалбливать внутри бревна полость, просторную и гладкостенную.

Бревна были хорошо просушены на солнце, поэтому работа с послушной мягкой древесиной шла быстро, и уже через неделю на прилегающем к аулу луге была возведена бортевая пасека. Сверху колоды были, будто шапки, спасающие от дождя, прикреплены снопики сена, и от этого борти стояли среди цветов как высоко поднимающиеся над травой грибы. Миссия монахов в этом поселении была закончена. Люди спасены, пасека построена, лазарет возведён, и уже на днях монахи монастыря Мандыр-Сиддхи должны были продолжить свой путь дальше.

Как-то совсем нерадостно было от этого на душе у Ананды. Мысли о разлуке с Чакорой атаковали и мучили его. Не желая абсолютно ни с кем общаться, он нашёл себе укромное местечко, где мог уединиться в своих думах и, спрятавшись на пасеке, опершись спиной на заднюю стенку улья, был никому не виден. Ананда раскрыл свой трактат, чтобы пополнить его приобретёнными знаниями, но ничего на ум, кроме Титибхи, не шло.

Пчёлы, облюбовав борть, клубились у летка, заноса вовнутрь на своих мохнатых лапках цветочную пыльцу для прокорма будущего приплода. Бывало, что цветные шарики пыльцы падали у них с лапок вниз, и пчелы их уже не поднимали. Ананда взял один из упавших катышков в руки, растёр его по пальцам, попробовал на вкус и услышал от пыльцы содержащуюся в ней на геном уровне информацию о полезных свойствах растений, с которых она была собрана. А пчёлы продолжали трудиться и так сильно гудели, что Ананда, прижавшись к колоде ухом, стал слушать их. Он, умиротворённый этим звуком, расслабился, и тревога и переживания покидали его, и Ананда, переключив внимание на пчёлку-боровку, больше ни о чём не думая, почти машинально написал:

— Пчелиный гул, как камертон, настраивает организм человека на выздоровление.

Ананда даже не понял, что, сонатроившись с пчёлами, медитировал и провалился в сон и так крепко и сладко спал, что не мог ни увидеть, ни ощутить, как в сторонке, наблюдая за ним, стояла Чакора. Она видела, как он уснул, и очень тихо, опасаясь, что он проснётся, на цыпочках подошла к борти.

— Какой красивый! — рассмотрела она его лицо и, сняв с волос приколотый к ним алый цветок, почти не касаясь бумаги трактата, положила его на развёрнутый лист.

Трудно сказать, сколько времени спал Ананда, но, когда он проснулся и увидел цветок, его будто всего обожгло кипятком. Сердце так сильно заколотилось, что готово было выскочить наружу. Он взял цветок и поднёс его к лицу, чтобы вдохнуть аромат.

— Чакора, — прошептал он, касаясь губами его лепестков.

Потом, пребывая в неопишемом блаженстве, Ананда ещё долго сидел у борти. Он рисовал в своих фантазиях изящный, прекрасный образ девушки, которая ответила ему взаимностью и подала ему знак о своих чувствах, подарив этот необыкновенной красоты цветок, такой же яркий и самобытный, как и она сама. Всё в душе его пело. Уже не было сомнений, не было страха перед разлукой, потому что Ананда понял, осознал в одно мгновение, что она — Чакора, птица с глазами, полными лучей, — будет принадлежать только ему. И он теперь наберётся смелости и подойдёт к ней, посмотрит на неё прямо, глаза в глаза, и скажет ей о своих чувствах... И поклянутся они тогда друг другу в верности своих сердец.

Ананда вновь раскрыл трактат и сделал в нём ещё одну запись: «Сколько света и любви в душе у человека — столько у него будет благ и здоровья!» И, вооружившись

этим знанием, Ананда смело зашагал в направлении аула, чтобы отыскать там Чакору, заглянуть в её глаза и рассказать ей об открывшихся ему тайных познаниях.

Он искал её везде, но так и не встретил в тот день. И тогда Чакора стала для Ананды наваждением и виделась ему везде и во всём, даже в формах проплывающих над ним высоко в небе облаков он видел хрупкий силуэт милой взору девушки. А что уж говорить о снах... Ананда полюбил свои сны — красочные, эмоциональные, реальные, потому что в них он мог быть с той, с кем не имел пока возможности встреч в реальности — с ней, с Чакорой. И в одном из своих снов Ананда сорвал с её губ поцелуй. И теперь, следуя по жизненному пути, нёс на своих губах нежный аромат прикоснувшихся к нему губ, таких же алых и терпких, как лепестки имбирного цветка, бутон которого Чакора подарила ему.

Сэлихэр, взяв в руки крупную осу из похожей на бутылку ловушки, на языке, доступном простому люду, рассказал им о строении тела осы и о воздействии её яда на человека.

И эта речь звучала так:

— Пчела, ужалив человека, сразу погибает сама, потому что её зазубренное жало зацепляется своими зубчиками в коже ужаленного и выдергивается не из жертвы нападения, а из самой пчелы вместе с её внутренностями. В отличие от пчелы, оса за счет гладкости своего жала, — он повернул осу к слушающим его селянам жалом, чтобы они имели возможность внимательнее рассмотреть его, — имеет возможность нападать на жертву и жалить её многократно. Распространяя свой яд, узнаваемый по запаху, оса тем самым ещё и сигнализирует своим собратьям об опасности и зовёт их на помощь. Таким образом, осы помечают своих агрессоров и, атакуя, преследуют их. Яд — хоть пчелиный, хоть осы, — попадая в тело человека, воздействует своими токсинами

на его кровь так, что сгущает, сворачивает её, и густую кровь сердцу становится тяжело качать. Человек может, получив подобную интоксикацию организма, испытать анафилактический шок и впасть в состояние, близкое к коме. Поэтому сразу же после укуса насекомого нужно принять препараты, разжижающие кровь, а также на места укусов необходимо наложить обезболивающие и обеззараживающие примочки.

Сэлихэр с удовольствием читал любознательному народу познавательные лекции, так как среди его задач также было научить людей не только гигиене физического тела, но и достучаться до их сознания и вложить понимание энергии тонкого плана. Для людей эта энергия должна была быть обозначена доступным для их понимания словом, которое обратит и укрепит их сознание к непоколебимой вере в высшие силы. Потому что душа человека без духовного стержня, без духовного наставника, так же как дом, оставленный без хозяина, очень быстро разрушается. Сэлихэр решил навсегда остаться в этом поселении в качестве жителя, способного привнести свои знания во благо населения, тем более и в выстроенный лазарет требовался человек, обладающий медицинскими навыками, и необходимость в лечении людей также присутствовала. Кроме того, монахи оставляли его, чтобы научить людей самостоятельно помогать своему организму: поддерживать его физическое состояние, поднимать иммунитет посредством приёма в пищу лечебных трав от паразитов, корней и, конечно же, продуктов пчеловодства, так как биополя пчёл и человека идентичны. Эти продукты могут очень сильно влиять на физическое состояние человека для укрепления иммунной системы.

Сэлихэр имел определённые познания во всех этих направлениях — и как травник, и как человек, разбирающийся в продуктах пчеловодства. Этими знаниями он теперь готов был поделиться с людьми, научить, как ими

пользоваться. Кроме того, Сэлихэр уже начал сколачивать группу людей, которые прониклись необходимостью запастись лекарственными травами, которые произрастают в долине повсюду, а люди фактически проживают в окружении этих трав, только не знают их и не ведают, как ими пользоваться, как применять их в своём рационе питания. И теперь, осознав эту потребность и необходимость, они вместе с ним пойдут собирать спинулину, лекарственные травы, корни, время сборов которых уже наступило. Все эти пряности, приправы, лечебный цвет они принесут в окрестные селения, чтобы поднимать на ноги людей, чтобы те становились здоровыми, процветающими. Они принесут людям и солнечную душистую куркуму, а также корень имбиря — универсальное лекарство, так как он все свои полезные вещества доводит до самой клетки организма человека, настоящий огонь для пищеварения, антипаразитарник мощный, легкие чистит, отёчность устраняет, афродизиак мощнейший. Столько качеств у этого корня, что сразу всё не перечислишь. А пажитник, который в народе называют шамбалой, тот вообще имеет свойство омолаживать организм, оборачивая старение вспять.

Дождевые тучи быстро наполнили долину, из-за этого перенесли день выхода монахов из поселения медоносных пчёл Мадхуп, и Ананда где-то глубоко в душе этому радовался, так как надеялся на встречу с Чакорой.

Все дождливые дни монахи, собирая народ в импровизированном шатре под крышей нового лазарета, проводили с людьми беседы на духовные темы, чем способствовали расширению диапазона знаний простых селян, не очень грамотных людей. Монахи вкладывали в их сознание понятие о нравственности, потому что безнравственность всегда ведёт человека к грехам, ненависти, злости и, как следствие всего этого, к страданиям, лишениям и войнам.

На одном из таких собраний Ананда увидел Чакору. Сердце его просто затрепетало в груди, а она смутилась и, потупив взгляд и еле заметно улыбнувшись в ответ, так и осталась стоять в сторонке. Ананда весь светился от счастья, и это не ускользнуло от внимательных глаз Оракула-Саду.

— Возмужал Ананда, — подумал старец.

Собрание было в самом разгаре, собравшиеся люди с монахами дискутировали, когда в аул прискакал из города всадник с тревожной вестью. Он сообщил всем собравшимся о внезапной смерти градоначальника. Рассказал, что останки Гаруды были найдены случайно воинами, объезжающими окрестности. Ими же они были и опознаны по остаткам одежды и личных вещей, таких как сапоги, нож и амулеты из разрисованного железа, когда-то подаренные Гаруде колдуном Дугпа-Марой.

— Теперь на эту должность, — сообщил всадник, — будет назначен новый человек, слава о доблести и чести которого давно идёт по земле, и на этого человека возлагаются большие надежды. Этот человек — Вирасана-Симха.

От этой вести Оракул-Саду не смог сдержать слёз радости, которые ловил в свои морщинистые ладони и размазывал по лицу. Люди же не знали, как себя вести, и, ошарашенные этим известием, тихо шушукались и переглядывались. Им было непонятно, отчего так грустит старик, ведь градоначальник Гаруда был ужасным тираном, и не было у него с народом необходимого единства, понимания, общих, объединяющих целей. А люди должны видеть присутствие государя в их жизни, его участие, заботу о них. Но Оракул плакал не от сожаления о гибели градоначальника, а от счастья, что больше ему нет необходимости скрывать от этих злобных деспотов, столько лет держащих в страхе народ, происхождение своего единственного сына — Ананды. И Оракул-Саду открыто всем рассказал об этом. Также он дал

народу надежду на то, что новый правитель Вирасана-Симха, имя которого означает «Героический Лев», действительно является хорошим человеком, даже уже потому, что имеет в своём сердце стержень глубокой веры в духовную составляющую человека и поддерживает развитие на их многострадальной земле монастырей. И впервые за многие годы Оракул-Саду в адрес градоначальника Гаруды произнес такую речь:

– Много лет наш народ, находящийся под давлением колдуна Дугпа-Мары и градоначальника Гаруды, претерпевал лишения, притеснения и всяческие давления, находился в страхе, нужде, непосильном труде и голоде. Гаруда поступал с народом не по-человечески, тем самым подогревая напряжение, недовольство, обиду и негодование людей.

Было тихо, все очень внимательно, со слезами на глазах слушали Оракула-Саду.

– Но время всё расставляет по своим местам. К каждому приходит срок ответить за свои поступки, а градоначальник Гаруда, слушая советы колдуна Дугпа-Мары, поступал как последний человек. Даже после краха империи колдуна он не опомнился, не осознал и не использовал шанса всё исправить и правильно сделать, порядочно, благородно. Гаруда, дорвавшись до власти, не смог этим шансом воспользоваться, заставляя каторжно работать и присваивая себе все плоды людского труда. Сейчас, в эту минуту, народ должен вздохнуть с облегчением, без толики сожаления, что такая ужасная участь постигла градоначальника. Такие правители, как Гаруда, были, есть и будут, потому что, когда появляется у человека богатство, не каждому дано это выдержать и пройти экзамен на человечность. И если правитель так безжалостно обращается со своим народом, то рано или поздно всевышний перекрывает ему все энергетические потоки, закрывает все каналы, понижая его энерговибрации,

и тогда человек уходит с физического плана. И мы, понимая это, должны подняться с уровня животного развития. Правитель должен находить силы так управлять, чтобы из всего изыскивать возможности давать людям чувство защищённости, безопасности, разжигать в них такой творческий потенциал, чтобы было возможным что-то создавать совместно с народом, привносить в этот мир, совершенствуя его.

Люди слушали Оракула-Саду, и приходило к ним осознание того, что они сами создали себе иллюзию поклонения тирану Гаруде — по сути, из-за своей безропотности были порабощены и боялись его.

— Человек должен быть осознанным, — продолжал свою речь Оракул, — понимать то, что он творит. Нужно человеку быть добрее, щедрее, сострадательнее, внимательнее к своим братьям — и такого человека в лице Вирасана-Симха послал нам Всевышний.

Оракул-Саду был растроган речью, которую сам же и произносил, проникшись теми несчастьями и бедами, которые народ познал во время правления деспота Гаруды, и продолжал вещать, потому что боль за людей вместе со слезами рвалась из него наружу.

— Я и сам на протяжении долгого времени, — говорил Саду, — был под давлением градоначальника. Я скрывал существование своего единственного сына, которого колдун Дугпа-Мара и Гаруда искали для того, чтобы уничтожить, потому что мой сын Ананда, — он впервые во всеуслышание произнес это, — рождённый при скрещении планет, пришёл на эту землю как Звёздный посланник, чтобы спасти наш народ данной ему свыше силой духовных знаний. И сейчас я так рад за наш народ, за себя. Я рад за своего сына, за ту свободу от гонений, которую мы с ним приобрели, и хочу, чтобы он, познавший и лишения, и гонения, воспитанный без матери, обрёл в жизни своё счастье — в продолжение своё оставил и посеял звёздное семя. Поэто-

му хочу обручить его с девушкой из вашего поселения, которая вместе с нами покинет аул и станет везде сопровождать Ананду, чтобы, когда придет время, стать ему верной спутницей в жизни.

Ананда, услышав эти слова, от неожиданности вскочил и встрял в речь отца, хотя это было недопустимо.

— Но, отец! — хотел возразить он.

Оракул-Саду жестом руки показал сыну, что он должен замолчать, а сам продолжил свою речь:

— В вашем ауле я увидел такую девушку и сейчас при свидетелях, у всех вас и у родителей хочу испросить разрешения на то, чтобы обручить её с Анандой.

Титибха стояла в сторонке сама не своя от речи Оракула-Саду. В её сознании, подобно песочным замкам, рушились миры, сознание плыло, и земля уходила из-под её ног. «Вот и всё, — подумала она, — вот она — реальность, жестокая, беспощадная реальность, которая сейчас разлучит меня с Анандой». Все зашумелись и стали, переглядываясь, смотреть друг на друга, пытаясь предугадать, на чью семью пал выбор Оракула-Саду. Ананда не мог этого выдержать и всё-таки встрял в речь отца.

— Отец, — обратился он к Оракулу, — я хочу свою жизнь посвятить служению народу.

Саду прервал его:

— Да, Ананда, поэтому тебе нужна достойная спутница в жизни, и я выбрал для тебя её. И сейчас мы, обратившись к её родителям, попросим её руки.

Оракул-Саду внимательно окинул взглядом присутствующих, выискивая взглядом родителей Титибхи. Она же, ослабленная пережитой болезнью и сейчас испытывающая сильнейшее потрясение, была близка к обмороку. Даже глаз поднять не смела на Ананду, понимая, что весь мир рухнет для неё, и глаза её наполнились слезами, готовыми вот-вот пролиться наружу.

Ананда не успел остановить Оракула-Саду, а тот уже обратился к отцу и матери Титибхи. Ананда же

не знал, что они являются родителями его возлюбленной, и несчастный и обреченный слушал речь отца.

— Многоуважаемые Рэншен и ваша супруга Шамсия, позвольте испросить у вас для моего сына Ананды руки вашей дочери.

Перед глазами Ананды всё плыло, он ничего не понимал из того, что сейчас происходило. Всё ему виделось будто в кошмарном сне, и в этом сне он увидел падающую в обморок Чакуру и кинулся к ней, чтобы подхватить её.

И вот он подхватил девушку и держит Чакуру на руках.

— Отец, — обратился он к Оракулу-Саду, — я хочу сам выбрать для себя девушку и хочу, чтобы эта девушка стала моей спутницей, — смело во всеуслышание заявил он.

С Чакорой на руках Ананда подошел к Рэншену и Шамсии — незнакомым ему людям, к которым обращался отец, — и сказал им:

— Простите меня за всё, но я хочу, чтобы эта девушка стала моей спутницей.

Оракул-Саду подошёл к ним и снова обратился к родителям Титибхи:

— Многоуважаемые Рэншен и ваша супруга Шамсия, позвольте испросить у вас для моего сына Ананды руки вашей дочери.

— Отец! — закричал Ананда.

Оракул ждал ответа, и Рэншен произнес:

— А что на это скажет сама Титибха?

И Ананда понял тогда, что они и есть родители Чакры, которая, улыбаясь, с сияющими от счастья глазами сейчас смотрела на него. Оракул-Саду снял со своей шеи большой круглый амулет и в знак того, что будет воспринимать Титибху как свою родную дочь, надел его на неё. Это позволило Титибхе ощутить себя принятой в новую семью, и она заплакала от счастья.

Отряд монахов покидал селение медоносных пчёл Мадхуп, направляясь в те посёлки, где люди также ждали от них помощи, и с ними в отряде рядом с Анандой двигалась хрупкая, тоненькая девичья фигурка Чакоры-Титибхи, и этот путь открывал для юных сердец большое будущее.

Жители посёлка долго смотрели им вслед, утирая со своих лиц слёзы благодарности за оказанную им помощь и слёзы радости за будущую пару.

После прошедших над долиной дождей идти было легко и свежо. Солнце уже не палило беспощадно, а нежно обогревало путников своими ласковыми тёплыми лучами.

Ананда и Чакора как-то по-новому смотрели на мир, и этот новый взгляд открывал для них ещё больше прекрасного: цветы стали ярче, небо синее, птицы звонче щебетали над ними так, будто только для них, для юных влюблённых сердец, дарили свои мелодичные напевы.

Монахи держали свой путь в город, так как Оракул-Саду сам хотел поздравить занявшего пост градоначальника Вирасана-Симха, отца которого знал лично и даже, если углубиться в воспоминания, нарёк его первенца этим именем.

— Вирасана-Симха — Героический Лев! — провозгласил тогда Оракул-Саду, взяв на руки младенца-крепыша.

И вот он вырос! Вырос Вирасана-Симха, полностью своими отважными поступками оправдывая данное ему при рождении имя.

Вирасана-Симха был несказанно рад визиту Оракула-Саду и встречал делегацию монахов монастыря Мандыр-Сиддхи как самых желанных, долгожданных гостей. Но ещё больше он был счастлив от того, что ему есть теперь с кем посоветоваться и решить, что же делать с народом, который очень сильно морально и физически пострадал во время тиранического правления

градона начальника Гаруды. Как же его, народ, теперь поднимать? Люди, порабощённые Гарудой, до такой степени изнашивали свои тела непосильным трудом, что стали утрачивать себя как личности. Полностью остановились в них процессы развития, и их сознание было заиклено только на еде и работе, которую они выполняли механически с раннего рассвета до глубокой ночи в спящем сознании, подгоняемые розгами надзирателей. Это состояние постоянного недосыпания подобно вирусу поражало нейроны головного мозга и могло полностью отключить у человека программу сна. И теперь Вирасана-Симха, понимая, что в городе весь народ жил с внесёнными Гарудой рабскими программами, поставил себе задачей решить эту проблему, потому что если её вовремя не купировать, то состояние такого человека быстро передается его окружению. Народ, будто инфицированный, мучается от высокой температуры, страшных, невыносимых головных болей и заторможенности мыслительного процесса, что, в свою очередь, делает этих людей неадекватными. Многие уже начали сходить с ума, видно было, как они не собраны, взгляд многих был расфокусирован, а некоторые даже впадали в летаргический сон...

Когда Вирасана-Симха столкнулся с таким больным населением в подчинённых его правлению аулах, то обратил внимание на то, что нет никакой инициативы в людях, они живут, как роботы, то есть, у них получается каждый день одно и то же. Радости не испытывают они в сердцах, улыбки отсутствуют на их пасмурных равнодушных лицах, нет развития никакого, нет никакой эволюции, нет ничего нового... Люди – они же живые люди! Их жизнь должна быть движением, их задача чем-то гореть, желать что-то создать, созидать и претворять всё лучшее в жизнь. Так Вирасана-Симха, столкнувшись непосредственно с управлением, понял, что эти люди всю ответствен-

ность с себя сняли и ждут от других, что за них всё решат, всё им покажут, расскажут, как и что делать. Решили люди, что за них постоянно кто-то должен думать и нести ответственность. Вирасана-Симха это в корне не устраивало. С одной стороны, конечно, хорошо, что они полностью безропотно подчиняются. Но, поскольку Вирасана-Симха был человеком с горячим благородным сердцем, ему хотелось видеть живых людей, которые кипят деятельностью, в которых кипит творческая энергия, какие-то ремесла осваивают, чтобы процветающими они стали, чтобы жизнь их, самых простых людей, работяг, была интересной, насыщенной, радостной.

Кроме того, всё вышесказанное вкуче породило ещё одну беду, как отзвук от Гаруды. Умерев, он словно тянул людей за собой, и некоторые люди стали страдать таким психическим заболеванием, которое приводило их к полному отсутствию сна, а человек больше пятнадцати суток прожить без сна не может, потому что мозг не перезагружается и человек, измученный длительной бессонницей, умирает. И люди от невыносимых болей, мучающих их, заканчивали жизнь самоубийством, прыгая с самой высокой скалы. Вирасана-Симха даже распорядился к подъёму, ведущему к этой возвышенности, приставить стражу, преграждающую людям путь. Но они всё равно находили способы свести счёты с жизнью, находили другие обрывы и прыгали с них, потому что такие муки испытывали душевные и физические, что не могли их претерпевать, не могли в таких страданиях находиться на плане жизни и уходили. И никто не мог понять, в чём причина и почему они не могут от этого недуга излечиться.

Монахи слушали всё это и утверждались в том, что правитель пришёл к народу, который печётся о людях, желает им лучшей жизни, лучшей доли, хочет видеть их здоровыми и счастливыми. Оракул-Саду смотрел

на Вирасана-Симху как на очень мудрого человека и понимал, что когда-то он правильное имя выбрал для этого великого человека — Героический Лев!

— Уважаемый Саду, — обратился Вирасана-Симха к Оракулу, — что вы думаете по этому поводу?

Оракул задумался и какое-то время размышлял. И понял, что все они, и сам Оракул-Саду, и монахи, и угнетённый люд, сами создали себе иллюзию.

— Дом без хозяина быстро ветшает и начинает разрушаться, так же и человек без духовного наставника — как дом без хозяина стоит с распахнутой дверью, и каждый может заходить туда. Потому что без идеологии человек не может существовать, блокируется его развитие. Людям необходимо верить в высшие силы, и в этом есть большая, очень глубокая суть их бытия, — ответил Оракул.

Ананда, тоже очень внимательно слушавший всё это, сказал:

— У них спящее сознание, это живущие только для удовлетворения физического тела люди. Программа, которая прочно заложена в клетках тела человека и направлена только на выживание и размножение.

Он перевёл свой взгляд на Оракула:

— Отец, нам надо что-то сделать. Я запрошу вселенную, и Дух высших сил подскажет мне.

Монахи Мандыр-Сиддхи долго ещё беседовали и уединялись в молчании, погружаясь в свои мысли для того, чтобы помедитировать и просмотреть сложившуюся ситуацию своим внутренним взглядом. А потом они делились между собой увиденным и спорили, потому что каждый из них видел сложившуюся проблему, а также пути её решения по-своему — и всё оттого, что информация им приходила разная. Это всё было неспроста — то, что происходило с людьми, тянулось своими корнями во времена правления кол-

дуна Дугпа-Мары, и через многие года его злые деяния отдавались эхом порождённого колдовством зла.

Монахи, собрав воедино, как пазлы, фрагменты своих видений, получили общую картину происходящего: колдуном Дугпа-Марой по просьбе градоначальника Гаруды с целью порабощения человека были созданы сущности, подселённые в людей. Эти сущности на тонком плане выглядели как рептилии, которые своими длинными змеиными телами срослись с позвоночниками людей так, что окончание хвостового отдела располагалось в копчике человека, а осевой скелет тянулся по всему позвоночнику, высунув голову у мозжечка. И эта сущность вонзалась в мозг человека, периодически требуя необходимый для её жизни гормон. Добавляя в еду людям специфический гормональный секрет, в жажде отведать который человек с подселённой ему сущностью готов был идти на всё, Гаруда получил фактически бесплатную, управляемую едой, рабочую силу. Именно этот фермент, минимальными дозами добавляемый по распоряжению градоначальника Гаруды в миски с кашей, позволял ему до такой степени поработить этих людей, что за плоску этой пищи они были готовы на всё. Потому что сущности, сидевшие в них, получали удовлетворение, только потребляя в пищу этот гормон. Когда Гаруды не стало и на его должность заступил Вирасана-Симха, соответственно, прекратилось добавление в еду этого снадобья, своим составом и запахом напоминающее разлагающийся труп. Рептилии, переставшие получать необходимое им питание, требуя себе корма, кусали человека за мозжечок, тем самым доставляя ему невыносимые муки, болью разрывающие изнутри его голову. От этих укусов боль ощущалась не только в членах, а даже волосы до самых кончиков болели, и человек чувствовал дикую боль в каждой клетке своего организма. Эта боль лишала его сна, и было только одно желание — унять её любым

путём. А рептилия продолжала грызть человека, требуя своего, и он, не выдерживая этой пытки, обезумев, шёл на самоубийство, тем самым давая пищу этой сущности, которая впоследствии пожирала его разлагающееся тело и, таким образом высвободившись, искала сама себе следующую жертву. То есть перед монахами стояла теперь задача не только освободить человека от воздействия этой сущности, но и уничтожить её саму, чтобы исключить её дальнейшее разрушающее внедрение в человеческую плоть.

— Но, — спросил один из монахов, — если Дугпа Мары уже давно нет, то кто тогда изготавливал для Гаруды это снадобье, где он его брал, когда колдуна не стало?

Вирасана-Симха, задумавшись, ответил:

— Ходят слухи, что в горах, не так далеко от нашего города, живет одна сумасшедшая, промышляющая колдовством, но насколько это может быть серьёзно до такой степени, чтобы она могла поработать целые города? Что-то сомневаюсь, но говорят, что Гаруда туда часто хаживал.

И решили монахи подняться в горы, тем более всё можно успеть за день.

Ранним утром они отправились к Шурге. Слепая Шурга сидела в пещере на каменном валуне, покрытом мерлушкой. Из таких же шкурок молодых ягнят была пошита её безрукавка. Не то чтобы совсем у неё не было рукавов, точнее сказать, они были выдраны, так что шкурка ключьями скрывала предплечья Шурги. С виду сильно «тронутая» умом Шурга что-то бубнила, сидя над полураздетым человеком, и быстро бегающими по его спине пальцами босых ног прощупывала его позвоночник. Шурга не то что глаз не подняла на вошедших монахов, а даже ухом не повела в их сторону, будто она была не только ослепшая, но и оглохшая. Монахи переглянулись между собой, и даже ухмылка

проскользнула на лице одного из них, ухмылка, будто дающая оценку представшему им зрелищу. И тогда Шурга, будто почувствовав это, подняла на него свои заплывшие белыми близко посаженные глаза и открыла свой наполовину обеззубевший рот:

— Ну, и в чём смысл, что ты монах? — сказала она ему. — В чём твоя глобальная идея жизни заключена, что ты можешь донести до людей, если делишь их на левых и правых, на праведников и неправедников?

Монах опешил от такого разворота событий, а Шурга продолжала жалить его словами, при этом она не прекращала прощупывать стопами спину своего пациента:

— Кто этот закон установил, праведник — неправедник? Боги нас даже не судят, а воздают по заслугам. Думаешь, ты монах — значит, праведник, ты лучше, ты чище, а люди — все неправедники, пусть уходят, так? Сам иди отсюда! — выкрикнула Шурга и взмахнула своей босой ногой в сторону монаха.

И Ананда увидел, как она резким рывком ноги цепко захватила скрюченными пальцами рептилию и оторвала её от позвоночника лежавшего перед ней человека, и та, извиваясь в воздухе, полетела на монаха и, пройдя сквозь его тело, прилипла вдоль всего хребта. Монах вскрикнул и, обездвиженный, упал.

— Мы с миром пришли, — тут же сказал Оракул Саду.

— Знаю, — по-змеиному прошипела Шурга. — От него пошли в мою сторону грубые энергии, которые в нём ещё живут. Он никак не может их в себе трансформировать, и поэтому он ходит по кругу, не поднимаясь вверх в своём развитии, и интерес к тому, что он делает, у него начинает пропадать, потому что нет развития, в нём пошла инволюция, ему всё стало неинтересно. Так многие люди и многие монахи доходят до определённого уровня духовности, а потом, не пере-

йдя на новый, падают. Вот как ты проходил этот путь однажды, — она подошла к брату Ананды, — шёл, шёл, шёл... Духовным лидером стал, вегетарианец, вещаешь людям умные вещи, а потом смотришь — мяса нажрёшься, на охоту пойдёшь животных убивать.

Ананда стоял молча, даже не пытаясь спорить или тем более грубить этой неопределённого возраста женщине.

— Что молчишь? — спросила она.

Молчали все. Потому что не понимали, что вообще происходит: с виду обезумевшая целительница вещает что-то, в чём есть смысл.

— Что с ним будет? — спросил Оракул-Саду, показав на лежавшего попутчика.

— Сознанием перезагрузится, — спокойно ответила Шурга. — Придёт время и вы поймёте, что нельзя с осуждением смотреть в тарелку другого человека и оценивать других, кто как живёт и кто что ест. А ведь каждый из вас, войдя сюда, дал мне эту оценку. Вы думаете, что вы особенные? Нет! И очень скоро вам это докажет он!

Шурга подошла к Ананде очень близко, почти вплотную, и посмотрела невидящими глазами ему в глаза:

— Ты спасёшь людей, и есть только один способ пробудить их сознание — это камень, артефакт. Послушай меня и запомни: важно не обличить человека, дав ему оценку «хороший» или «плохой», а научить его, как развиваться, чтобы расширить знания и улучшить жизнь. Этот камень совсем не то, что тебе о нём говорят, это не лакмусовая бумажка, обличающая неправедника и возносящая праведника, нет! Камень-артефакт поможет людям развиваться. Через него человек своим сознанием начнёт себя видеть как бы со стороны. Увидит, будто сторонним взглядом, как ведёт себя, что делает. Своим сознанием начнёт сам себя контролировать, потому что ему будто покажут со стороны:

посмотри, кто ты на самом деле есть, и хочешь ли ты с этим жить, с таким самим собой? То есть человек со стороны увидит себя глазами общества, глазами людей, которые его окружают, поймёт, как общество его воспринимает, потому что он сам тогда становится обществом, и он увидит себя как в зеркале. А в зеркале человек всегда хочет быть красивым, преображённым, любясь собой. И, глядя на себя со стороны, человек захочет видеть себя просветлённым, захочет наблюдать в себе проявление божественности, и эту божественность нести людям. И когда к нему придет это осознание просветлённости, ему станет стыдно за какие-то поступки, за какие-то действия. Стыдно не потому, что его кто-то уличил в них, а потому, что он сам в себе прозрел, пробудился, стряхнул с себя спящее сознание. Только тогда, когда он сам это поймёт, он начнёт просить прощения сам у себя, у Высших сил, у Вселенной... Потому что тогда только он ощутит свою вину в том, что при всех качествах, которые ему дарованы, он пренебрёг ими. Приняв это, он начнёт в себе возвращать новые качества и поймёт, что больше не может он, не хочет жить как прежде. А сейчас что-то вышло из-под контроля — человек сидит сам в себе и не может прозреть, не может видеть себя со стороны. Добудь, Ананда, этот камень, и он даст возможность людям прозреть. И всё преобразится, потому что только сам человек может что-то менять в себе — не кто-нибудь, а он сам, человек, должен захотеть проснуться. Пробудить в себе высокие энергии, пойти к преображению тела своего, чтобы его солнечная душа сделала проекцию на клетки тела, и звёздные души могли бы жить на планете и двигать эволюцию, помогая другим людям, которые на планете живут по программам животного. Помогать им становиться осознанней, расширять своё сознание... А так, как вы

все мыслите — «праведный», «неправедный», — это путь в никуда, одно осуждение.

— Вы, монахи, — продолжала свой монолог Шурга, босыми стопами мягко ступая по холодным камням и заглядывая в каждое лицо, — и женщин-то осуждаете, отвергаете женское начало, не принимаете любовь телесную, потому что сами сильно зациклены на программах тела. Вы боитесь растратить энергию на лунных, по вашему понятию, существ — женщин, считая, что через соединение с женщиной идёт мощнейший энергетический отток. И действительно, лунным женщинам нужен рядом мужчина солнечный, потому что, когда мужчина входит в контакт с такой женщиной, у них от слияния двух энергий, солнечной и лунной, рождается третья, из которой женщина черпает энергию, а мужчина при этом теряет её. Поэтому монахи и не входят в контакт с женщиной, чтобы не терять энергию и жизненную силу, которая им нужна для поднятия вибраций тела. Таким образом, они сохраняют эту энергию, не расходуя её через общение с женщиной, но, в таком случае, они и не получают женских вибрационных потоков и не имеют возможности наполнить во всём объеме свой духовный сосуд, свою душевную составляющую, потому что лишены нежности, любви и ласки. Да, с лунной женщиной мужчина теряет энергию, но он её наберет от солнца, восстановит свои силы. Совсем другой вопрос, что у монаха нет на это времени... Но ведь есть на земле не только лунные женщины, но и солнечные, огненные женщины — они яркие, горячие, дарящие тепло, они веселы, позитивны, оптимистичны. И если солнечный мужчина соединится с солнечной женщиной, тогда они могут получиться равными в своих возможностях, в своих потенциалах энергий, и тогда они будут не потреблять друг друга, а дополнять, и вместо потери энергии начнут накапливать её, становясь сильнее, то есть они

получатся равноправными в тех делах, которые могут вершить. Не будет между ними такого, чтобы один преобладал в чём-то и довлел над партнёром, а другой ему постоянно уступал — они равные!

Монахи даже не заметили в процессе монолога Шурги, что уже не переминались с ноги на ногу, а тихо сидели на каменном уступе в стене пещеры, внимательно слушая похожую на бред речь старухи. Но в этом бреде был какой-то непонятный им большой смысл, и поэтому они пытались уловить постоянно ускользающую от них женскую логику.

А Шурга произносила слова, сливающиеся в текущую речь, будто бесконечно бегущая по горным перекатам река:

— В монахи надо идти, не убегая от себя, как это зачастую происходит у вас, а наоборот — идя навстречу к себе. Не от безысходности, которая зачастую вас приводит на этот путь, а от осознания необходимости развивать свою духовную составляющую. Ведь человек пришёл в мир не для скорби, а для счастья, а счастье может быть только в любви, в том числе и в служении своей вере, в любви к ней, которая так же, как и любовь к женщине, может идти только от чистого сердца, а не от давления извне. Единственная задача — сохранить энергию тела, устремив воззрение внутрь себя, и развить в себе возможность осознанной реинкарнации, но я думаю, что достигший высших знаний должен не переродиться после физической смерти, а присоединиться своей светлой монадой души к Высшим силам. Вот тогда монах, — она подошла к Оракулу-Саду, — как этот человек, — движением подбородка указала на него, — потянет ввысь цепочку эволюции. Есть в космической солнечной системе планета, похожая на землю. На ней устойчивый мягкий комфортный климат для жизни живых существ. Очень скоро люди будут искать возможность преодоления пути в миллио-

ны световых лет для освоения этих просторов, но они сейчас даже подумать себе не могут, что эта планета населит себя сама теми монадами человеческих душ, которым уже не надо перерождаться на земле. Потому что то, что сумели развить эти души в своих качествах при жизни на земле, полностью закрывает эволюционную спираль на данном этапе и переводит их на следующую ступень, на новый уровень. Но через себя, через своё семя они должны дать возможность пройти этот путь другим звёздным душам, помочь прийти им на землю, чтобы они так же имели возможность завершить реинкарнацию на земле. А потом чтобы переродились на высших сферах развития – в более тонких и более совершенных телах, которым не требуется пища животного происхождения, и их существование полностью будет поддерживаться питанием праной.

Шурга снова подошла к Ананде и, глядя на него в упор, говорила, будто только для него:

– Послушай меня, мальчик, перед тобой стоит большая задача – пробудить спящее сознание людей, и это необходимо сделать в очень сжатые сроки, камень-артефакт нужен здесь и сейчас, и ты его добудешь, это в твоих силах. И на этом пути всегда помни, что для того, чтобы попасть в Шамбалу, не нужно идти в Тибет – нужно, чтобы Тибет вошёл в тебя. Для того чтобы войти в мистическую страну Калапу и добыть камень-артефакт, нужно своим сознанием достичь такого уровня, который позволит тебе быть везде одновременно и видеть невидимое. В этом пути рядом с тобой будет твоя любовь, и этим ты сильнее всех вместе взятых остальных, присутствующих здесь. А тебе вместе с Чакорой, – Шурга назвала девушку так, как называл Ананда, – вам удастся совершить то, что многим не по силам.

Никто из монахов в этот момент не смог бы сказать, сколько прошло времени, пока длилось повествование

Шурги, но, кажется, она выговорилась и наконец-то подошла к волнующей их теме:

— Людям надо дать снадобье, чтобы они могли уснуть, а потом, когда их мозг перезагрузится, пробуждать их спящее сознание. То, что им Гаруда добавлял в пищу, растёт повсюду, просто они не знают об этом и ждут, когда им это зелье дадут. Сущность, живущая в них и требующая для поддержания своего существования отравляющую человека дозу яда, сама по себе не погибнет. И никто её не убьёт, даже если снять её с человека. — Шурга подошла к монаху, который всё ещё лежал неподвижно на полу, и сдернула ногой с его хребта сущность, бросив её в сторону Ананды.

Ананда поймал рептилию рукой и рассмотрел её, ощущая, насколько мерзко её извивающееся кольцами тело — липкое, скользкое, холодное.

— Её победить может только сам человек, став сам полноправным хозяином своей жизни, — завершила свою речь Шурга. — Человек с проснувшимся сознанием.

Шурга так посмотрела Ананде в глаза, будто просила за всех:

— Разбуди их, тогда погибнет эта тварь.

Монахи обратно шли молча, и каждый думал о своём, потому что на каждого эта встреча произвела неизгладимое впечатление, и теперь каждый внутри себя перерабатывал информацию, полученную при встрече с Шургой, и говорить никому не хотелось, а хотелось всё произошедшее с ними за этот день осмыслить. Понять, что Шурга хотела до них донести, а это так трудно, ведь старуха, беседующая с ними, и вправду внешне походила на сумасшедшую женщину. Но сколько смысла, сколько глобальных слов было произнесено ею в этой бессмыслице!

Оракул-Саду остановился, оглянулся назад, будто пытаясь что-то увидеть вдалеке, сам с собой размыш-

ляя, покачал головой и пошёл дальше, продолжая думать.

Никто даже и не обратил внимания на его замешательство в дороге, потому что у каждого голова будто разрывалась от этих дум.

«Откуда, откуда эти познания у практически пещерного человека? — кружилось навязчивыми мыслями в седой голове Саду. — Где она черпает эту информацию, из каких источников? Кроме больных, которые к ней приходят и которых она лечит весьма странным способом, ощупывая и массируя ногами, она никого больше не видит, да и видит ли вообще? Вот в чем вопрос. Но, — продолжал свои раздумья Оракул-Саду, — она своими белёсыми, как серый туман, глазами, пронизанными кровавыми венозными прожилками, которые, возможно, ничего и не видели, так заглянула мне в лицо, что будто пронзила насквозь острыми иглами. Переворшила, перелопатила в сознании все потаённые, самые сокровенные мысли, в которые я даже сам опасался заглянуть, в чём-то признаться себе, в чём-то уличить себя и поднять их в своей памяти, а она, старая седая Шурга, будто вывернула их наизнанку, выволокла всё на поверхность и обнародовала».

И теперь потревоженный чужим внедрением мозг Оракула-Саду мучительно пытался анализировать, сопоставлять своё видение мира со взглядами этой сумасбродной и на первый взгляд придурковатой старухи. Её образ назойливо и прочно удерживался сознанием и будто продолжал разговаривать, спорить с ним, что-то доказывать, приводя в пример такие аргументы, которые отвергнуть у него не получалось. Да уж, недооценили они эту целительницу, когда направлялись к ней, ох недооценили. Но ведь были в её речи слова, которые точно подчеркнули значимость и предназначение человека на земле: «Этот человек, — и показала она на Оракула-Саду, — потянет ввысь цепочку эволю-

ции, потому что его задачей стало не заикливание на своём перерождении, а рождение звёздной души через себя».

Оракул-Саду, подняв свой взгляд от тропы, посмотрел вслед сыну. «Как точно она подметила», — ещё раз удивился он.

Что бы сейчас значила его идущая на закат жизнь старика, если бы он не дал возможности монаде звёздной души своего единственного сына Ананды воплотиться на земле? А теперь он, старец, испытывает такое большое духовное удовлетворение и наслаждение жизнью оттого, что теперь эта душа, пришедшая в мир через его проекцию, может так же творить мистерию нового мира и помогать страждущему народу развиваться и эволюционировать. И вот, размышляя над этим очень точным примером, приведённым Шургой, Оракул понимал: действительно, для чего достигшему наивысшего развития души человеку стремиться реинкарнировать, если он тут, на земле, уже все спирали развития прошёл? Зачем ему ходить по новому кругу, когда надо стремиться к такому бессмертию души, монада которой будет находиться в высшей сфере бытия и в цепочке рождений выстраивать дорогу к высшим сферам своим поколениям. И из длинного монолога, который Оракул терпеливо выслушал из уст Шурги и теперь тщательно проанализировал, он извлек, казалось бы, очевидную, но новую для себя формулу, в которую тут же уверовал: «Смысл жизни в перерождении, а именно — в продолжение её, вплоть до просветления!»

Ананда тоже шёл и думал над словами Шурги. С её слов получалось, да и действительно было так, что однажды попробовав снадобье, приготовленное колдуном Дугпа-Марой, человек давал прижиться и стремительно развиваться сущности, требующей допинга. Шурга сказала, что это растение растёт повсюду, и люди могли бы его и без градоначальника Гаруды

употреблять, но они просто не знают, чем поддерживал Гаруда их зависимость. И вся эта бессонница, и головные боли, несопоставимые с жизнью, были не что иное, как «ломка» от наркотической зависимости. Той зависимости, от которой человек может избавиться, только если сам себя разбудит, сам проявит желание бороться за свою жизнь и сам станет властелином, хозяином своей жизни, своей судьбы. Никто за него этого решения не примет, только он сам. Ананда понял и то, что если убрать эту сущность, сроднившуюся с человеком, но при этом не заполнить образовавшейся в нём пустоты, то на это место придёт новая, и она будет ещё злее, и зависимость человека от неё будет в разы больше. Нужно, чтобы проснувшийся сознанием человек, понимая, в какой беде он побывал, сам помогал себе, заполняя эту образовавшуюся в душе, как пропасть, пустоту новыми созидающими жизнь интересами.

Ананда осмотрелся. В долине виднелись большие красные шапки цветов. «Мак», — подумал он.

Шурга также сказала:

— Запомни мальчик, не нужно идти в Тибет, чтобы попасть в Шамбалу — нужно чтобы Тибет пришёл в тебя.

Ананда прислушался к себе. В своём смелом горячем сердце он услышал музыку молитвенных барабанов, мелодии мельниц, шум ветра, который носил по просторам считываемые с разноцветных флажков, развешанных повсюду, волшебной силы слова молитв. Он услышал в своём сердце Тибет. Услышал, как взывает о помощи народ, и он уверовал, что Тибет пришёл в него, он живёт в нём, он прорастает своими корнями в его плоть, в его душу, в его сознание, и он сам тоже является Тибетом — новым, возрождающимся Тибетом. И от этого осознания поёт теперь его душа, которая сделает всё возможное, чтобы воспеть и прославить эту Святую землю!

— Я люблю тебя, Тибет!!! — во весь голос закричал Ананда.

И всем от этого крика стало так радостно, что они тоже стали кричать во всю мощь это необыкновенное признание в любви к своей земле.

— Я люблю тебя, Тибет!!! — эхом понеслось по горам.

Старая, дряхлая, как побитая молью фетровая шляпа, Шурга от эха, донёсшегося до её пещеры, искренне и растроганно заплакала и тоже повторила, прокричав, ту же фразу:

— Я люблю тебя, Тибет!!!

Эхо простых слов признания в любви к своему краю неслось по просторам, и его подхватывал каждый, кто слышал, и от этого эхо разрасталось вширь, и каждый живущий человек на этой Святой земле, до которого донеслись эхом эти слова, подхватил их и прокричал:

— Я люблю тебя, Тибет!

Казалось, что вся земля вторила этому признанию:

— Я люблю тебя, Тибет!

Ананда, прокричавший на всю вселенную это признание в любви к Тибету, услышал эхом в ответ: «Я люблю тебя...»

— Он ответил мне! — обрадовался сам в себе Ананда. — Тибет ответил мне! — и от этого улыбка заиграла на его лице, и так хорошо и тепло стало внутри от этой гармонии, от этого единства с Тибетом.

И до такой глубины тронуло его за душу ответное признание, задело самые потаённые струны, что он понял вдруг то предназначение, с которым пришёл в этот мир, пришёл на эту Святую землю, пришёл в Тибет. Он пришёл, чтобы возродить Тибет. Чтобы научить народ, живущий в Тибете, любить землю, беречь свою землю, облагораживать свою родную, самую прекрасную на всей планете — землю Тибета! Потому что Тибет пришёл в него и пророс в нём своими идеями, своей религией, своими жизненными устоями, и он

будто сроднился с ним, стал одним неразрывным целым. И побежал Тибет по его венам, понёс свежую кровь возрождения. И он, Ананда, смело теперь мог сказать:

— Я — Тибет! Тибет во мне, Тибет в тебе, Тибет в каждом, кто хоть однажды ступил своей ногой на его почву.

И Ананда решил, что он обязательно пойдёт в эту, пока ещё совсем ему неизвестную, мистическую страну — Калапу, какие бы препятствия ни встретились ему на этом пути, потому что народ, который сейчас мучительно страдает, очень сильно нуждается в этом, нуждается в спасении. Он был сильно вдохновлён предстоящим путешествием за камнем-артефактом ещё и потому, что вместе с ним в этот нелёгкий путь отправится его девушка, его невеста Чакора — птица с глазами, полными лучей. Она — самая красивая девушка во всей вселенной, солнечными лучами своих глаз озарит этот путь, прекрасной улыбкой вдохновит его, и длинная дорога покажется лёгкой, быстрой, такой же весёлой, как её звенящий и разливающийся колокольчиками по всей округе жизнерадостный смех.

«Смех», — вспомнил он опять Шургу, которая сказала, что солнечная женщина всегда полна счастья, с ней легко идти по жизни, а Чакора и есть солнечная — яркая, огненная, пламенная, даже имя её отражает это тепло и свет: Титибха — Светлячок. И так радостно стало Ананде от этого осознания и тепло на сердце, как будто Чакора-Титибха сейчас была рядом с ним. Она смотрела на него восторженным взглядом, и он тоже с ней неразлучно был повсюду рядом. Ведь они оба удерживают друг друга в своём сознании, в своих думах, в своих мечтах, и поэтому всегда будут вместе.

Ананда шёл и думал над каждым словом, сказанным бабушкой Шургой, и в памяти опять всплыла сказанная ею фраза: «Сущность, живущая в них и требующая

для поддержания своего существования отравляющую человека дозу яда, сама по себе не погибнет, и никто её не убьёт, даже если снять её с человека. Её может победить только сам человек, человек с проснувшимся просветлённым сознанием». Всякие аргументы он приводил сам себе, пытаясь найти разгадку этому высказыванию, и где-то в сознании витал ответ на эту таинственную фразу, но у него как-то не получалось схватить его. И вдруг он увидел на своём пути в долине алые цветы, и его осенило! Человека невозможно излечить от этого недуга, потому что рядом с ним всегда присутствуют соблазны, их слишком много, всяких соблазнов, и только сам человек своим проснувшимся сознанием может сбросить с себя эти порабощающие его оковы, противостоять своей слабости, подняться над проблемой, и сам сможет отказаться от неё. Только он сам — не кто-то за него — может противостоять этим соблазнам, которые разрушают духовность и как следствие этого — здоровье и жизнь человека. И он, Ананда, уверенный в себе идёт разбудить спящее, погрязшее в безнравственности и бездуховности общество.

ГЛАВА 6

Путешествие в Калапу

Прибыв в город, немного отдохнув и подкрепившись, монахи Мандыр-Сиддхи в подробностях рассказали градоначальнику Вирасана-Симхе о встрече с Шургой и о том, какое неизгладимое впечатление она произвела на них. Они поведали Вирасана-Симхе, что Шурга порекомендовала им принудительно усыпить людей, применив это как средство, способное исцелить людей, сходящих с ума из-за сбоя программы сна и пребывающих в критическом состоянии между жизнью и смертью. Тем самым дать им возможность отдохнуть, а также восстановить физические силы, и только потом станет возможным растормошить, пробудить их спящее сознание при помощи воздействия на их психику камня-артефакта, который хранится в мистическом волшебном царстве Калапа. Также Вирасана-Симха из рассказов монахов узнал о том, что Шурга назвала имена тех, кому по силам добыть этот камень и пробудить народ. Градоначальник вопросительно посмотрел на Оракула-Саду, и тот ответил ему:

— Ананда и Чакора.

И было ими решено, что больным, страдающим от недуга людям дадут крепкое снотворное, а Ананда и Чакора должны собраться в путь и уже утром

следующего дня уйти из поселения в сопровождении Оракула-Саду, который настоял на том, чтобы быть их проводником. Остальные монахи останутся в городе до их возвращения и будут проповедовать народу духовные знания, рассказывая о цели жизни человека на земле и о том, к чему каждому из них стоит стремиться на всём протяжении жизни. Было решено, что в день отправления Ананды, Чакоры и Оракула-Саду в мистическое царство Калапа на крытой городской площади монахи начнут возводить мандалу, символизирующую эту необыкновенную страну. И будет эта мандала носить название, полностью соответствующее ей по смыслу – «Сияющий свет истины». Во время строительства будут денно и ночью читаться молебны и мантры, способные открыть Ананде и Чакоре этот путь, чтобы они смогли принести из мистической страны Калапы для народа камень спасения – артефакт. И готовая мандала будет ожидать возвращения в город Ананды и Чакоры, и в ту минуту, когда они вернуться, мандала будет разрушена, и её цветные кристаллы, как символы непреклонного служения Будде, будут оберегами розданы людям. Сама же мандала будет выполнена на большом, размерами почти в десяток широких шагов вдоль и поперек, специально изготовленном и поставленном на небольшую возвышенность деревянном поддоне. Разноцветными песчинками на ярком сочно-зелёном холсте, покрывающем поддон, в сплетении сложных символов и узоров будет изображено мистическое государство Калапа и схематично будут обрисованы чистые светлые миры этой местности, насаждённые диковинными растениями и цветами, и всё вокруг покроет изобилие экзотических фруктов. Обязательно на этой мандале будет прорисован в сияющей солнечной сфере дворец, на троне которого восседает Будда в слиянии мужского и женского начал. Так будет потому, что в страну

Калапу можно войти только парой, а значит, в этом заложен Богами какой-то сокровенный, сакральный смысл. Также на этой площади по инициативе градоначальника Вирасана-Симха решено было начать строительство Буддийского монастыря с таким же светлым и чистым названием, что и первая мандала, созданная на этом уже святом месте. У каждого человека, пробуждающего своё спящее сознание и почувствовавшего в своём сердце духовный голод, появится возможность приходить в этот храм и черпать там пищу для своей бессмертной души. В этом храме они заполнят духовные пустоты, развивая и совершенствуя своё начало, тем самым двигая вперёд процессы эволюции человека.

Ранним утром, когда чуть забрезжил бледный свет едва окрашенных медовым цветом лучей ещё не такого яркого солнца, в этот предрассветный час, когда весь народ поселения ещё спал, Оракул-Саду, Ананда и Чакора, благословлённые монахами монастыря Мандыр-Сиддхи, простившись с Вирасана-Симхой и взяв конную повозку, гружённую едой и водой, отправились в путь. Провожавшие их монахи ещё долго смотрели им вслед и шептали про себя слова молитв, притягивающих удачу, терпение и быстрое выполнение задач. Они же шли быстро, не оглядываясь, не мешкая и не останавливаясь, почти не разговаривая, понимая, что времени для отдыха практически нет и как можно скорее им надо попасть в Калапу и добыть камень-артефакт.

Несмотря на то что была последняя декада лета, в горах было очень прохладно. Но Вирасана-Симха позаботился о необходимом, и из города они вышли в тёплой одежде и холода не ощущали. И идти им сейчас, вдыхая всеми лёгкими свежесть идущих на закат летних дней, было намного легче, чем тогда, когда они держали путь в поселения в сезон зноя, мух, ос и кома-

рья, не находя себе спасения от жажды и жары, следуя под невыносимо палящим, вошедшим в зенит солнцем.

Весь день они не останавливались для привала, только когда совсем стемнело, выбрав удобный закуток меж скал, расположились там, чтобы провести первую ночь в пути. Чакоре такая нагрузка с непривычки показалась очень тяжёлой, но она ни слова не обронила, не жаловалась на усталость, а наоборот — собрав силы, накрывала на разложенном на земле кусочке ткани скромный ужин. Ананда разводил костёр из веток и деревянных обломков, которые не ленился собирать и закидывать в телегу по пути, за день сушняка набралось прилично, и костёр должен был гореть всю ночь. Ананда обратился к Оракулу-Саду, который тоже хлопотал, подготавливая лежанки для ночлега:

— Отец, расскажи нам об этой стране всё, что только знаешь или слышал о ней, чтобы мы с Чакорой понимали, какая она — Калапа.

Они уселись вокруг импровизированного стола, ели и слушали рассказ Оракула-Саду:

— Когда-то давно была страшная война тёмных и светлых сил, много людей погибло в той борьбе, и до сегодняшнего дня, как мы можем наблюдать, это противостояние продолжается, и так же гибнут люди, утратившие на своём пути жизни нравственность и духовность. По-прежнему встречаются на нашей земле не порядочные правители, которые силой своей власти порабащают людей. Они создают военные отряды, захватывают людей в плен. И пленные, став в их поселениях рабами, обкормленные лишаящими сознания снадобьями, безропотно выполняют волю своего господина, который создает себе военные резервации-поселения. Люди в поселениях выживают с трудом — впроголодь, измождённые непосильным трудом.

Однажды небо открылось мне, и я увидел и предсказал людям, что очень скоро на их невинные головы

прольются благодетельные спасительные знаки и родится ребёнок под этим знаком, отмеченный крестом, предназначение которого — стать освободителем всего народа. Этот ребёнок должен прийти в страну Калапа и привести оттуда спасение. Из века в век каждому новому главе рода из уст в уста передавалось описание, каким образом можно туда прийти, и сейчас эту тайну, священной хранящуюся многие годы, я открою вам. Вы должны её знать, потому что ты, Ананда, и есть тот ребёнок, рождённый под знаком креста, и через тебя должно прийти спасение к людям. Люди уверовали, и многие годы ждут исполнения этого предсказания. Они верят в тебя, как в свою единственную надежду на светлую и счастливую жизнь, которую ты им сможешь открыть. И ты, Чакора, — Оракул-Саду посмотрел на девушку, — ты вместе с Анандой пройдёшь этот путь, потому что вы — избранные высшими силами для осуществления этой миссии.

Чакора подняла на старца свои большие глаза, в которых сияли огоньки костра, и кивнула ему в ответ в знак согласия разделить с Анандой этот их совместный путь, определяющий судьбу целых народов. Она решила пройти его, потому что чистым и искренним сердцем полюбила этого отважного, благородного юношу — сына старца Оракула-Саду.

— В тот памятный день, когда планеты сошлись крестом, — продолжал говорить Оракул, — родились четыре мальчика. Всем жителям поселения объявили, что все четверо детей погибли в пожаре, который случился в ночь после их рождения. А на самом деле мальчиков тайно увезли в монастырь Мандыр-Сиддхи, чтобы у них был шанс выжить, так как за ними, даже когда они были в утробах своих матерей, уже охотились те, кто жаждал удержаться на троне зла. Главы родов поклялись, что о том, куда увезли детей, не узнает никто, только прямые преемники рода. Чет-

верых мальчиков отправили в горы, а на следующий день в поселение пришли военные, убили старейшину и глав четырех родов. А мальчиков, спрятанных в горных стенах монастыря, как ни пытались разыскать воины, так и не смогли найти. Но давайте вернёмся к тайне мистической страны Калапы, которая гласит, что в неё должны войти двое.

Оракул-Саду, посмотрел на сына и Чакору.

— Эти двое — вы. Ты, Ананда, теперь узнав, какой ценой была спасена твоя жизнь, должен набраться сил, чтобы дойти в эту мистическую страну, чтобы спасти жизни ещё живых и страждущих в бедах, неволе, болезнях и изгнании людей. И на этом пути вам нужно быть внимательней к снам, вы должны слушать и слышать свои сердца, обходить стороной искушения и опасности, быть милосердными и добрыми, не убивать живые существа и не поедать их. Ничто — даже страх смерти — не должно отвратить вас от выбранного пути, каким бы трудным и невыносимым он ни казался, ведь страна, в которую вы идёте, недоступна обычным людям.

Также Оракул-Саду объяснил Ананде и Чакоре, что существует градация видов зрения: телесное или «мясное зрение», «зрение богов», «зрение мудрости», «зрение стоящих на пути Просветления», «зрение Просветлённого».

— От рождения человеку дано лишь «телесное зрение», — говорил он. — Но человек может достичь и более высокого уровня и научиться выходить за пределы «телесного зрения», человек может видеть сокровенные страны, в том числе и Калапу, — такими, какими они предстают в описаниях великих мудрецов прошлого. «Зрению Просветлённого» мир открыт полностью. Причина же недоступности Калапы кроется не в ней самой, а в сознании обычных людей, не позволяющем видеть святых существ и их страну. Путника,

отправившегося в Калапу, будут пытаться умертвить в пути свирепые существа, пьющие кровь, и свирепые существа с чешуйчатой кожей. Трудности и смертельные опасности подстерегают смельчака на этом пути, но он может превозмочь их — для преодоления их нужны практики и ритуалы, с помощью которых ищущий путь подчинит сверхъестественных существ, и этим практикам, Ананда, ты обучался в монастыре.

— В старинных текстах, сынок, — продолжал свой рассказ Оракул-Саду, — говорится о трёх способах, которыми можно попасть в Калапу: реальный (в физическом теле), ментальный (в состояниях особого сна) и посредством рождения в этой стране. Два первых способа требуют исключительных достижений и в наше время упадка и деградации практически невозможны. Третий способ в нашем случае не рассматривается. Так что ваш путь определяется выбором одной из двух дорог. Попав в Калапу, вы узнаете Истину и тогда станете свободными. Душа будет очищена, облагорожена, изменена, освобождена с помощью этой истины. Человек там вырывается из силков пространства и времени, разрушает стены, возведённые законами и обстоятельствами — реальностью, и завоёвывает настоящую свободу, высочайшую благодать и бессмертие.

Погода в горах ближе к осени всегда переменчива, обманчива и непредсказуема, и каждый день она разная. В горах всегда любой шорох, любое падение камня, любой голос или птичий крик слышны за много километров, вдобавок ко всему эти звуки подхватывает эхо и, дополняя их своим голосом, носит по просторам. Так ночью все трое — Ананда, Чакора и Оракул-Саду — услышали, как с сильным грохотом, перекатывая камни, будто совсем близко, рядом с ними сошла лавина. Но это могло быть и обманом слуха, который таким образом за реальность мог принять далёкие отголоски, раскатистым страшным гулом принесённые

эхом. От сильнейшей грозы, громовыми раскатами разрывающей небо, содрогалось всё вокруг с такой силой, что было очень страшно. Стоял такой сильный грохот, казалось, что все горы вокруг могут вмиг обрушиться и завалить камнями пещеру, ставшую их ночным пристанищем. Надо сказать, что таких тайных убежищ в горах достаточно, и любой странник, отправившийся в путешествие, всегда имеет возможность схорониться в них для отдыха. Так и они на каждую остановку, на каждый ночлег находили для себя укромный закуток, а поутру снова продолжали свой тяжёлый путь в горах.

С каждым днём им всё сложнее становилось идти. Лошадь, которая везла гружённую едой повозку, уже не могла тянуть её по уступам скал, и они, распределив еду на равномерные для каждого поклажи и, сколько можно, нагрузив на хребет коня, освободили его от упряжки и просто вели его рядом с собой под уздцы. А телегу, которая уже сослужила свою службу, разобрали и использовали доски для розжига костра, и с собой взяли заготовленную щепу.

Иногда ливень стоял стеной, и создавалось ощущение, что ему не будет конца, поэтому лошадь они прятали в пещере, рядом с собой. Сильные вспышки молний время от времени ярким светом освещали каменную пещеру, в которой они остановились на эту ночь, и в эти мгновения там становилось светло, будто днём. И один из таких внезапных световых всплесков молнии проник в пещеру своим огненным копьём, и, разорвавшись в ней, высветил внутри пещеры свирепое существо, о котором им на днях рассказывал Оракул-Саду и о котором говорилось в древних священных писаниях. То существо, которое приходит к тем, кто направляется в Калапу, и преграждает путь, умертвляя путников. Конь, почуяв чужака, сильно захрапел, широко раздувая ноздри, нервно забил копытом,

заржал и встал на дыбы. Дремлющие чутким сном Оракул-Саду и Ананда быстро подскочили, а Чакора по знаку Ананды забила в угол и притихла. Существо, похожее на огромную, прочно стоящую на крупных, хорошо развитых конечностях ящерицу, моргнув сморщенными тяжёлыми веками, сверкнуло огненной вспышкой глазниц, и по его чешуйчатой шершавой коже рептилии также пробежала искрящаяся огненная волна. Ящерица раскрыла огромную зубастую пасть. Порыв пламени из её рта мощными извивающимися огненными языками вырвался наружу. Запах гари наполнил пространство и повис в воздухе. Испуганный конь громко ржал и вставал на дыбы. Оракул-Саду и Ананда, быстро перемещаясь по тёмной пещере так, будто их глаза видели в темноте, встали по обе стороны существа и направили к нему свои руки, и из центральной части ладоней у них вырвались и прошли сквозь это чудовище перекрёстные светящиеся энергетические лучи.

Чакора, забившись в угол, с ужасом в глазах наблюдала за происходящим и не понимала, что происходит — из всех троих только она не видела существо, напавшее на них, а только ощущала его присутствие. И от ощущения опасности, исходящей от него, холод бежал по её телу, и стыло всё в груди, будто сердце вот-вот в страхе остановится. Не понимая причин своего состояния, она не смела даже пикнуть. В её больших глазах отражались только Оракул-Саду и Ананда, воюющие с кем-то незримым для простого человеческого глаза, и от нахлынувшей безысходности, от непонимания происходящего её глаза наполнились влагой, и дрожали на ресницах, готовые сорваться градом, крупные капли слёз.

Перекрёстные лучи света пробили чудовище насквозь, и оно дико взревело, и новая огненная вспышка, вместе с этим рёвом вырвавшаяся из его пасти,

широкими языками пламени почти достала до лица Оракула-Саду, слегка опалив его седые волосы. Разъярённая ящерица взмахнула хвостом и, рассекая воздух, хлёстко ударила им по каменным плитам так, что земля содрогнулась, а существо всё продолжало хлестать по каменному полу. Всё вокруг от этих ударов и от грозы, начавшейся в горах, грохотало с такой силой, что уши закладывало. Чакора, переполненная страхом, закричала. Чудовище, ранее не замечавшее её, своими светящимися, пышущими жаром глазницами сфокусировало взгляд на затемнённом углублении пещеры и посмотрело прямо в её глаза. Вид испуганной девушки ещё больше взволновал в нём природу хищника. Ящерица взревела, встала на дыбы, оскалив свою зубастую, слюнявую, широко распахнутую пасть. В этот миг Чакора тоже увидела ящерицу, её светящиеся огнём глазницы и коричневато-зелёные чешуйки шелестящей от движения сморщившейся кожи. Чудовище развернулось всем своим телом и огромными шагами крупных ластообразных лап приблизилось к ней. Выпустив длинные, загнутые, как у орла, когти, оно протянуло к Чакаре свою лапу, раскрыв между нею и туловищем перепонку, похожую на крыло. Ящерица растопырила изогнутые, с перепончатыми перемычками пальцы, поднеся их к горлу Чакары, чтобы вцепиться в него. В этот момент Ананда изловчился и воткнул в её хвост острый нож. Дикий вопль заполнил пещеру, и ящерица, извергающая пламя, с силой подпрыгнула и отторгла от себя раненый хвост, из прореза в котором сильно хлестала зеленоватая тянущаяся жижа, источающая едкий смердящий запах. Ящерица вся затрепетала, постепенно рассеиваясь в воздухе, и исчезла, будто её здесь никогда и не бывало. И только наличие лежавшего на камнях хвоста подтверждало реальность происшедшего с ними этой ночью.

Уснуть они уже не могли и, оберегая своё временное пристанище, до рассвета читали молитвы и мантры, призывая все высшие божественные силы себе в помощь. Чакора тоже, не зная молитвенных слов, всем своим сердцем взывала к Высшим силам и просила сохранить их жизни на выпавшем на их долю пути.

Туманный диск луны был огромный, как большой светящийся шар. На его светло-молочном фоне хорошо виднелись зубатые макушки гор и движущиеся в ночи тёмные силуэты Оракула-Саду, Ананды и коня, везущего на своей спине дремлющую девушку Чакору. Даже во сне она крепко удерживалась в седле, прильнув головой к шелковистой гриве и обхватив руками шею коня.

Теперь путники, движущиеся в Калапу, решили продолжать свой и без того нелёгкий маршрут ночами, чтобы чудища, начавшие препятствовать им, не могли застать их врасплох сонными. А днём они отдыхали, восстанавливая силы. Идти ночью по плохо видимым во мраке тропам, освещённым только лунным светом, было намного сложнее, чем днём, вдобавок ко всему начались первые осенние заморозки. Дорога от резкого похолодания покрывалась изморозью, становилась скользкой и от этого очень опасной. Еда, которую они брали с собой из поселения, по их подсчётам уже скоро должна была закончиться, и им предстояло добывать её самим. А учитывая, что мясную пищу они не принимали, то эта задача усложнялась, поэтому, если на пути попадалось что-то способное напитать их организм, они прихватывали это с собой. Это были и корешки различных трав, и подмороженные ягоды, собранная с деревьев живица, шишки, но больше всего в этой дороге они питывали своё тело водой с небольшим количеством мёда, взятого ещё из поселения Мадхуп. Чувство голода было очень сильным, и от этого длинный путь в мистическую страну Калапу стал ка-

заться нереальным и почти непреодолимым, им даже чудилось иногда, что они туда никогда не дойдут. Тем более они шли, не зная направления, а ведая лишь то, что эта дорога откроется им сама, так как они имеют благородные намерения, чистые помыслы и отважные сердца. Все трое чувствовали себя измотанными физически и уже теряли надежду найти тайные врата в Калапу.

Эта ночь из всех пройденных ранее была самой долгой. Минуты тянулись медленно, и Ананда, машинально перебирая ногами, считал время про себя по шагам, чтобы не уснуть на ходу. Так, осторожно перебирая ногами и отсчитывая шаги, он в какую-то секунду совершенно неожиданно впал в кратковременную медитацию, и в неосознанном, но очень реальном видении к нему явилась старая безрукая ведунья — Шурга. Ананда стоял перед ней в её пещере, и Шурга, как и тогда, заглянула мутными, как разведённый в ложке с водой анис, глазами беспросветных туманов в его мальчишеские очи и снова сказала: «Послушай меня, мальчик, перед тобой стоит большая задача — пробудить спящее сознание людей, и это необходимо сделать в очень сжатые сроки, камень-артефакт нужен здесь и сейчас, и ты его добудешь, это в твоих силах. И на этом пути всегда помни: для того чтобы попасть в Шамбалу, не нужно идти в Тибет, нужно, чтобы Тибет вошёл в тебя. Для того чтобы войти в мистическую страну Калапу и добыть камень-артефакт, нужно своим сознанием достичь такого уровня, который позволит тебе быть везде одновременно и видеть невидимое. На этом пути рядом с тобой будет твоя любовь, и этим ты сильнее всех вместе взятых. А тебе, вместе с Чакорой, удастся свершить то, что многим не по силам». Ананда, опомнившись от мимолётного видения, остановился. В его голове очень быстро замелькали мысли.

От этой резкой остановки конь, которого Ананда держал под уздцы, тоже встал, и Чакура проснулась. Старец Оракул-Саду встревоженно спросил:

— Что случилось, Ананда?

— Отец, ты должен вернуться обратно в город, — очень серьёзно, по-мужски твёрдо сказал Ананда.

— Но, сын, как я могу вас оставить на половине пути, как вы пойдёте дальше одни, не зная дороги?

Ананда был строг и твёрд в своём решении, в нём были видны уверенность, воля и решимость:

— Мы, отец, не на половине пути, а у его истока. И этот исток может длиться вечно, потому что эта дорога в Калапу нам никогда не откроется, и мы так и будем вечность идти, не зная направления, которое всегда будет скрыто от нас, пока есть третий. Это моё решение отец, и это наш путь с Чакорой, мы его сами выбрали и должны найти сами.

Оракул-Саду стоял и молчал, обдумывая сказанное сыном. Чакура тоже не смела произнести ни слова, она полностью доверяла своему избраннику и готова была следовать за ним сквозь любые испытания. И на этом пути ей не нужны были ни советники, ни провожатые. Она, как и Ананда — и вместе с ним, — хотела пройти самостоятельный путь развития их любви, и поэтому полностью была согласна с ним и полностью разделяла его взгляды на ситуацию.

Молчание прервал Ананда:

— Давай, отец, без долгих прощаний, прямо сейчас ты разворачиваешь коня, и, пока горы ещё не завалило снегом, у тебя есть возможность быстро вернуться в город верхом на коне, и там вместе со всеми ты дождёшься нашего возвращения.

— Но, — возразил Оракул-Саду, — конь вам нужен в пути.

— Нет, отец, конь нам будет только мешать, тем более снега не за горами, и нам на коне уже будет сложно передвигаться.

Ананда помог Чакоре слезть с коня, и они вместе подошли к Оракулу:

— Благослови нас, отец, — попросил он.

Оракул-Саду со слезами на глазах обнял сына, а потом Чакору.

— Берегите и любите друг друга, — попросил он их и, чтобы они не видели катящихся по его щекам крупных слёз, быстро повернулся и, потянув за собой коня, стал удаляться.

— Береги себя, отец, — крикнул Ананда ему вслед.

Оставшись наедине с Чакорой, он приобнял её и крепко прижал её хрупкие узенькие плечи к своей груди.

— Ничего не бойся, — сказал он ей, — верь мне.

Она внимательно посмотрела в его глаза:

— Я верю тебе, Ананда, — тихо прошептали её губы.

— Моя Чакора, прекрасная сказочная птица с глазами полными сияющих лучей, — сказал он, потом обхватил её лицо своими тёплыми ладонями и, прежде чем поцеловать, долго смотрел в блестящие в темноте угольки чёрных глаз.

Это тихое нежное прикосновение и долгое касание губ наполняли их невероятной внутренней силой, негой, телесным томлением... И весь мир от этого закружился, поплыл, качаясь, словно челнок на тихих волнах спящего озера, и всё остальное, кроме них двоих, было совсем пустым и неважным. Очень хорошо, что они остались одни, одни на всей большой земле, одни во всём мире, одни во всей вселенной... Два путника в замерзающих горах.

Замерзал горный Тибет и, словно пытаясь обогреться, надел на свои многочисленные головы — просветлённых лам — снежные шапки намын малгай, оку-

тал их озябшие плечи в белоснежные тулупы, и задышали они, начитывая Священные тексты, густым морозным, клубящимся над их головами паром. Замерзал горный Тибет, но Тибет, однажды пришедший в сердце Ананды и поселившийся там навсегда — будто вновь народившийся месяц, рос, набирался сил, пылал огнём на просторе, светился ярче и ярче и сильно пульсировал, согревая, гонял по венам свежую, обновляющуюся молодую кровь. И жил, жил... Жил Тибет этим горячим, вечным, верным поцелуем Ананды и Чакоры. Этот первый поцелуй, такой чистый, невинный, ласковый — был таким нежным, чувственным, горячим, что пронизывал их насквозь и ощущался в каждой клеточке тела. Поцелуй, который они понесут на своих губах через многие лета, сквозь всю свою оставшуюся жизнь. Яркими вспышками цветных мандал, самыми высокими звуковыми обертонами мантр, самыми страстными ночными стонами оживал в этот миг Тибет. Тибет продолжался, он перерождался на этом холодном фоне дымчатого, туманного пятна луны, круглый лик которой вдруг отчего-то стал наливаться румянцем и катиться, катиться, прячась за гору. Луна скрывалась за снежными шапками лам, за меховыми воротниками их шуб, за их спинами — чтобы не мешать, не видеть, не нарушать этого таинства перерождения и продолжения Тибета. Вспышками энергий рос Тибет, окружив эту пару невесомым ореолом, который мерцал, наполняясь свечением радужных красок, сиял свечением соприкоснувшихся в любви чакр — анахат, запылал пунцовым имбирным цветом кундалини, добавил гамму тонов муладхары и, вбирая в себя все цвета радуги, запереливался в нереальном мерцании так, что, расширяясь в своём энергетическом объёме, рождал новую энергию. И новая энергия ослепила своим свечением землю, и стал виден над пиками гор большой, наполненный светом,

переливающийся шар. Он был виден со всех уголков земли, и те, кто узрел это чудо природы, принимали это свечение за доброе знамение, благословение Высших сил, способное оказать положительное влияние на Священную Землю Тибета. Вся земля проснулась в новом сияющем свете. Радость жизни словно витала в воздухе и, попадая в лёгкие, так наполняла грудь желанием жить, что каждый мог ощутить свет этой жизни — новой, возрождающейся жизни Тибета.

Оракул-Саду сидел, опершись о камень, мусолил какой-то корешок терпкой ароматной травы. Он плакал навзрыд, всхлипывая и содрогаясь от этого плача всем телом. Плакал от счастья, от осознания того, что через его плоть, через его семя пришёл в мир этот ребёнок, который потянет за собой цепочку эволюции человека вверх, и как хорошо, что он, Оракул-Саду, в своё время стал проводником этой высокой энергии звёздной души Ананды. И он, Оракул-Саду, теперь может смело покидать этот мир, эту брэнную землю, потому что на ней он уже прошёл и завершил свою спираль развития и теперь может возвыситься над земной жизнью, монадой своей светлой души присоединившись к Высшим сферам бытия. Оракул-Саду вспомнил Шургу и планету, о существовании которой она поведала им. Планету, населённую монадами человеческих душ, которым уже не надо перерождаться на земле, потому что они сумели развить в своей душе при жизни такие качества, которые полностью закрывают эволюционную спираль человека на земле и переводят его развитие на следующую ступень, на новый уровень, новый обертон. И долг Оракула-Саду перед своим народом, перед своей землёй, перед Тибетом теперь был выполнен. Он полностью выполнил своё предназначение. Он оставил после себя жизнь и может спокойно завершить путь на земле, переродившись в высших сферах в более тонком и более со-

вершенном теле, обретя бессмертие души, монада которой теперь будет находиться в высшей сфере бытия и по цепочке рождений через свою плоть выстраивать дорогу туда — следующим поколениям. Он думал в последние минуты своей жизни о своём единственном сыне — Ананде, и его губы, застывая навсегда, шептали одну и ту же фразу: «Смысл жизни — в перерождении вплоть до просветления!»

Конь, тихо стуча копытами по каменистому уступу горы, со свисающей с упряжи уздой одиноко шёл знакомой тропой, ведущей в город. Из крупных умных глаз животного текли ручейками по морде чистые лошадиные слёзы. Они, будто алмазы самой высокой чистоты, поднимались на поверхность, били родником из самого сердца коня, из самых глубин чувств животного. Из его сердца, которое тоже понимало в своём сознании законы жизни, законы эволюции, потому что в сердце коня тоже жил Тибет, жил цокотом копыт, душистым разноцветьем луговых трав, жил Тибет в пронзительном ржании кобылицы и хрупких подкашивающихся ножках маленького жеребёнка...

Тибет жил во всём, и даже в этой крылатой стае воронов, тёмным облаком парившей на просторе высокого неба в свете нового дня. И в них, в воронах, этих птицах смерти, которые слышат смерть, вещают её, ждут, сопровождают — в них тоже есть Тибет. Вот они кружат над горой, снижаясь всё ниже и ниже... Они завидели издали добычу — еле различимый на фоне гор серый контур человеческого тела, накренившего припорошенную снегом белую голову и навсегда застывшего камнем на склоне.

А тем временем в городе, где монахи Мандыр-Сиддхи уже завершили создание мандалы, жители его наблюдали этой ночью издали явившееся им в горах знамение. То, что это знамение добрых начал, никто даже не усомнился — необыкновенной красоты сгу-

сток светящейся и мерцающей энергии, столь великолепный в своём сиянии, был своими радужными красками похож на созданную мандалу, и монахи даже решили, что таким образом Боги благословляют эту картину из песка. По этому случаю, восхваляя Высшие силы, был организован праздник с подношениями мандале, что носила название, схожее с явившимся им знамением — «Сияющий свет истины». И городская площадь ожила мелодиями завертевшихся колёс — маны, наполнилась цветными флажками, радостными песнями, крутящимися молитвенными мельницами, танцами ряженных в яркие красочные костюмы людей, чьих лиц совсем было не видно под огромными устрашающими самодельными масками. И люди обходили мандалу, восхищаясь ею и ещё больше уверовав в её чудодейственную волшебную силу, благодарили Будду за это светлое начало в новом дне. Душа Оракула-Саду тоже присутствовала на этом городском празднике и витала прозрачной дымкой над площадью, прощаясь с веселящимся народом, которому Оракул всю свою жизнь добросовестно прослужил. Прощалась душа старца с монахами, разделившими его путь, и даже, слившись с хором, вместе с ними Саду пропел мантры. Так же, залюбовавшись сочными красками лета, благословил он необыкновенной красоты мандалу и монастырь «Сияющий свет истины», который уже начали возводить. Потом он поклонился низко, до земли, градоначальнику Вирасана-Симхе и выразил ему особое признание, положив невесомую руку на его чело. Оракул незримо и беззвучно благословил Героического Льва на благородные поступки, пожелал ему долгих лет справедливого правления, процветания его народу, возрождения веры и духовных начал, силы и воли на этом сложном и нелёгком пути.

И, конечно же, Оракул-Саду прощался с Тибетом, прощался навсегда — так как прощаются с любимыми,

зная, что больше никогда на этой земле уже не встретиться. Его душа плакала в этом неминуемом расставании с Тибетом и одновременно радовалась за него. Она радовалась за родную землю, на которой провела свой долгий, наполненный смыслом век, радовалась осознанию того, что этой Святой земли наконец-то коснулось возрождение веры, возрождение храмов, возрождение нравственности. Потому что в мир всё чаще стали приходить светлые звёздные монады душ, которые, воплотившись в человеческом образе, поведут за собой народ. Поведут и напитают людей, которые уже давно испытывают сильнейший духовный голод и внутреннюю пустоту, святой пищей, научат молитвам и мантрам и расскажут им о самом светлом человеке на этой земле — пробудившемся Будде, и сами также очнутся ото сна. Воздушная, еле заметная дымка души Оракула-Саду рассыпалась, рассеялась в свете нового дня и, мерцая мелкими светящимися искорками, полетела во вселенную, оставляя за собой прекрасную радугу.

Вход в запретное царство

В древних писаниях, оставленных нашему поколению Великими мудрецами, говорится о трёх способах, которыми человек может попасть в Калапу: в реальности физического тела, в состояниях особого медитативного сна, а также посредством рождения в этой стране. Но Ананда и Чакора увидели совершенно иной, ранее никем не познанный, не изведанный и не описанный на страницах фолиантов путь в мистическое запретное царство Калапу.

Этот путь начал им открываться в самый сокровенный момент соединения их чакр и проявляться в реальности как вспыхнувший яркими цветами энергетический портал. Выглядело это так, словно высоко в небе засияла самыми необыкновенными перелива-

ми вращающаяся мандала, такая разноцветная и сияющая, какую только можно вообразить. И в центре этой мандалы, как на алтаре у ног Будды, была их чистая, светлая, желанная, самая пылкая и страстная, первая и единственная, непорочная любовь.

Попав сознанием и телами в этот портал, Ананда и Чакора, словно в каком-то очень реальном сказочном сне, крепко держа друг друга в объятиях, куда-то летели через него. Сквозь ночи, дни, через различные чудесные миры, через пространства звёзд, меридианы света, через неведомые ранее планеты, галактики и, будто в чудных снах, купались в тёплых солнечных лучах. Потом, приземлившись, в каких-то необычных красивых одеждах, разукрашенных драгоценностями и расшитых золотыми нитями, шли они по извилистой дороге волшебного леса, которая мерцала миллиардами капелек росы. Они любовались диковинными растениями, дышали цветами, распускающими свои ароматные бутоны, которые благоухали на всю округу, восхищались порхающими над ними яркими бабочками и, умиляясь, слушали упоительные, долгие переливистые трели райских птиц. Портал из вращающихся энергий продолжал втягивать их потоком своей силы. И они, подхваченные этой волной, поплыли по освежающим водам Священной реки в украшенной разноцветными душистыми лотосами и устеленной маленькими парчовыми подушечками позолоченной ладье. Ладья слегка покачивалась на перекатах речных вод и медленно плыла, окружённая розовыми лилиями. С пологих берегов реки, словно приветствуя их, качая тонкими гибкими ветками, склонились в изящном реверансе плачущие ракиты, и также сгибались к их ладье длинные стебли волокнистой веерной травы, будто хотели обмахнуть их своими длинными пушистыми опахалами.

Потом, ведомые энергией портала, они с замирающим сердцами в груди долго падали с невероятно большой высоты вниз и снова, взмахивая внезапно выросшими за спиной огромными светлыми крыльями, взлетали ввысь, в самое поднебесье, парили на широких просторах вселенной, над цветущими лугами, долинами, горами, над необъятными просторами родного Тибета... И засыпали, и снова просыпались в плавно скользящих по небу воздушных, будто взбитых, ватных облаках. А после их уставших ещё очень долго качали большие качели. Качели, подвешенные на бесконечно длинные, густо украшенные крупными, источающими нежнейший аромат цветами, переплетенные между собой стебли диких лиан. И спадали, нависая над этим качающимся ложем, прикрывая их наготу, шёлковые балдахины, нарядные навесы из атласа и изящного, тонкого узорчатого полотна набивного бархата. И отовсюду, со всех сторон, лилась волшебная, одурманивающая музыка моринхура, извлекающего из себя звуковые вибрации, схожие с шелестом трав и дуновением ветра. И будто где-то совсем рядом невидимый музыкант стал играть будто на скрипке, скользя смычком по плачущим струнам. И издалека донеслась, надрывисто запела на самых высоких тональностях, на самых стонущих, срывающихся на крик обертонах под руками юного музыканта флейта. Эти чарующие мелодии сопровождали их повсюду проникновенными звуковыми оттенками, ещё больше наполняя их невероятными чувствами блаженства и близости так, будто извлечены были из их сердец. И вспыхивали, вспыхивали на всём протяжении пути яркие всплески их энергии от соприкоснувшихся в этой любви чакр, и тянулись от этих энергетических всполохов длинные световые шлейфы.

Всё в этом слившемся с ними мире было пропитано радостью жизни, продолжением жизни, перерож-

дением жизни... Словно витающий в воздухе гормон счастья, который, попадая вместе с дыханием внутрь тела, наполнял их необыкновенным, трепетно разливающимся по венам счастьем. И в этом нереальном счастье они перестали чувствовать свои тела отдельными друг от друга, стали ощущать себя одним целым — целостным, единым существом. Словно их души, объединившись, слились в одну-единственную монаду души, и на тонком плане эта субстанция стала гермафродитом. И в этом образе единая монада их душ, облачённая в кипенно-белые одежды, в венках из благоухающих лотосов танцевала, наполняясь изнутри магическими силами, и в танце приближалась к царству Калапы.

Это царство было видно издалека, потому что дворец, стоявший посередине его, светился так ярко, что мог ослепить глаза смотревшего на него впервые. Дворец сиял невероятным светом, пронизанный насквозь спектральными лучами камня, на котором был возведён его фундамент. По величине этот камень был огромным, можно было сказать, что это бриллиант, ведь по своим качествам он ему не уступал, а, наоборот, в миллионы раз превосходил его дисперсию. Его огранка была осуществлена по принципу числа Фибоначчи, и от этого в своём сиянии он был несравним ни с чем, и свечение, распространяемое им, казалось бесконечным. И Ананда с Чакорой были в числе тех праведников, кто пришёл взять свет этого камня для поднятия своих энергетических обертонов и стать проводниками Высших энергий, которые потекут через их сердца. И они понесут этот заветный свет камня-артефакта как ретрансляторы светлых потоков энергий людям, и их жизнь, попадая в этот излучаемый их сердцами свет, начнёт менять жизнь людей, развивая их во всех сферах

Единая монада душ Ананды и Чакоры приблизилась к царственным вратам, которые распахнулись перед ними, потому что в этом царстве они были похожи на Божественных существ, живущих там и точно также имеющих в своём теле мужское и женское начало. Тела этих существ были тоже не такие плотные, как обычная физическая форма человека, а так же, как и монада душ Ананды и Чахоры, создана из невесомой воздушной субстанции синеватого оттенка. И этим живущим в Калапе Божественным существам не нужна была обычная пища — они питались только праной.

Белая колесница подъехала к ним и остановилась. Монада души Ананды и Чакоры вошла в неё, и повозка помчалась к этому необыкновенному дворцу. У подножия дворца присутствовали монады душ людей, сумевших проложить сюда путь, чтобы преклониться и прикоснуться к этому Священному камню артефакта. «Этот камень — совсем не то, что о нём говорят, — так когда-то сказала о нём старая ведунья Шурга, — это не лакмусовая бумажка, обличающая несправедника и возносящая праведника, нет! Камень-артефакт поможет людям развиваться. Через него человек своим сознанием начнёт видеть себя как бы со стороны. Увидит, будто сторонним взглядом, как ведёт себя, что делает, и своим сознанием начнёт сам себя контролировать, потому что ему будто покажут со стороны самого себя. И, увидев себя со стороны глазами общества, человек захочет видеть себя просветлённым, захочет видеть в себе проявление божественности и эту божественность понесёт людям».

И Ананда проделал этот путь, даже не ведая дороги, которая сама его привела к камню-артефакту, потому что он — самоотверженный человек с чистыми, искренними помыслами, желающий добра и процветания для своего народа. И он будет нести в своём сердце священный огонь, который коснулся его души,

и зажигать от огня своего сердца другие — страждущие в поисках духовной силы сердца людей. И они, пропитавшись этим светом, сами захотят проснуться, пробудить в себе высокие энергии и своими делами и поступками продвигать процесс эволюции на земле. И будут они в цепной реакции помогать другим людям становиться светлее и совершенней, потому что человек пришёл в мир не для скорби, а для счастья, а счастье может быть только в любви, в том числе в любви и в служении своей вере, в любви к своей Родине, к своему Священному Тибету. И, осознав всё это, человек непременно преклонит свои колени пред просветленным Буддой и вознесёт в его честь самые светлые, самые чистые слова молитв и благодарности. И рядом с Анандой всегда будет следовать его единственная спутница Чакора и служить для других примером — как символ верности, любви и чистоты отношений между мужчиной и женщиной.

ГЛАВА 7

Калапа

Все легенды и записи в старинных фолиантах, оставленные Великими мудрецами, гласят о том, что в этом райском месте, мистической стране Калапа, живут самые простые, обычные люди, занимающиеся возделыванием земли и ведением хозяйства.

Слушая эти рассказы из уст своего отца, Оракула Саду, Ананда и не сомневался в этом никогда, но теперь, когда сам оказался здесь, то увидел всё своими глазами. Он понял, что, хотя эти люди и вели обычный образ жизни, облагораживая свои земли, они всё же были не такими обычными, как земляне: их тела состояли из более тонких, эфирных субстанций и не были грубой оболочкой, как физическое тело обычного человека. И именно из-за этой тонкой своей оболочки они стали незримыми для глаза человека. И только тот, кто развил в себе дар видения тонких миров посредством обучения, или от большого стресса, или от счастья, или какого-либо другого жизненного обстоятельства — у того открылось прозрение, которое сумело повлиять на гипофиз головного мозга. Гипофиз их так трансмутировал, что стал способен развить возможность видеть тонкий мир. Кроме того, в эту страну возможно войти только парой, а, следо-

вательно, до того, как эти люди стали совершенными — вобравшими в свою оболочку мужское и женское начало, — до входа в Калапу они были разрозненными однополыми существами. И только большая любовь смогла их до такой степени слепить в единое целое, в одну общую субстанцию, что они трансмутировали, став совершенными.

Попав в Калапу, Ананда приобрёл знания Истины, и всё, что он знал ранее или слышал об этой стране, показалось ему неточным — а может быть, даже специально было замаскировано мудрецами. Здесь, в Калапе, у него включился свой анализ, своя прорисовка и видение обстоятельств существования мистического запретного царства Калапы через свою призму... Он понял, что человек, попавший в Калапу и приобретший на этой земле дар, уже не может считаться простым человеком. Тем более, пройдя за эту невидимую обычному глазу завесу, человек многому научился и так трансмутировал своим телом, что вырвался из временного пространства, обретя настоящую свободу, благодать, бесстрашие. Кроме того, каждодневное созерцание мерцающего камня-артефакта наполняло сердце и душу человека такой светлой силой, которая своим сиянием могла влиять на жизнь и сознание других людей. Другими словами, те, кто живёт или побывал в Калапе и приобрел эти сверхспособности, стали понимать законы вселенной и законы жизни человека на земле. Кроме того, они свято чтит самую главную заповедь — любить друг друга, потому что имели это единое, целостное, гармоничное начало в себе. Ананда понял, что эта страна — место людей, которые, впитав в своё сердце этот необыкновенный свет чудодейственного камня и напитавшись от него мудростью, понесут это сияние своего сердца людям. Они всегда будут верны однажды данным обетам и будут применять эти знания только на пользу челове-

чества, направляя их на жизненном пути, тем самым двигая эволюционные процессы.

Так рассуждал Ананда, увидевший этот огромный мерцающий камень снаружи замка Калапы. Но, когда при его приближении сама открылась дверь в него и он вошёл внутрь, то всё его сознание затрепетало, наполнилось внезапным внутренним волнением, внезапным счастьем, потому что то, что открылось его глазам, выходило за все грани возможного, выходило за все грани реальности, за все грани понимания.

Внутренний вид дворца впечатлил Ананду гораздо больше, чем вид снаружи, выходя за рамки бытия. Ананда оказался в центральном зале монастыря. В центре зала, под самым куполом, на высокой мраморной резной подставке был установлен огромный, небывалых размеров алмаз — камень-артефакт. Смотрел Ананда на массивное, размером с каменную глыбу, сокровище, из-под которого бил водопад чистейших минеральных вод, и такая сильная шла дисперсия отражаемых от воды и покрытых слюдой монастырских стен, что всё вокруг мерцало и переливалось всеми цветами радуги. И шли от кристалла в стороны световые разрастающиеся круги мандал, выстраиваемых по принципу чисел Фибоначчи, и было так там от этого светло, ярче самого солнечного дня.

Да, да, Ананда оказался в центре того самого монастыря — Мандыр-Сиддхи, — где его столько лет обучали самым высшим практикам Просветлённые старцы — монахи и Великий, молчаливый в своей аскезе, всё понимающий и всё знающий, всё видящий Лама-Сахель. Они, монахи, взрастили в нём, в Ананде, эту любовь к людям, любовь к Тибету, почитание и поклонение Будде. Они, эти просветлённые, тихие не приметные монахи, воспитали в нём Великого человека, который теперь обрёл такую внутреннюю силу души, такую физическую мощь и такой ум, что отныне мо-

жет прекрасно изложить свои мысли, весомые доводы и силой мудрого пронизательного слова управлять сознанием, управлять судьбами человечества. Силой этого мудрого слова, силой своего прозорливого сознания он теперь может унимать страх, растущий в народе, — страх, овладевший их духом, проявившийся немощью в их телах. Страх, который всегда рождается, если люди начинают жить в безнравственности, лжи, злости, ненависти друг к другу, вседозволенности и неверии, которые полностью вытеснили, истребили их религию, уничтожили их веру. И люди огрубели, озлобились, очерствели, ожесточились, потому что их души стали опустошёнными, а без тепла и духовности в сердце люди утрачивают свою человечность и становятся холодными и безжалостными, как самые ужасные хищники, уничтожающие сами себя. И изречённым праведным словом Ананда теперь может помочь окрепнуть их духу. Он посеет в их сердца зёрна светлого начала, поможет сплотиться народу и объединить его в Великой Непокколебимой вере буддизма. Он вернёт в их тела просветившееся, очнувшееся от длительного сна сознание, чтобы люди проснулись, чтобы их сердца встрепенулись, и они опомнились, и начала бы в них расти мощь народная. Ведь они же живые люди, и сами по себе являются творением высших сил — за их бессмертные души всегда будут бороться те, кто стоит одесную Богов и является между ними и человеком связующим звеном. И объединившийся, прозревший народ преодолет все мытарства, сплотится в единой Великой Вере и возродится.

Да, Ананда стоял посередине монастыря Мандыр-Сиддхи — монастыря, хранящего вековую завесу тайн своего существования. Монастыря, являющегося центром мистической страны Шамбалы и — сокрытой в ней от простого человеческого взора огромными глыбами скал страны Калапы. Центром и такой же

мистической, как эта таинственная страна, горы Кайлас. Созданный мудрецами, созданный просветлёнными умами монастырь духовного восхождения. Он напоминал собой благоухающий, цветущий рай, рай посвящённых Мандыр-Сиддхи. И только сильный зеркальный блеск вершины горы Кайлас, ярко сияющей от попадания на её гладкую поверхность солнечных лучей, намекал человеку, что там, где-то в глубине недр Кайласа, сияет, переливаясь всеми цветами радуги, магический камень-артефакт.

Ананда плакал. Плакал от осознания того, что его отец, Великий Старец Оракул-Саду, знал путь в Калапу, и он вёл туда своего единственного сына, желая облегчить его путь, но этот путь закрывался перед ними, потому что каждый должен самостоятельно проложить его для себя. И Ананда понял, что именно к этому камню-артефакту всегда обращались монахи, черпая из него магическую энергию силы знания, и эту силу они хранили в своих чистых, светлых благородных сердцах. Ананда в слезах пал ниц перед этим камнем-артефактом. И, прикасаясь к нему руками, читал он мантры.

Находясь внутри, в самом сердце Калапы, Ананда посмотрел на внешний мир совсем иначе, каким-то другим, вновь открывшимся ему зрением. Потому что ему стали открываться великие тайные знания. Ананда до сих пор не мог привыкнуть к тому, что местоположение монастыря Мандыр-Сиддхи, мистической страны Шамбалы и тайное царство Калапы находятся в одном и том же месте — в сердцевине горы Кайлас. Между собой они никак не пересекаются, не мешают друг другу, пребывая хотя и в одном месте, но в разных измерениях, и поэтому даже не замечают существования друг друга. Но теперь сам Ананда видел все эти наслоения отдельно существующих миров и был в них во всех одновременно. И Ананда увидел, как к нему

подошёл настоятель монастыря Лама-Сахель, взял его за руку и повёл его в путешествие по верхним и нижним мирам. Следуя за молчаливым наставником, он вроде как неосознанно приобрёл такое зрение, которым мог видеть сразу все плоскости их существования. И для этого ему совсем не требовалось ни погружение в долгую медитацию, ни монотонное начитывание мантр, ни ритуалы, способствующие проявлению ясновидения. Он просто всё видел одновременно и всё знал, будто всю жизнь владел этим даром — получать нужную информацию через астральную проекцию Хроник Акаши. Он увидел в монастыре Мандыр-Сиддхи находящихся в тёмном ретрите монахов, множество лет путешествующих, и Ананда узрел и стал читать их души. И увидел такое, что сразу даже никак не укладывалось в его уме.

На какое-то время он вдруг вспомнил о Чакоре, но, приложив руку к груди, успокоился — она по-прежнему была там, была в его сердце, была с ним одним целым, целостным организмом. И тогда Ананда предположил: «Ага, а Лама-Сахель — он тоже, наверное, такой?» Лама-Сахель словно услышал его мысли и тут же обернулся на него. Он очень строго и молча посмотрел, пригвоздив Ананду к месту своим взглядом. Ананда тут же ретировался, переключив внимание на путь, по которому они следовали. И на этом пути увидел сгустившуюся воздушную субстанцию своего отца — Великого Старца Оракула-Саду. И такая щемящая боль наполнила его душу, что он сразу же понял, что его отец покинул мир живых людей и пребывает монадой своей души в другом, очень высоком измерении. Слеза грусти скатилась по его щеке, но отец был спокоен, и Ананда услышал обращение отца. Отец радовался за него, что он преодолел, смог, не сломился в трудном пути и достиг цели, достиг открывающейся только избранным страны Калапы, и теперь великий учитель,

великий Гуру, Лама-Сахель открывает ему мир тайных возможностей, которыми в совершенстве владеет сам. Благословляя на этот путь сына, Оракул-Саду колышущейся дымкой руки протянул Ананде ключ — тот самый, в виде амулета, который всегда был на его шее и являлся ключом от скрытых, потаённых врат монастыря Мандыр-Сиддхи, — и Ананда понял, что его отец также обладал знаниями, что открывались только посвящённым.

— Сколько тебе лет было, отец? — впервые заинтересовался и мысленно спросил он Оракула-Саду, и также телепатически получил ответ.

— Я забыл уж давно, сколько мне земных лет, ведь дело не в годах, а в миссии, с которой человек пришёл на эту землю. Я же по своей судьбе являлся своеобразным центром, передатчиком высшего порядка информации для людей, ретранслируемой через меня из центра Вселенной, в том числе мне посчастливилось стать проводником звёздной монады твоей души.

Кольшущаяся субстанция Оракула вплотную приблизилась к Ананде, и он надел на его шею свой амулет.

Сопровождаемый в этом пути Ламой-Сахелем Ананда осторожно ступил своей ногой на землю Калапы так, будто взошёл на райский зеленеющий остров — земной оазис. Они шли молча, и Ананда мог только наблюдать всё со стороны и проводить для себя некую оценку происходящего. Собственно, он это и делал, примеряя мысленно всё увиденное на себя, а вернее сказать — на себя и на свою избранницу, спутницу по жизни Чакору, а также на людей, живущих на земле Тибета. Их путь был проложен через горные зелёные вершины, цветущие луга, плодоносящие сады и светлые чистые водоёмы. Ананда увидел, что на этой нетронутой цивилизацией земле живут очень простые, безамбициозные люди, находящиеся на уровне первозданного человека в техническом развитии и в разы

превосходящие современного человека масштабностью своих знаний. Со стороны они даже могли показаться весьма странными своей духовной чистотой и наивностью. Открытые всем сердцем и душой миру, доверяющие друг другу, не умеющие притворяться и лгать и, возможно, от этого — улыбочивые, безобидные и незлобивые. В их глазах, будто в бездонных кристально чистых озёрах, высветивших на своём дне сияющие драгоценные камни, были видны искренность, добродушие, отзывчивость, радость, которая светилась в них будто солнечные лучи, плескающиеся в этих озёрах. Видно было, что они уже давно знают Ламу-Сахеля и в тихом, не нарушающем его пути приветствии складывают свои ладони и склоняют перед ним голову. Ананда, следуя за Ламой-Сахелем, так же как и идущий впереди него молчаливый пребывающий в себе монах, отвечал им приветствием — недолгой остановкой с лёгким поклоном и сложением вместе кистей рук. Эти люди, простые миряне страны Калапы, наполненные внутренней гармонией, душевной теплотой, умиротворением, чистыми помыслами, любовью ко всему окружающему пространству и счастьем, охотно могли делиться всеми качествами своей бескорыстной души с людьми из своего круга общения.

И Ананда подумал: «Действительно, жить, доверяя друг другу, в мире и согласии с семьёй, соседями, окружающей природой, оберегать и сохранять эти отношения, сохранять чистоту вокруг себя, не опасаясь при этом быть преданным, униженным, обворованным... — это здорово!» Но как, как этого добиться, когда в мире, из которого он пришёл в Калапу, царят хаос и жажда власти? И от этого люди уже начали терять свою человечность, и в погоне за властью, за превосходством над другими идёт такая жестокая борьба, что они начинают поработать и уничтожать друг друга, изводить

себе подобных существ, убивать животных для своего пропитания и беспощадно губить природу. Как?

Но ведь за этими ответами он и пришёл сюда — он пришёл, чтобы научиться тому знанию, которое сокрыто на этой чистой земле. И здесь он, Ананда, должен быть особо внимательным, чтобы узреть, впитать в себя и принести людям в свой, теряющий нравственный облик, мир эти познания. Познания, которые сумеют проникнуть в сознание людей и полностью изменят в лучшую сторону их отношение к самим себе, к окружающему их пространству, к своим сородичам, к прирученным и зависящим от человека животным, к растениям, которые так безрассудно и безжалостно губит человек. И, конечно же, к своей — такой чистой и такой униженной человеком — земле.

Быт жителей Калапы был очень незамысловатым и простым, и эти люди, как ни странно, не стремились улучшить материальную сторону своего бытия, а больше всего заботились о духовной составляющей своей души. И они были свободными от всякого рода привязок к чему-либо и к кому-либо, полностью доверяя свою жизнь и своё существование высшим силам. Эта их духовность и чистота помыслов в итоге создавали мощный невидимый барьер для бездуховных, безнравственных людей. Барьер высокой нравственности и духовности, как самый прочный, непроницаемый забор, делал мирян царства Калапа невидимыми для зрения посторонних, неуязвимыми и недостижимыми.

Этот путь, снимающий все барьеры и завесы входа в Калапу, мог открыться только избранным, таким же чистым в своих помыслах и поступках людям, как они сами. Но те люди, которым был закрыт доступ в эту страну, всё равно всеми усилиями пытались разыскать туда путь, потому что из рассказов, переходящих из уст в уста, знали, что есть где-то чудесная страна, на землях которой скрыты от сторонних глаз

и веками хранятся тайные и сокровенные знания. Знания, которые люди, живущие в этой стране, получают, достигая определённого уровня развития сознания, и которыми они могут делиться между собой. И этот таинственный вход в царство Калапу открылся для Ананды только потому, что он имел такое же чистое, открытое, искреннее, справедливое сердце, как и у его обитателей, и очень хотел сделать мир, в котором он живёт, таким же гармоничным и процветающим, с теми знаниями и духовностью, какими живёт Калапа.

И теперь Ананда, следуя шаг в шаг за просветлённым Ламой-Сахелем, придёт в каждый родовой клан этих людей и посмотрит, какой из многочисленных сверхспособностей каждый клан обладает. Ананде будет дозволено при помощи предводителя, старейшины этого клана, опробовать каждую данную клану сверхспособность и выбрать для себя знание, которое поможет ему реализовать свою миссию. Ту миссию, которую он возложил на свои плечи, — миссию по возрождению нравственности, духовности и гармонизации жизни своих земляков. И, может быть, даже на этом пути познания нужная сверхспособность неким образом проявит себя и сама выберет его, и он с большим почтением и благодарностью примет, впитает в себя этот открывшийся ему дар.

Миряне этой страны были очень трудолюбивыми людьми и занимались различными ремёслами, такими как гончарное искусство, ткачество, пошив одежды, обуви. И помимо всего с благодарностью относились к земле, на которой живут, возделывали почву и выращивали для своего пропитания урожай. А предводитель каждого клана обладал особым знанием, открывающим путь к сверхъестественным способностям человека. «А где он мог брать эти знания?» — подумал Ананда.

И молчаливый Лама-Сахель телепатически ответил ему:

— Он их получил при рождении, так как приходил в этот мир с чистой, ничем не омрачённой кармой. Он приходил только для того, чтобы развивать и совершенствовать свои тело и душу, питая тело здоровой, экологически чистой пищей и насыщая душу, совершенствуя её знаниями, приумножая и накапливая их. И сейчас мы с тобой заходим в клан гончаров, и ты увидишь, насколько просты в быту эти люди, как гармоничны они в общении между собой, и посмотришь на ту уникальную силу сверхспособностей, которыми они обладают.

Расположение клана гончаров было видно издалека и узнаваемо по их родовому ремеслу. Оно выделялось на общем фоне тем, что абсолютно всё, что находилось там, было сделано преимущественно из глины. Глиняные домики были обнесены очень низким глиняным декоративным заборчиком, выложенным из узеньких длинных кирпичиков. Забор был создан не для защиты помещений, а просто как декоративный элемент, потому что им не стоило бояться различных налётов и грабежей, ведь они находились под защитой своей веры, охраняющей их лучше любой преграды и крепче самого большого замка. Красивые, ухоженные цветы прорастали в фигурных клумбах. Сушились повсюду слепленные из глины всевозможные крынки различных форм, кувшины, горшочки для продуктов... и смешные игрушки для забавы детворы, причём многие из них, видно, были сделаны руками самих детей. И это на самом деле было так, потому что в стране Калапа были очень трудолюбивые люди, и это трудолюбие им прививалось с самого детства. Навстречу Лама-Сахелю и Ананде вышел уже довольно старый седой мужчина в длинном рабочем переднике и в приветствии склонился перед ними, сложив давно не от-

мывающиеся и потрескавшиеся от постоянного контакта с глиной руки.

А дальше то, что начало происходить, сначала повергло Ананду в некое очень сильное удивление, и он будто в оцепенении изумлённо смотрел на всё происходящее и не сразу даже стал приходить в себя. А именно он увидел, что этот человек сделал некое плавное движение рукой, произведя воздействие на все окружающие их предметы — они стали сами собой перемещаться в пространстве. Полетели по воздуху миски, закружились сами собой гончарные круги, а мужчина, встретивший их, обвязал себя вокруг талии прилетевшей к нему из дома длинной верёвкой, протянул её конец Ананде и полетел в небо, будто воздушный шар. Ананда тоже взлетел следом за ним, удерживаясь на верёвке, и почувствовал всем телом такую небывалую лёгкость, такую невесомость, что опомнился только высоко в воздухе. До него дошло, что ему дают возможность ощутить на себе телепортацию, и, если ему подойдет эта сверхспособность, он сумеет её оставить для себя. Но Ананда помнил о том, что может вынести с собой из Калапы только одну способность, которой сумеет владеть в совершенстве. Ананда подумал: «Да, перемещать в пространстве предметы и самому иметь возможность мгновенно оказываться в любом месте — это здорово, это очень захватывающе и интересно, но чем этот особенный дар может помочь людям моей земли? Как эта способность может повлиять на изменение их сознания, на улучшение их жизни? Да никак! Нет, этот дар мне точно не подходит, не за этим я сюда пришёл». И лишь стоило ему мысленно отречься от этой сверхспособности, как верёвка из его рук выпала и он камнем полетел вниз, с плеском упав прямо в озеро, над которым пролетал. Его проводник спустился за ним следом и терпеливо дожидался, пока Ананда выплывет к берегу. Обратно идти туда, где

остался Лама-Сахель, им пришлось уже пешком, так как у Ананды перемещаться по воздуху даже в сопровождении наставника больше не получалось. Он, конечно же, очень сильно старался и даже пытался шагать в пространство и подпрыгивать, надеясь задержаться в воздушном потоке, но падал, падал и падал... Шанс обрести дар телепортации Ананда упустил и не имел больше ни физических, ни интеллектуальных возможностей работать с перемещением в пространстве. Лама-Сахель, увидев мокрого Ананду, улыбнулся, понимая и представляя, что с ним произошло.

А их путь продолжался дальше — Ананда должен был найти то, что поможет людям воспрянуть духом и, возрождая, укреплять свою веру. Они шли по зеленоющей траве горного перевала, и Ананда подумал: неужели здесь всегда стоит лето и царствует замечательный, такой комфортный для жизни человека климат? Но Лама-Сахель молчал, как всегда, и этот вопрос Ананды остался без ответа, ему было о чём поразмышлять. Дорога тянулась долго, и такое стояло тёплое солнце, что Ананде очень хотелось лечь в шелковистую траву и насладиться этими замечательными мгновениями лета, этими чудесными тёплыми днями. Ананда вспомнил о Чакоре. Положив свою руку на область сердца, послушал... Да, она была там, она всегда была рядом с ним, потому что жила в нём, жила в его сердце.

Лама-Сахель, крепкий старик, шёл, не прерываясь в пути на передышки, и Ананда послушно следовал за ним, хотя привала ему хотелось, но из уважения к Ламе-Сахелю он не смел даже намекнуть на это. Поэтому путь их продолжался, и они, как и прежде, шли молча, погружённые каждый в свои думы.

— А к каким людям мы теперь идём, далеко нам ещё? — всё-таки не удержался от любопытства и спросил Ананда и тут же получил телепатический ответ.

— А кто сказал, что мы идём к людям? Под ноги посмотри внимательней, может быть, мы уже давно пришли.

Ананда нагнулся ближе к земле, раздвинул руками заросли травы. Всё, что он увидел там, были крупные муравьи, которые трудолюбиво таскали на своих спинках к себе в муравейник всякие палочки.

— Я вижу только муравьёв, — подтвердил Ананда.

И, чтобы показать Ламе-Сахелю увиденное, протянул руку к муравью, желая, чтобы тот заполз ему в ладонь. Муравей залез на палец Ананды и, недолго думая, укусил его.

— Ай! — вскрикнул тот. — Ты чего?

Всё в этот момент закружилось вокруг, образовался спиралевидный, сильно крутящийся и гудящий портал, сквозь который Ананда стал падать вниз до тех пор, пока не ударился о землю. Он встал, отряхнулся и, не понимая, что происходит, хотел обратиться к Ламе-Сахелю, но, обернувшись вокруг, не видел его.

— Лама-Сахель! — закричал он во всё горло. — Где я?

В это мгновение тяжёлое бревно упало на его спину, прижав тело к земле, и глаза Ананды оказались напротив гигантского человеческого ногтя на пальце ноги. Ананда в ужасе поднял вверх изумлённые глаза и увидел великана в одежде монаха. Великан нагнулся к нему и, посмотрев на крохотное существо, улыбнулся доброй улыбкой Ламы-Сахеля.

— Чтобы понять, что чувствует малое существо, надо им побывать, — телепатически услышал Ананда.

— Да, Лама-Сахель! — кричал Ананда, как муравей, поднимаясь по ноге Ламы вверх и еле удерживаясь на ней. — Я всё понял, Лама-Сахель, мне демонстрируется возможность владения своим телом до такого уровня, который делает реальным его изменение в любую сторону, будь то уменьшение или увеличение его. Только зачем мне знания, которые я не смогу испол-

зовать для блага людей, а, применяя их, буду только удовлетворять и возвращать своё тщеславие, развивать в себе гордыню?

— Зачем же ты тогда ползёшь наверх? — мысленно спросил Лама-Сахель. — Путь обратно — такой же, как и туда.

Ананда пополз вниз. Спустившись снова на землю, он думал напрямик кинуться к муравью, укусившему его, но нигде его не видел, вместо этого другие муравьи, почувствовав исходящую от него в их сторону опасность, сгруппировались и угрожающе поползли к Ананде. Муравьи были с ним одного роста и смотрели на Ананду, прямо глаза в глаза, и он испытал даже некоторый ужас, представив, что эти огромные шевелящиеся челюсти сейчас вонзятся в его плоть. К этим муравьям подползали ещё и ещё их собратья, и они вместе накинудись на Ананду и вонзились своими челюстями в него.

— Помогите! — испуганно закричал он, но на его крики о помощи никто не пришёл.

От укусов напавших на него муравьёв Ананда стал быстро расти, перед его взором мгновенно промелькнули деревья, дома, горы, он увидел сверху моря, поля, реки... и, когда упёрся головой в небо, громко закричал:

— Лама-Сахель, да что же это происходит такое?! — и от его неузнаваемо грубого голоса сильный гром прогрохотал по небу.

Ананда посмотрел вниз. Люди были очень маленькие и, испугавшись разразившегося грома, спрятались в укрытия от наползающей грозовой тени.

— Лама-Сахель, где вы?! Помогите, откликнетесь мне! — снова крикнул Ананда, и поток воздуха, исходящий из его губ, погнал по небу сталкивающиеся между собой тучи.

— Лама-Сахель! — уже еле слышно прошептал он, но даже этот шёпот грохотал с такой силой, что все горы вокруг дрожали.

Тогда Ананда опустился на колени и осторожными движениями пальцев долго рылся по поверхности земли. Наконец-то он отыскал Ламу-Сахеля, осторожно протянул ему ладонь, чтобы тот мог взойти на неё, и тихонько поднял на уровень своих глаз.

— Уважаемый Лама-Сахель, спасите меня, пожалуйста, я не хочу быть выше всех, я не хочу возноситься над людьми, я не хочу, чтобы они испытывали передо мной ужас и страх. Напротив, мне хочется начать жить, взаимодействуя с людьми, наставлять их своими знаниями, силой мудрого слова менять их мировоззрение. Чтобы эти донесённые до них знания в результате приводили их к здравомыслию, а следовательно, к реальным изменениям на планете в лучшую сторону, чтобы шло развитие человека, совершенствование его, и произрастала из этого человечества новая, продвинутая цивилизация, живущая безо лжи, ненависти, злобы. И чтобы эта новая, умом выросшая цивилизация людей могла на тонком и на физическом плане изжить всё зло, процветающее на планете, всё зло, существующее на моей земле. Чтобы благодаря этому стал процветать, набирать ещё большую силу и мощь мой народ. И чтобы мой родной Тибет, который навсегда поселился и живёт в моём сердце, тоже от этого становился процветающим и величественным государством. Лама-Сахель, мне не подходит этот дар, научите, как мне вернуться в прежнюю форму. Это точно мне не подходит для реализации задуманного блага, которое я хочу принести в свой мир, своим людям.

Только он произнёс эту осознанную, взвешенную речь, тело его стало стремительно уменьшаться, и он упал на землю, приобретя прежние формы. Лама-Сахель продолжал стоять на его ладони, что причиняло

боль, но Ананда почти не чувствовал этой боли и был счастлив, вновь ощущая свои прежние, родные свои руки, свои ноги, своё тело... Это такое замечательное и ни с чем несравнимое чувство.

— Я понял, Лама-Сахель, вы и есть один из Великих учителей жителей Калапы, — вставая с земли, говорил Ананда. — Если честно, я вам скажу, что быть маленьким мне было не так страшно, как большим. Когда я по волшебству оказался ростом с муравья, то испытал страх от своей мизерности, и мне было страшно, что кто-нибудь за то время, пока я пребываю в такой трансмутации, наступит на меня. Но когда я был большим, я испытывал не страх, а самый что ни на есть настоящий ужас. Ужас от своего величия, и боялся даже самого себя, но ещё меня ужасало то, что меня боятся люди — они же страшились даже моего голоса и бежали без оглядки врассыпную. Как я рад, уважаемый Лама-Сахель, что теперь я приобрёл свою прежнюю форму, вы даже не представляете.

Лама-Сахель порадовался этим словам, пряча улыбку в своей седой бороде, и пошёл дальше. Ананда, послушный безмолвному указанию, последовал за ним, продолжая почти всё время их пути делиться своими вновь приобретёнными ощущениями, которые и вправду произвели на него сильнейший эмоциональный эффект, но внезапно наступивший совершенно новой мыслью, которая вместе с ритмичным стуком пришла с голосом Чакоры из самого сердца, он остановился: «Что здесь делает Лама-Сахель? Почему он сопровождает его? И почему он, Ананда, наделённый от природы сверхспособностями, вдруг рядом с ним стал беспомощным и не ориентируется в этом пространстве, утратив всю свою природную силу? Почему все сверхспособности, которые ему здесь демонстрируются и которыми он и без этого наделён, даются ему так, будто кто-то незримый смеётся над ним?»

Лама-Сахель обернулся на него, почувствовав вопрошающий взгляд, и глаза его сверкнули как-то поновому — чёрным смолянистым огнём, и кожа его стала менять оттенки, покрываясь змеиными чешуйками, и длинный раздвоенный язык выскочил из его рта.

«А, да это не Лама-Сахель, это иллюзия, — произошло в голове Ананды, — это змей, принявший его облик, змей, который охраняет знания, за которыми идёт Ананда. И всё, что было до этой минуты — проищи его, чтобы усыпить бдительность, и если бы я хоть на миг возгорелся тщеславием, гордыней, жаждой власти над людьми и принял одну из способностей, которые показывал этот ящер, я никогда бы не достиг заветных знаний, хранящихся в Калапе».

Змей рос на глазах из тела Ламы-Сахеля, и из его пасти в сторону Ананды уже начинали вырываться огненные языки пламени.

— Не стой на моём пути, — смело прокричал Ананда.

Но змей не слышал и, шипя, надвигался на него.

— Я не буду с тобой драться, — заявил ему Ананда, — потому что я не боюсь тебя, потому что я пришёл в эту страну с чистым сердцем, а любое зло может разбиться о чистое сердце само по себе.

Так сказал Ананда и смело пошёл на чудовищных размеров змея, пышущего огнём и извивающегося всем телом. Пламя пыхнуло в лицо Ананде, нагоняя страх. Но не вызвало страха. Наоборот, в отважном и бесстрашном сердце росло чувство уверенности в своих силах, в полученных в монастыре Мандыр-Сиддхи знаниях. И вера в то, что он достиг необходимого уровня своего физического и интеллектуального развития, который позволит ему послужить для своего народа ретранслятором знаний, за которыми пришёл сюда. И, не введённый в заблуждение, не согласившись принять ни одну из сверхспособностей, он теперь может

впитать и впитает в себя все эти качества, которые за его честь, отвагу, бескорыстие и желание посвятить свою жизнь во благо человечества сами откроются ему.

Шаг за шагом он приближался к чудовищу и, занеся ногу, вошёл в него. Всё вокруг задрожало. Змей дико ревел, меняя субстанцию своего тела, которая становилась сначала густой, не пропускающей света туманной дымкой, а потом, рассеиваясь, приобретала воздушную светящуюся оболочку, сквозь марево которой были видны держащиеся за руки фигуры Ананды и Чакоры. И всё вокруг них стало таким радужным, искрящимся, как и они сами. Прямо пред ними, словно поднявшись из земли, возникли огромные арочные ворота, которые распахнулись им навстречу, а за ними, за этими воротами, стояло огромное сооружение. Даже сразу трудно дать определение этому строению — дом это был или дворец, — потому что оно было таким ослепительно светящимся, что до тех пор, пока глаза не привыкнут к свету, его невозможно рассмотреть, а только можно предположить, будто здание стеклянное. Но на самом деле оно не было стеклянным, просто сквозь его стены и потолок просачивался свет, и свет сочился не только внутрь строения, но и из него, создавая видимость пронизывающих здание насквозь лучей. Из этого здания в сторону Ананды и Чакоры двигался старец — такой, каких Ананда ещё в своей жизни не встречал. Сгорбленный от старости дедушка так был пригнут старостью к земле, что шёл, почти согнувшись пополам.

Он медленно перебирал ногами, при ходьбе рукой опираясь на палку и почти повиснув на ней всем телом. Другой рукой он держался за поясницу. Его жидкая, с редким волосом, борода была такой длинной, что доставала почти до земли, и из-за этого путалась в его ногах.

Ананда и Чакора, приветствуя старца, упали на колени, потому что по-другому они и заглянуть-то ему в лицо не могли, да и не положено, чтобы старый человек был ниже их лиц. Старец, приблизившись к ним вплотную, свою руку, убрав с поясницы, положил на голову Ананде, и тот ощутил, что внутри головы пошли сильные потоки энергий, будто старец читал его мысли.

Несколько минут стояла тишина, которую сам же старец и нарушил:

— Ты являешься духовным существом и уже вобрал в себя достаточный опыт и пришёл к пониманию того, что миром должна править любовь.

Старец также положил ладонь на голову Чакоры.

— Твоё сердце чистое, светлое, добродушное, вместе вы сможете взять то, зачем пришли, потому что, несмотря на свой юный возраст, ваши души пришли к пониманию сути бытия, и у вас есть сильная духовная цель. Эта цель в итоге и привела вас сюда — к хранилищу книги жизни, которая носит название «Хроники Акаши». В эту книгу стекается вся информация, которая когда-либо была на земле, есть или будет, из неё также идёт ретрансляция событий в текущее время. Смотрите, — медленно развернувшись к зданию, указал старец рукой, и Ананда с Чакорой встали с колен, чтобы посмотреть на то, о чём он им говорит. — Свет, видите, какой сильный идёт свет — это энергии действий, поступков, тех или иных событий сочатся в мир людей, чтобы там воплотиться в реальность, а также то, что уже свершилось, поступает в книгу, наполняя её содержание. Овладевший информацией, содержащейся в книге, может повлиять на ход событий, регулируя их, — только так, Ананда, ты сможешь изменить жизнь своего народа. Но дело в том, что эту книгу невозможно унести с собой, она такая огромная, её можно только прочесть и запомнить. А управлять ситуация-

ми в жизнях людей, изменяя их, ты сможешь только теми, которые по прочтении книги останутся в твоей памяти. Вы должны войти туда оба, крепко держась за руки, так как информация, льющаяся из книги, будет идти в двух направлениях — мужской и женской энергий — и, проходя через вас и соединяясь, сделает это прочтение возможным. Момент разрыва ваших рук мгновенно захлопнет книгу для вашего взора.

— Идите, — указал им дорогу старец.

Ананда с Чакорой, крепко сцепившись руками, направились к сияющему разноцветными энергиями зданию по такой же ослепительно светящейся дороге. Ступив за порог, они будто нырнули в водоворот потока энергий, который стал их, закручивая в воронку, нести сквозь часы, года, столетия... и энергия всех времён шла через них мощными светящимися струями и, синтезируясь через их тела, наполняла сознание великими знаниями.

Так Ананда, побывав в мистическом царстве Калапа, сумел добыть информацию, благодаря которой ему откроется возможность влиять на определённые ситуации в жизни людей, и он сумеет выполнить миссию, с которой пришёл на эту землю, — миссию, данную ему Высшими силами от рождения как Звёздному воину, способному спасти человечество.

Часть II

В НАШЕ ВРЕМЯ

ГЛАВА 1

Путешествие в долину

Дорога всё время шла в гору. Наш старенький китайский минивэн, узкий и длинный, словно табуретка на колесах, упрямо перебирался через финальный перевал. Асфальт давно кончился. Последние две сотни километров минивэн-табуретка тащил свои круглые ноги по каменной грунтовке, оставляя за собой мутное облако пыли. Почти все его пассажиры, измотанные долгой тряской, мирно дремали: одни — прислонившись лбом к холодной глади окна, другие — повесив голову на грудь, третьи — закинув её на низенькие подголовники потрёпанного жизнью автомобильчика. Не спал я один.

Я вообще не люблю спать в дороге. Спать вот так — для меня ещё большая мука, чем тряска. Нас было-то всего человек десять, ещё пара мест пустовала, но благодаря крайне «удачной» конструкции, то есть дизайну сего агрегата, и эти десять человек ощущали себя так, будто их сдавила неведомая внешняя сила или проглотил очень небольшой кит, которого тут же поймали и вот уже вторые сутки производили над ним различные манипуляции, чтобы вытряхнуть все его внутренности.

Мой Учитель любил повторять, что лишь нами же созданные иллюзии мешают нам рассмотреть мир в его истинном облике. Так вот, я думаю, лишь подобная иллюзия могла позволить пассажирам оставаться в полной уверенности, что этому некто снаружи нужен сам кит, а они тут как бы «совсем ни при чём», и спокойно дремать в процессе. Но «любой иллюзии когда-нибудь суждено разбиться», всегда добавлял впоследствии мой Учитель. А я и на этот раз, как всегда, кивнул бы, соглашаясь с ним, будь эта иллюзия самим двухсотлетним китом.

— Приехали! — сурово раздалось со стороны водительского сиденья, затем рядом с ним послышался жуткий скрип, хлопок, часть машины откинулась вбок, а сам водитель вышел, развернулся и твердо прихлопнул обратно к машине железяку, которую в начале жизненного пути минивэна по праву именовали дверью.

— Что случилось, шеф? — крикнул кто-то из пассажиров. — Куда мы приехали?

— Кипим. Сейчас поостынем и двинемся дальше. Ещё пятьдесят километров — и вы на месте, — шеф китайского минивэна жадно прикурил сигарету.

Незапланированная остановка пришлась по душе не только нашей таратайке. Пассажиры, словно птенцы из гнезда, вывалились из дверей минивэна по своим делам. Как замороженный я стоял на краю крутого обрыва. Далеко внизу, в расщелине между отвесными скалами, текла бурная горная река. Звук её разбивающихся о камни вод не смолкал ни на секунду. Отталкиваясь от каменных стен, он летел вверх и растворялся где-то не рядом со мной, но гораздо выше — в том месте, которое мне было ещё неизвестно и которого уже не достигал мой слух. За свои тридцать с хвостиком я успел немало поездить по свету, сопровождая Учителя, и видел великое разнообразие игр природы, но по странному стечению обстоятельств был всё боль-

ше за пределами родной страны... Теперь же любая мелочь, на которую местные люди не обращали никакого внимания, могла вызвать во мне бурный восторг.

Впервые я путешествовал один. Полгода назад Учителя всё чаще и чаще стала посещать слабость, и вскоре он поведал мне, что его уход совсем близок. Хотя я и сам обо всём догадался, но не хотел тревожить моего драгоценного наставника излишними вопросами и волновать своими страхами о будущей жизни без Него. Понимаете, я не знал, как распорядиться собой, что делать, как строить свой день. Всю жизнь, с шести лет, я служил Учителю. От Него зависело, когда и что нам есть, когда ложиться спать, когда и где проснуться. Все цели и задачи моей жизни определял он, и я был счастлив, потому что не было для меня задачи выше и желаннее, чем со всей своей преданностью служить Учителю. Он был мне и матерью, и отцом, и наставником. И не только мне. Его любовь и безграничная мудрость могла объять миллионы сознаний. Каждый находил у него утешение, и для каждого у Него находилось нужное слово. Хотя бы одно слово. Но даже оно иногда переворачивало жизни и даже спасало людей от гибели.

В последний месяц жизни Ринпоче в монастыре я день и ночь просил, умолял его вернуться в новом теле. Вернуться для блага всех живых существ. Я заклинал его в молитве. И обращался к Благословенным, чтобы они посодействовали в этом. И вот в один из вечеров Ринпоче позвал меня к себе, чтобы проститься и рассказать мне о моей новой задаче.

Минивэн затарахтел, разорвав естество чистоты этого места и привнеся в песнь горной реки выхлопы человеческой научной мысли. Пассажиры запрыгнули на свои места, бодрые и свежие, словно после утреннего умывания, и приготовились все вместе сделать последний рывок. Было похоже, что именно они, то есть

мы, силой своего коллективного намерения добраться до места заставляем это ведро на колесах двигаться. Другого объяснения его возможности перевозить пассажиров у меня не было.

Я уставился в окно. Близился закат. Пробегавший мимо пейзаж прочно приковывал мой взгляд, мой ум, моё сердце. Местная природа была не столько красива, сколько обладала каким-то мистическим обаянием. Совершенно очевидно, в этом крылась какая-то тайна, иначе... Иначе зачем бы людям было селиться именно здесь? В месте, которое любой обыватель назовёт «Богом забытым». Горы, долины, ущелья, реки, скалы, деревья, растущие прямо из камней, — и только соколы, суслики, вороны да наша китайская таратайка. Ни одного знака другого человеческого присутствия. Всё это не было чуждо мне. С шести лет, поступив в монастырь, я рос на лоне природы. Но всё же — среди большого количества людей. Здесь же каждая крупница земли пылала самой первозданностью. И каждый лист, пусть и выросший на камне, нёс такой заряд жизни, какой иногда не дано нести целому дереву.

Я ехал в затерянный мир. Так его назвал Ринпоче, когда рассказывал мне перед своим уходом об уготованном для меня этапе жизни.

Это была закрытая община. Чуть больше столетия назад её создали всего несколько семей, отрекшись от всякого влияния государственности. Теперь же она разрослась до нескольких тысяч человек. За это время община успела принять и новую кровь, и новые верования, и даже разбавила себя малыми народностями, которые всегда присутствуют на приграничных территориях, но всё-таки сохранила костяк своих традиций вместе с общей закрытостью и отвержением всего, что шло к ним «с большой земли». Общину курировал местный монастырь. При нём же строились школы для живущих в общине детей. Почти все учителя были

монахами этого монастыря либо рождёнными и выросшими в общине мирянами. Я не знаю, как случилась эта договорённость, но Ринпоче сказал, что я должен поехать в одну из новых школ этой закрытой общины, чтобы преподавать местным детям языки.

С самого раннего возраста меня тянуло к изучению слов и их значений. Я думаю, нет ничего интереснее, чем учиться понимать друг друга. Знание языков и желание наладить контакт — первый шаг на пути к гуманному отношению друг к другу. Разве нет? Поэтому я ехал с открытым сердцем и искренним интересом к своему будущему делу. Занятия с детьми не могут не приносить радость, тем более если эти занятия — любимое дело.

Прошло ещё где-то с полчаса. Солнце свалилось за горы и протягивало оттуда свои лучи, переливавшиеся всеми цветами радуги, по очереди, друг за другом. Небо то полыхало оранжевым, то розоватым, то голубым, то бордовым с примесью фиолетового, и, наконец, всё стало серо-синим. Будто после дневного спектакля опустился занавес. Кто-то из зрителей снова успел задремать, но вот минивэн въехал в деревню, и наша езда стала похожа на подпрыгивание убегающего от хищника горного козлёнка.

От главной дороги поселение отделяла широкая река, через которую был перекинут красивый узенький, в одну полосу, мост. А сразу за мостом начинались камни, огромные валуны и поменьше. Одни торчали прямо на автомобильной дороге, как бы слегка выглядывая, другие — смело высовывались в полный размер, третьи, словно каким-то великаном, были разбросаны по близлежащему полю. Ещё минут десять минивэн полз как черепаха, иначе ехать не получалось. И наконец припарковался у маленьких магазинчиков.

ГЛАВА 2

Община

— А я вас жду, — обратился ко мне молодой человек чуть старше двадцати с приятным интеллигентным лицом, когда я вышел из минивэна. — Аян, — представился он и с опаской протянул мне руку.

— Добрый вечер! Моё имя Джанко, — мы пожали друг другу руки. — Я, наверное, один из всех приехавших новенький?

— Так и есть, — снова слегка настороженно посмотрел на меня юноша, — к нам редко приезжают гости. Все, кто вышел из автобуса, кроме вас, близкие или дальние родственники местных жителей. Идите за мной.

Аян взял мою сумку, в которой я обычно вожу алтарные принадлежности, и быстро зашагал в темноту к припаркованному невдалеке древнему, но подготовленному к тяжелой езде внедорожнику. Я наскоро надел свой походный рюкзак и последовал за ним.

— Нам нужно ещё куда-то ехать? — спросил я. Честно говоря, мне не хотелось снова оказаться в машине, да ещё и надолго.

— Здесь рядом, пара улиц.

Внедорожник резко рванул с места и через три минуты остановился у длинного сплошного забора,

на котором висела вывеска «Продаю дом». Я прошёл за Аяном на участок, он включил свет у входа, повернул ключ в замке и впустил меня внутрь.

— В доме, где вы будете зимовать, ещё не закончен ремонт, поэтому пока вы остановитесь здесь. Этот дом довольно большой, но тоже тёплый. Вот печь, дрова я буду привозить, здесь даже есть вода — вот, посмотрите, — Аян гордо открыл дверцу небольшой пристройки к одной из комнат. Внутри красовался маленький бойлер, а у стены ютилась раковина.

— Всё остальное на улице, — добавил Аян и взглянул на меня с любопытством, словно пытаясь разгадать мои впечатления.

Нам с Учителем приходилось жить в разных условиях, поэтому смутить меня чем-то таким было трудно, да и восторгаться внешним убранством я не привык.

— Спасибо, — ответил я, поставив рюкзак и включив свет на кухне, — тогда я буду готовиться ко сну.

— Да, конечно! Отдыхайте! — услужливо засуетился молодой человек, подходя к входной двери. — Если вам что-то понадобится, звоните мне, я постараюсь решить ваши бытовые вопросы.

— Ещё раз спасибо! — улыбнулся я.

— Ваше имя какое-то... странное, — задумавшись, остановился у калитки Аян, — музыкальное, что ли...

— Оно означает «могучий и твёрдый, храбрый и решительный», но и музыку я тоже люблю — вы удивительно правильно подметили. Не знаю, почему, но отовсюду я привожу с собой разные типы флейт, на которых учусь играть. В моей коллекции — бансури, дудук, балабан, кена, окарина и змеиная флейта. Я купил её по дороге к вам, на торговом перевале, — засмеялся я.

— Вот это да! Музыкантов у нас любят! — Аян, приветливо посмотрел на меня, ещё раз кивнул на прощание и вышел. А я закрыл за ним дверь и вернулся в комнату. Сказать по правде, сил на какие-либо впе-

чатления у меня уже не было. Хотелось просто оказаться на ровной прохладной поверхности кровати и на время закрыть глаза. Поэтому я наспех совершил свой вечерний туалет и тут же уснул. Вечер был тёплым, такой же обещала остаться и ночь — знакомство со старой печью мне ещё предстояло. И хорошо, что я не занялся её растопкой в день своего приезда.

Проснулся я от удивительного многоголосья за окном. И оттого, что в доме в одночасье стало нестерпимо жарко, как в душной синтетической палатке. На подоконнике моей спальни с внешней стороны сидели три птицы размером с подрастающую курицу и о чём-то шумно переговаривались, смело рассматривая меня, спящего внутри. Вероятно, не желая быть пойманными с поличным, они тут же упорхнули к забору, но было поздно. Я поднялся, накинул халат, взял вчерашнего хлеба, который остался у меня с дороги, и вышел на крыльцо.

Солнце ещё только ползло по небу в направлении своего зенита, а жар у земли уже был такой, словно я проспал до полудня. «Что ни день, то снова неожиданность. Вот так конец августа в горах! — подумал я про себя. — Ринпоче предупреждал меня, что эта поездка не оставит мне времени для скуки или тоски, но, пожалуй, при всём желании затосковать здесь действительно было бы невозможно».

Я высыпал хлебные крошки в миниатюрную, по всей видимости, сделанную умелым мастером по дереву кормушку, ещё немного понаблюдал за тремя пернатыми болтушками, которые без стеснения тут же подлетели к ней, и вернулся в дом. Мне предстояло встретиться с правлением общины, но сначала нужно было привести себя в порядок. Я зашёл в комнатку с бойлером и раковиной, чтобы умыться, и обнаружил, что воды в трубах нет. Тогда я пощёлкал выключателем — электричества тоже не было. Судя по тому,

что Аян меня ни о чём подобном не предупреждал, отключение было внеплановым. Нужно было найти ближайший источник воды.

Учитель рассказывал мне, что почти каждый дом в этом поселении строили так, чтобы рядом была протока. В горной местности всегда течёт много ручейков, которые при желании можно превратить в небольшие прудики в нужных местах. И люди, которые пришли пустить здесь корни, умело пользовались этими природными дарами. Я вышел во двор и оглядел участок. Так и было. Видимо, это место принадлежало семье с особым положением в общине. Несколько ручейков, стекающих с разных сторон, небольшая заводь, деревья, дающие тень, огромный каменный гараж и ещё соток двадцать свободной от построек пахотной земли.

Я вынул из кармана щётку и пасту и подошёл к ручью. Несмотря на жару, вода в нём была ледяной. Зачерпнув немного огромным ковшом, который я нашёл на кухне, я отошёл подальше от ручья. С детства меня приучили не сливать в воду никакие отходы. Когда я был маленьким, мне говорили, что вода — это тоже чей-то дом и его хозяин, конечно же, не хотел бы, чтобы я его превратил в сточную канаву. Позже благодаря монастырской практике я понял, что реки и ручьи — это дом определенного класса существ — нагов, — они часто предстают перед людьми в образе змей и драконов. А так как они мудры, но очень гневливы, то могут причинять существенные неприятности. Потом я понял, что всё в этом мире — будь то человек или ручей — часть меня, как любой из моих органов или моя кровь, и было бы глупо портить себе что-то неуважительным отношением.

Закончив все процедуры, я оделся в то чистое белье, которое удалось спасти от клубов дорожной пыли, доел остатки своего нехитрого походного пайка

и выдвинулся из дома. Правление общины находилось в здании местного монастыря, там же, судя по всему, располагалась и новая школа, в которой мне предстояло работать.

— Муууу!!! — раздалось за углом деревянного забора. Пушистая рыжая корова двигалась прямо на меня, не собираясь сворачивать. Повсюду вокруг лежали свежие и уже засохшие коровьи лепёшки. Кое-где они чередовались с лошадиными.

Я обошёл животное стороной и повернул за угол. Впереди вся улица, насколько хватало взгляда, была просто заполонена коровами. Рыжие, тёмно-коричневые, белые, пятнистые, большие дойные, подрастающий молодняк, новорождённые телята, бычки — все они словно чего-то ждали, толпились по обеим сторонам дороги. Одни щипали траву, другие тёрлись боками о крепкие деревянные изгороди, третьи, видимо, самые смыслёные, пытались открыть рогами нехитрые проволочные затворы на воротах и полакомиться в чужом огороде, четвёртые вальяжно двигали челюстями, продолжая жевать, лёжа на каменной горячей земле, пятые тут же справляли нужду. Я застыл на мгновение, оторопев от такой картины. В местности, где я вырос, пастухи уводили коров на пастбище. Там они могли лакомиться сочной травой до позднего вечера, и им не нужно было путаться под ногами и ломать чужие заборы. Почему здесь они паслись прямо на центральной улице? Может быть, они попросту сбегали или с пастухом что-то случилось?

— А ну пошла вон! УУУУУ! АААААА!!! — раздалось громкое улюлюканье рядом с теми воротами, которые одна из самых проворных коров уже открыла рогами, и теперь вместе со своими подругами она жевала траву на тропинке красивого, с резными ставнями дома.

От крыльца к воротам, ускоряя ход, направлялся мужчина. Он хлопал в ладоши, потом вдруг поднял

палку и бросил её в корову, вероятно, желая показать ей, кто в доме хозяин и где её место. В испуге корова бросилась в противоположную от входа сторону. Импульс «беги!», как по цепочке, передался и всем остальным её сородичам, успевшим зайти на участок, и они принялись бегать по кругу, не в силах понять, что происходит и в какую сторону лучше повернуть. В конце концов, забег был окончен, последнее животное выбежало за ворота. Мужчина отдышался и тут только заметил, что я стою перед ним, пристально наблюдая за этим представлением.

— Здравствуйте! — поздоровался я первым.

— Здравствуй! — ответил он, всё ещё переводя дух. — Вот, никак руки не дойдут переделать замок на воротах! До чего хитрая эта скотина — каждый день ходит ко мне, словно мёдом тут ей намазано! А у меня огород. Потоптала ведь всё, зараза! Ни на минуту нельзя отвлечься! А ты чей здесь будешь? — вдруг прервал он свою тираду, нахмурившись.

— Я новый школьный учитель, Джанко, — ответил я, улыбнувшись.

— А-а-а. Да-да, слышал, — буркнул мужчина, — тебе прямо по дороге, на перекрёстке увидишь длинный забор, там недалеко будет вход. Ну, бывай! — Он развернулся, накинул проволоку обратно на прутья изгороди и ушёл к дому.

— Спасибо! — ответил я и пошёл в сторону перекрёстка мимо продолжающего свои пастбищные дела стада.

Школьный забор действительно нетрудно было найти. Крепкий, аккуратно покрашенный, он шёл от перекрёстка, который мне показал мужчина, почти до самого выезда из поселения. Калитки в нём и вовсе не было. На её месте был открытый проход, а его порог расположился на уровне талии взрослого человека среднего роста. К порогу поднимались три высокие ступени

и ещё три с другой стороны спускали обратно на землю всякого входящего на школьную территорию.

Здание монастыря снаружи выглядело вполне ухоженным, кое-где работали строители, с внутренней его стороны раздавался стук молотка. Я вошёл внутрь и попал в длинный тёмный коридор. В один момент монастырь состарился и как-то посуровел, помрачнев. Развешанные по стенам плакаты яркими пятнами картинок призывали вовремя соблюдать пост и праздники соответственно лунному календарю. Я огляделся, пытаюсь понять, в какой стороне может быть административная часть, и тут же мои глаза, уже привыкшие к коридорному полумраку, выхватили белый лист на стене с напечатанным на нём жирным шрифтом словом «Директор», рядом такая же жирная стрелочка указывала на лестницу, ведущую на второй этаж. Я поднялся и заглянул в кабинет с надписью «Администрация», там было пусто, на полу лежали стопками какие-то папки, бумаги, документы и тонкие книги, наподобие университетских методичек. Тут мне показалось, что в другом конце коридора кто-то есть — до моего слуха донесся слабый звук разговора. Я пошёл на голос, и в одном из проёмов в стене, который оказался боковым проходом, неожиданно наткнулся на женщину в платке, потрёпанной рабочей куртке и таких же брюках. Она полоскала тряпку в металлическом ведре, что-то тихонько бормоча. Рядом у стены стояла швабра.

— Здравствуйте! Меня зовут Джанко. Я новый учитель английского и словесности в здешней школе. Скажите, как бы мне найти управляющего? — представился я.

— Да у нас вроде своих учителей хватает... — буркнула себе под нос женщина, не ответив на мой вопрос. — А вы откуда будете?

— Я из западной провинции, приехал вчерашним автобусом.

— А-а-а... И зачем вам наши трудности? — снова буркнула женщина, не переставая полоскать и выжимать тряпку.

— Скажите, управляющий здесь или в другом здании?

— Администрация-то? Да здесь, здесь она, родимая. Директор вот в компьютерном кабинете давеча был. Загляни, может ещё не ушёл, — женщина махнула рукой дальше по коридору, видимо, в сторону компьютерного класса.

— Спасибо, — поблагодарил я её и быстрым шагом снова пошёл в темноту.

Дверь в компьютерный кабинет была открыта, в кабинете находился всего один мужчина. На вид ему было лет пятьдесят. Черноволосый, с небольшими усиками и косичкой, которая спускалась ниже лопаток. Он сидел, согнувшись у экрана монитора, и напряжённо что-то вычитывал, потом печатал, снова вычитывал и опять печатал двумя пальцами. Вероятно, он занимался этим уже не один час, и дело продвигалось медленно.

— Приветствую! Меня зовут Джанко. Я новый школьный учитель, — в который раз за этот день представлялся я.

— О-о-о-о... Дождались! С приездом, с приездом! — управляющий вскочил со своего места и радостно бросился ко мне, как к своему старому знакомому.

«Как удивительно по-разному реагируют на мой приезд здешние жители, — подумал вдруг я, невольно отскочив на полшага назад от неожиданно бурно приветствовавшего меня управляющего. И там, в этой коридорной темноте, уже пожимая в ответ руку своего будущего начальника, я, словно кот-мышелов, успел поймать за хвост ещё одну мысль: «Что же, по крайней мере мне встретился человек, который умеет улыбаться при знакомстве».

ГЛАВА 3

Дети гор

Директор школы, — тучная, уставшая с виду женщина, — казалось, совсем слилась с кипами бумаг и папок на рабочем столе. Увидев управляющего, который явно с трудом сдерживал себя от того, чтобы не пуститься на радостях в пляс, в компании молодого чужака, она нахмурилась. Но вдруг, будто прочитав на моём лице, кто я и откуда, оживилась, вышла из-за стола и, улыбнувшись, переглянулась с управляющим. Всё это представление немало удивило меня. И управляющий, и директор школы вели себя так, словно я их любимый родственник.

Их не интересовали ни мои документы, ни мой опыт работы. Наспех задав мне пару вопросов о моём образовании, они оба поспешили показать мне школу. И мы отправились на экскурсию по коридорам этого местного культурного оплота. Признаться честно, я тоже не люблю тратить время на пустые разговоры о званиях и просмотр бумажек, удостоверяющих обладание некими знаниями. Я всегда был практиком и до сих пор уверен в том, что иначе, чем на собственном опыте взаимодействия с чем-либо, мы не можем это что-либо постичь. Тем более качество его знаний. Но людям привычнее изучать твои бумажки, а не тебя.

— Школа у нас новая, всего второй год в ней живём. Классы светлые. Вот здесь столовая, скоро, надеюсь, заработает буфет, будет хлеб и сладости для тех, кто задерживается до вечера. А вот и ваше крыло. Здесь у нас начальная школа поселилась. Здесь вы будете работать.

Директор подвела меня к зданию с отдельным выходом.

— Это чтобы малыши не толпились у парадного крыльца вместе со старшими, — пояснила она.

На стендах висели свежие детские рисунки, рядом на стеллажах были аккуратно расставлены поделки из глины, дерева и камня. В окно светило полуденное солнце, пронося свои лучи через заснеженные вершины гор, которые величественно обступили территорию монастыря с юга и запада. Всё это производило приятное впечатление, вызывая во мне желание скорее приступить к работе.

Заметив мой положительный настрой, директор продолжила:

— А теперь пойдёмте обратно в кабинет, я расскажу вам о наших особенностях.

Мы вернулись к кипам бумаг и груде документов. Очевидно, в школе готовились к сдаче очередных отчётов. То и дело дверь в директорскую приоткрывалась, в щель заглядывали и, увидев, что начальство принимает гостя, тут же расстроено исчезали.

— Сразу хочу вас предупредить — у нас инклюзивное образование. Я не знаю, как это реализуется в других школах, но нашей общине катастрофически не хватает специалистов, которые могли бы работать с отстающими детьми. В некоторых классах их больше половины...

— Что вы подразумеваете под «отстающими»? — озадачился я.

— Это дети со справками, — вздохнула директор, — задержка психоречевого развития, социальные расстройства, полная необучаемость... Есть патронажные дети, есть приёмные и есть дети, которыми совсем не занимаются родители. С этими семьями мы много лет работаем, что-то временно решается, иногда благодаря этой нашей поддержке удаётся дотянуть ребёнка до выпуска из школы, но, как правило, в корне ситуация не меняется. И эти родители снова рожают — мол, помощь в хозяйстве нужна, и снова у нас появляются фактически брошенные дети...

Я задумался. Конечно, мне приходилось видеть проблемные семьи и участвовать в решении их трудных жизненных ситуаций, но учить языкам класс, в котором чуть ли не половина детей с полуманной психикой... Я был не готов это услышать. Это так контрастировало с безумной естественной красотой места, которое выбрали эти люди себе для жизни. Я пока не понимал, откуда в замкнутой, ушедшей от мира с его законами и соблазнами общине столько несчастных детей... Ведь именно за счастьем пришли сюда их деды и прадеды.

Мне нужно было время. Я хотел прогуляться и поразмышлять. А директор всё продолжала, видимо, решив, раскрыть передо мной все карты сразу:

— Зарплата у вас будет небольшая. Здесь-то у нас, сами понимаете, не город, больших денег вообще не водится. А уж чем они там в Министерстве образования думают, совсем не знаю. Сейчас вот опять понижают учителям ставки. И так никого не найти на это место! А потом с нас же ещё и спрашивают: почему это у нас нет учителя языков? А ему откуда взяться!!! Кто к нам по своей воле поедет? На такие-то условия! И опять школа виновата! Так-так, о чём это я говорила? ...Ах, да, через полгода зарплату вам немного поднимут. Ну и я лично поеду ещё в райцентр разговаривать о вашей

ставке. Ой, честно вам скажу, — выдохнула директор, — как бы нам хотелось, чтобы вам у нас понравилось...

Мне выдали необходимые учебники, и мы попрощались. Через неделю школьники должны были вернуться к занятиям после каникул. Итак, у меня было семь дней на подготовку.

— Звонок! Звонок!

Старая тётушка Докпа трясла большим школьным колокольчиком так неистово, что он вот-вот готов был расстаться со своим язычком. Дети стремительно разлетались по классам.

— Гуд монинг, чилдрен! — поздоровался я, когда за последним влетевшим птенцом резко захлопнулась дверь.

— Гуд монинг, гуд монинг, гуд монинг ту ю! Гуд монинг, гуд монинг, Ай'м глэд ту си ю! — хором пропели дети заунывное утреннее приветствие.

— Дети, вы рады меня видеть? — обратился я к классу уже на родном языке.

— Да-а-а! — хором закричали дети и, сорвавшись со своих мест, все как один бросились обнимать меня, желая на деле показать, что они говорят правду.

— Тогда, как вы думаете, чего не хватает нашей утренней песне? — спросил я, стараясь обнять и приласкать всех, до кого дотягивались мои руки.

— М-м-м... понятных слов? — спросила маленькая Тара. Новенькая, придя в этом году в четвёртый класс из соседнего поселения, она оказалась ещё и самой младшей и, готов поспорить, самой рассеянной в школе. Учебники и тетради у неё всегда почему-то оставались дома вместе с домашней работой, конечно, а слова вылетали из чёрной, как смоль, головки, не успев залететь и, как следует, прижиться там. Зато она первой бежала в столовую после третьего урока, как будто слыша колокольчик на перемену за доли секунды

до появления звука. И пошутить да подурачиться она готова была первой.

— Нет, Тара. Нашей песне не хватает наших улыбок. Давайте представим, что мы приветствуем солнце, которое вышло из-за туч после недельного ливня и согрело наконец нас. Солнце понимает все языки мира. Можем поприветствовать его на всех языках, которые мы знаем. Идёт?

— Идёт! — так же хором закричали дети, побежав к своим партам.

Мы ещё раз спели эту нехитрую песенку, кривляясь и играя всеми мышцами, какие только возможно было заставить работать на наших лицах. Мы всегда так делали, если хотели рассмешить друг друга. На этот урок я запланировал новую тему и, зная, как непросто им дается запоминание новых фраз, решил не откладывать её на вторую половину часа.

— Итак, сегодня мы с вами поговорим об обязанностях. В английском языке, для того чтобы рассказать о том, что нам приходится каждый день выполнять какую-то работу, есть специальная фраза «хэв ту». Например, I have to wash the dishes every day, — написал я на доске по-английски и повесил рядом картинку с девочкой, которая мыла посуду. — Это значит: я должен, то есть у меня есть обязанность.

— Я должна мыть посуду каждый день! — перевела сидящая за второй партой Ума. Её семья переехала в долину восемь лет назад из большого города. Одна из немногих в школе Ума отлично училась, её голова работала быстро и легко. Любые задания она щёлкала как орешки. У неё были ещё двое братьев и маленькая сестра. Поговаривали, что все они только-только приходят в себя спустя восемь лет после переезда и начала жизни в общине.

— Да, Ума! Так и есть! У кого какие обязанности дома? Ну-ка, давайте накидаем фразы для новых предложений!

— А как сказать «перекидать сено быку»?

— А как будет «достать из подпола мешок с овощами»?

— «Подковать коня», «собрать хворост», «сложить коровьи лепёшки в костёр»!

Класс загоготал на разные голоса. Подготовленные картинки с уборкой комнат, работой на кухне и в саду так и остались в моих руках. Я растерялся, а маленький хитрый Маду, который мучился на первой парте не в силах собрать свой ум даже для того, чтобы быть вежливым, воспользовался ситуацией и вдруг закричал:

— Когда звонок? Когда перемена?

— Скоро, Маду, — ответил я, поняв, что очередному моему уроку не суждено не только идти по плану, но и вовсе оставить в этих головках какие-то знания английского языка.

— Можно в туалет? — завопил снова Маду, словно бы уже сорванный с цепи учительских запретов, которая приковывала его к молчаливому послушанию на уроке.

Задумчивый, я шёл петляющей каменной тропой к дому. Прошло три месяца с тех пор, как я стал работать в этой школе, но я так и не приблизился к пониманию этих людей. Каждый новый день нёс для меня столько загадок, сколько хватило бы разгадывать целую жизнь. Я думал, что, приехав в эту отдалённую закрытую общину, смогу чем-то помочь живущим в ней детям, обучая их, играя с ними, и тем самым послужу моему дорогому Учителю, который направил меня сюда. Но ни один из моих методов здесь не работал. Местные дети совершенно не умели впитывать знания, которые хотела дать им общинная система.

А играть с ними, обучая их так, как мне виделось, я не мог, потому что сам оказался зажатым общинными правилами общения с детьми, словно тисками.

Дом, в который меня поселил Аян, готовили к зиме, в нём перебирали уставшую за много лет печь. Теперь я жил вдали от школы и суматохи деревенского быта. Мне отвели новенькую хижину на самой окраине поселения, где мало-помалу находил приют приезжий люд. Многие, так и не сойдясь с основным населением, брали здесь наделы земли и возводили на них свои дома. Местные недолюбливали эту часть долины — почва здесь была слишком каменистая, непригодная к земледелию. Чтобы смастерить на этих участках огород и кормить себя, приезжие, кому было по силам, завозили на свои участки по четыре грузовика плодородной земли. Раньше в этих местах пасли скот. Теперь же его гнали дальше, к горам, а эту бедную землю отдавали тем, кто, по оценке общинной администрации, оставался не у дел. Их не могли выгнать, но и селить рядом не хотели.

В соседнем со мной доме жил старенький дедушка. Дед Кала. Его жена давно ушла в мир иной, дети разъехались, и он доживал свою жизнь в одиночестве. Как-то я застал его с маленькой лопаткой в руках, выкапывающим худенькие кустики картофеля, да и предложил ему отдохнуть на лавочке, пока сам перекапывал его небольшое картофельное поле. После работы дед Кала завёл меня к себе в дом, накормил сухими лепешками с молоком и мёдом со своей пасеки, мы разговорились о жизни молодых здесь, в поселении, и я не смог скрыть своего разочарования, а он словно прочитал во мне все мои чувства и все мои вопросы. И сказал: «Придёт, время, внучек, я расскажу тебе одну историю, которую я никому здесь не могу поведать. А она ищет того, кто сам ищет... Ты сейчас иди, доро-

гой, мне отдохнуть пора». Я ушёл. С тех пор мы часто общались. То он заходил ко мне, то я к нему.

Говорили, что Кала в молодости жил совсем в других местах, был странствующим монахом и вовсе никакой жены и детей у него не было. Но правда это или нет, до конца никто не знал, а дед Кала ни с кем никогда не вёл откровенных бесед. Впрочем, точно про него знали одно — верования его отличались от тех, что исповедовали в общине. Он знал, как сохранить тело здоровым, но делился своими знаниями не с каждым. Сколько ему было лет? Снова никто не знал. На вид лет девяносто. Других стариков в поселении не было. Мужчины здесь умирали примерно после пятидесяти, а те, которые жили до шестидесяти — шестидесяти пяти, выглядели дряхло и работать уже не могли. Дедушка Кала же работал всегда. Каждый день я видел его то в огороде, то в саду, то дома он что-то мастерил у окна при свете маленькой лампы.

Я уже подходил к калитке своего забора, как ко мне подскочила женщина:

— Это вы учитель Джанко?

— Здравствуйте, это я, — остановился я. Женщина запыхалась. Было видно, что она бежала и очень волновалась.

— Дедушка Кала, — сказала она, пытаясь отдышаться, — дедушка Кала зовёт вас, ему нехорошо было утром. Он позвал нас с сестрой, мы его соседки с другой стороны от вас, и попросил привести к нему Джанко, как только найдём. Вот, я вас нашла, идите, пожалуйста, к нему. Он спал, когда мы последний раз заходили. Кроме вас, он ни с кем последние месяцы не общался...

ГЛАВА 4

Рассказ дедушки Калы

Когда я вошел, дед Кала мирно спал. Я не заметил никаких признаков его неважного самочувствия. Казалось, он прилѐг передохнуть после обеда. Почувствовав, что в комнате кто-то есть, старик тут же открыл глаза и попытался сесть.

— Ну вот ты и пришѐл наконец. Значит, уже скоро.

— Что скоро, дедушка Кала? — не понял я.

— Уходить мне пора, внучек, — ответил дедушка и жестом попросил подать ему стакан с водой, — но кое-что я должен оставить здесь, — продолжил он, промочив горло.

Я замолчал и приготовился выполнить любую просьбу деда, так как ещё не совсем понимал, о чём он говорит.

— Полгода назад я почувствовал, что жизнь начала покидать это тело, — снова заговорил дедушка, — тогда то я и начал внимательно искать того, кому я мог бы передать одну тайну, но никто, кого я знал здесь, в долине, не смог бы принять её. Ни их тела, ни их души не готовы вынести силу этой тайны. Тогда я каждый день стал посвящать всю мою аскезу тому, чтобы нашлось сознание, которое сможет сохранить её на благо всех живых существ. Поначалу ничего не происхо-

дило. Но примерно через месяц такой практики я увидел сон, который истолковал как благоприятный знак. Я увидел соседний дом, в котором ты сейчас живёшь. Дом был таким как сейчас, обжитым. Ты знаешь, в то время на месте этого дома стояли лишь стены и крыша. Ни печи внутри, ни дверей, ни кухни — ничего там не было. Я очень удивился. Потому что его хозяин был вечно занят и строил этот дом уже лет пять. Мне было любопытно, и я зашёл в этот дом во сне и подошёл к печи. В ней горел огонь, а от огня шёл такой жар, который трудно было выносить. Ну, словно бы в горячей парилке находишься. Когда я уже готов был покинуть дом, из огня поднялся образ защитника. Он был красно-чёрного цвета, его три глаза непрестанно вращались, а из отверстия Брахмы выходила голова жеребца. Вокруг защитника горели лучи пламени. Весь он был так красив и устрашающ, что мне показалось, я и сам сгораю, только лишь созерцая его. Мои руки и ноги будто окаменели, я не мог даже сложить ладони в приветственном поклоне и тихо благоговел. Вдруг он окутал светом весь дом, и в этом свете я увидел образ ещё одного существа. Это был молодой мужчина, разжигающий печь. Ту самую печь, которая находилась в этом доме и из которой передо мной появился защитник. Вдруг всё исчезло, как и не бывало. И дом, и печь, и огненный образ, и сам сон. Я проснулся в своей кровати, за окном светало, и я отправился выполнять мою ежедневную утреннюю практику. А спустя ещё два месяца дом, в котором ты сейчас живёшь, начали спешно достраивать. И через некоторое время у него появился хозяин. Ты. Так я узнал в тебе того самого молодого мужчину, которого мне показал защитник, явившийся во сне.

Дедушка Кала снова глотнул воды.

— Да ты присядь-присядь, в ногах правды нет. Историю мою быстро не расскажешь, но это нужно сделать

обязательно. Я поведаю тебе всё, как было, а после ты сам всё поймешь. Глядишь, и ответы на твои вопросы откроются.

Я сел на массивную лавочку из светлого дерева, что стояла у такого же стола, и приготовился слушать. А дед Кала уже начал повествование:

— Говорят, да ты, верно, и сам слышал, что на свете есть страна, где хранятся тайные и сокровенные знания. Каждый в этой стране получает для жизни всё, что ему нужно. И заботятся там жители о духовном, а не о материальном. Живут там чистые люди, работают и молятся миряне, есть там и монастыри, в которых монахи молятся за весь наш мир. Вход в эту страну закрыт для обычных людей. Добраться туда очень сложно. И попасть туда могут лишь избранные. Но в последнее время разные люди стали стремиться в эту страну всё чаще и чаще. Тогда я помоложе был и жил не в этом краю, пришёл ко мне домой лама Цырен. Я усадил его за стол, налил ароматного чая с молоком, предложил лепёшек и цампы. Лама одобритительно кивнул и, отхлебывая чай, проговорил: «Стар я стал, один не дойду. Нужен мне помощник. Надо мне в один монастырь, но идти туда надо из Индии пешком. Я прошу тебя сходить со мной».

Отказать ламе я не мог, так как это был один из первых моих Учителей. Я истратил свои сбережения на покупку билетов на самолёт, и через месяц мы с ламой уже летели в Индию.

Когда мы вышли из самолёта, лама Цырен рассказал мне о цели нашего путешествия. И я понял, что верно поступил, когда купил билеты в один конец. Из этого путешествия можно было не вернуться, но лама заверил меня, что через пару месяцев я буду покупать билеты в обратный путь.

Наш путь лежал через Гималаи. Снаряжения никакого с собой у нас не было. Ни палаток, ни тёплых оде-

ял или спальных мешков, ни тёплой одежды, ни обуви. Ничего. Глядя на моё озадаченное лицо, лама Цырен улыбнулся и сказал, что путь не будет таким далеким. На поездах с пересадками мы около недели добирались до штата Кашмир и Джамму, который находится на границе Индии и Пакистана. Ещё несколько дней нам понадобилось на то, чтобы из Джамму доехать до района Ладакх.

Ладакх встретил нас серым небом и небольшим дождём. Горы под дождём выглядели хмуро и неприступно, реки — то с белой меловой водой, то с ярко-голубой — стали полноводными и местами размыли дороги. Вдоль нашего пути нам всё время встречались старые ступы — маяки на древнем Великом шёлковом пути. Большие и маленькие, покрашенные в белый цвет, они указывали нам дорогу днём и ночью. Мы несколько раз заезжали в буддийские монастыри. Ламу Цырена радушно встречали везде. Я достаточно хорошо понимаю тибетский язык и, хотя диалект немного отличается от того, на котором говорят тибетцы, я слышал, как мой Учитель расспрашивал у самых старых монахов дорогу в тайную страну. Монахи, которых он спрашивал, качали головами и ничего не могли сказать.

В одном из монастырей нас принял очень пожилой лама. Его бордовые одеяния совсем истрепались от времени, на голове не осталось волос, он уже не вставал с лежанки, сидя молился. Как только мы вошли, он жестом попросил маленького монаха, который ему прислуживал, уйти. Мы поклонились и поднесли ему хадаки, которые везли с собой. Старый лама смотрел на нас цепким и внимательным взглядом. Лама Цырен поклонился ему и спросил про дорогу в тайную страну.

Старый монах покачал головой: «Зачем?» Лама Цырен, глубоко вздохнув, ответил: «За семьдесят лет, пока не было храмов на моей родине, люди разучи-

лись соблюдать обеты. Многие пьют алкоголь и курят. От этих привязанностей сложно избавиться. Я знаю многих, кому нужна помощь. И от старых учителей слышал, что в тайной стране есть книга, в которой указано, как бороться с такими привязанностями. Мне приснилось, что время пришло, и я должен сходить за книгой, вместе вот с моим учеником, который мне поможет».

Старый монах указал пальцем на свои губы, лама Цырен приблизился к ним ухом, и тот что-то тихо ему нашептал. Затем старый лама покопался в своих вещах и дал ламе Цырену мешочек из кожи, величиной с кулак.

Мы получили благословение от старого монаха и вышли из его кельи. Лама Цырен был, судя по всему, доволен, и я понимал, что он теперь знал дорогу. Мы прибыли в большой город, который окружали горы. Доехали на автобусе до местного рынка. Это была длинная, достаточно широкая улица. Шум и гам окружили нас. Торговцы зеленью и овощами выложили свой товар на землю. Двухэтажные здания-лавки, хозяева которых торговали шёлком и коврами, деревянными резными и расписными сундуками, были уже открыты. Торговля шла вовсю. Музыка гремела из каждой лавки, торговцы стояли на улице и зазывали прохожих посмотреть товар.

Лама Цырен шёл не спеша, внимательно разглядывая все лавки. Наконец он свернул в переулок, и внезапно перед нами оказалась красивая кованая решётка, а за ней — небольшая мечеть с зелёным куполом на минарете. Мы прошли ещё немного и зашли в лавочку, которая была в тупике за мечетью. Никогда бы не подумал, что там вообще что-то может находиться — у лавки не было ни вывески, ни окон, а дверь была такая маленькая, что пришлось согнуться почти

до земли, чтобы войти в неё. Торговец чаем, из лалов, любезно улыбнулся нам из-за прилавка.

«Что-то хотите из чая? У меня есть самые редкие сорта!» — проговорил он и взмахнул рукой, показывая свой товар, который стоял на прилавке, на полу, в стеллажах за его спиной. В этой комнатухе всё было завалено самым разным чаем.

«Нам нужен чай, который ты возишь...» — лама Цырен поманил пальцем торговца к себе, что-то прошептал ему на ухо. Торговец понимающе кивнул: «Да, есть и такой», — и жестом пригласил нас пройти за занавеску.

Там было такое же маленькое помещение, забитое чаем. Лама Цырен отдал торговцу мешочек, который получил от монаха, а торговец дал нам два очень тяжёлых мешка. «Выход там», — он махнул рукой в сторону небольшой двери в противоположной стене. Я еле смог вытащить эти мешки на улицу. Пока я вытаскивал первый и второй мешок, я понял, что вокруг меня уже не тот город, в котором мы входили в чайную лавку. Мы были в горах — вокруг были вершины, покрытые снегом. Чайная лавка снаружи выглядела как малюсенький традиционный тибетский дом, вросший в землю по окна.

Рядом с выходом был привязан ослик. Лама Цырен вышел из чайной лавки и указал на ослика, сказал, чтобы я погрузил на него мешки. По дороге лама Цырен рассказал мне, что мы можем попасть в тайную страну, перевозя туда чай. Старый лама дал ему мешочек с золотыми монетами, указал приметы — как искать чайную лавку — и сказал, что нужно отдать монеты хозяину чайной.

Пару дней мы шли по горам. Наконец показался белый столб, около которого стояла небольшая палатка. Уже собирался дождь, когда я выгрузил мешки в палатку. Наш ослик без поклажи сразу развернулся

и поцокал туда, откуда мы пришли. Вскоре за пеленой дождя его уже не было видно. На мой вопрошающий взгляд лама Цырен кивнул и сказал, что хозяин чайной просил, когда снимем поклажу, отпустить ослика домой, и он сам найдёт дорогу. Нас встретил человек, очень похожий на хозяина чайной. По его указанию я перетащил тяжёлые мешки за занавеску. Мы с ламой сели на подушки и выпили предложенный нам чай. Пока пили чай, лама Цырен задремал, а я с удивлением смотрел, как торговец открывал пакетики с чаем, вытаскивал из них золотые монеты и выкидывал их на пол. Приглядевшись, я понял, что весь пол в палатке усыпан золотыми монетами, и не одним слоем.

Я собрал горсть монет с пола и протянул её ламе Цырену: «Учитель, вам нужны золотые монеты? Ими тут полы мостят!» Учитель открыл глаза, задумчиво посмотрел на монеты, на меня и сообщил: «Мы попали сюда только потому, что принесли чай, весом как мы с тобой вдвоём, монеты — это клеймо поставщика. Бросай их, и пойдём!»

Когда мы выходили из палатки, торговец чаем остановил нас и попросил взять с собой женщину, которая сидела в глубине палатки. Рядом с ней были два маленьких мальчика-близнеца. Лама Цырен согласился, и торговец отодвинул полог палатки. Яркое солнце на мгновение ослепило нас, а когда мы вышли, стало понятно, что горы остались далеко — перед нами раскинулась долина, мы стояли в яблоневом цветущем саду, по которому вилась тропинка. «Нам туда!», — махнул рукой вперед лама Цырен. Он шёл впереди, следом я, а за мной женщина с двумя близнецами. По дороге женщина рассказала, что в тайную страну шесть лет тому назад ушли её дети — тоже два близнеца, — и ничего она с тех пор о них не знает. Мали, так звали женщину, в то время была беременна, снова родила двух

мальчиков, дождалась, пока они подрастут, и пошла искать своих первенцев.

Вскоре сад закончился, и перед нами раскинулось поле золотой пшеницы. Она, уже созревшая, тяжело склонилась к земле, колосья налились и, задевая друг друга на летнем ветерке, создавали удивительный, непередаваемый звук. Как будто пшеница шептала что-то. Мы шли дальше, солнце припекало, и уже очень хотелось пить. Близнецы, которые шли всё медленнее, стали плакать.

В конце поля, под раскидистым деревом, лама Цырен нашёл колодец. Рядом с колодцем был глиняный сосуд с верёвкой. Я бросил его в колодец, и через несколько минут мы уже пили вкуснейшую воду. Ещё раз я достал кувшин с водой, и мы увидели, что рядом с колодцем стоит почти обнажённая прекрасная девушка. Именно так в легендах описывали дакини. Лама Цырен поклонился ей и рассказал о цели нашего путешествия и о том, зачем сюда пришла Мали. Девушка выслушала ламу и сказала, что сможет помочь нам с книгой, а вот Мали сама должна найти своих детей, для этого ей надо вернуться в сад и искать их там. Мали с детьми осталась отдохнуть у колодца, а мы пошли за девушкой.

Я вспоминал рассказы старых лам о том, что дакини не разрешали людям ходить ногами в тайной стране, что некоторые были вынуждены передвигаться на руках, дабы не осквернять подошвами обуви чистые земли. Дакини оглянулась и немного печально промолвила: «Времена меняются. Вы можете пойти до хранилища книг. Дальше вам идти запрещено, у вас будет всего несколько часов, чтобы найти нужную книгу и выучить её текст. Ты, видно, поэтому взял ученика с собой?» Услышав это, я начал волноваться. Мне предстояло выучить текст, который я ни разу не видел

до сих пор, на тибетском языке, а тибетский последние годы я практиковал редко.

Так мы дошли до большого светлого овального здания. Перед входом в него мы сняли обувь и босиком зашли в дверь. У входа мы обули ноги в светлые «носки», не могу это описать как-то по-другому, так как куски ткани плотно прилипли к коже. Нас завели в достаточно большую комнату, которая была забита свёртками с книгами. Учитель остановился в центре комнаты и стоял молча минут десять. Потом он уверенно подошёл к одному из стеллажей, попросил меня принести ему лесенку, залез по лесенке почти до потолка и вытащил из стопки свёртков один.

Медленно спустившись по лесенке, учитель положил книгу на стол, развязал завязки, развернул беррий. Из-под жёлтой ткани показались пожелтевшие страницы. Стопка была не очень большой. Учитель довольно кивнул: «Да, это она! Учи!»

Я начал заучивать текст, переворачивая каждую страничку. Восемнадцать страниц я выучил за три часа. Буквы навсегда врезались мне в память, думаю, что никогда не забуду их. Я сказал учителю, что выучил всё. Лама Цырен улыбнулся, одобрительно похлопал меня по плечу. И мы вышли из хранилища.

У входа нас ожидала та же дакини. Мы надели ботинки и молча пошли за ней. У колодца дакини сказала, что мы все вместе должны вернуться из тайной страны. Сколько человек вошло — столько и выйдет. То есть без Мали и её детей дорога назад нам была закрыта. Это сообщение было для нас неожиданностью. Мы были не готовы задержаться в тайной стране, нам пришлось искать Мали.

Мы нашли её в саду. Она сидела под яблоней и плакала. Лепестки яблоневого цвета сыпались на её одежду, ковром из них была покрыта трава вокруг яблонь. В волосах детей, которые спали у неё на коленях, запу-

тались те же нежные лепестки. Мали плакала, одной рукой вытирала слезы, а другой выбирала запутавшиеся лепестки из детских волос. Лама Цырен спросил Мали, нашла ли она своих старших близнецов. Мали рассказала, что дорожки в саду, по которой мы шли, она не нашла, но обнаружила несколько разных строений. Перед одним из трактиров, которые стояли между садом и горами, она встретила хозяина, который сказал, что помнит двух близнецов. Но в их трактире они не остановились, а пошли куда-то дальше. Лама Цырен предложил Мали сходить в тот трактир ещё раз. Он остался с детьми, которые спали, а меня отправил с Мали.

Лама сказал мне, что я должен быть внимателен к мелочам. Он запретил мне есть и пить в тех трактирах и достал из кармана клубок, сплетённый из разноцветных ниток, наказав при входе в любое помещение привязывать нитку к чему-нибудь перед входом и только после входить. Всё это показалось мне как минимум странным, но позже я понял смысл всех этих приготовлений, и каждый раз благодарил своего мудрого Учителя.

Мы с Мали дошли до трактира. Дверь его была открыта, из здания шли вкуснейшие запахи и раздавались голоса. Я, помня наказ ламы, привязал нитку к колышку у входа в трактир. Мы с Мали вошли в трактир, держась за нитку руками. Запах еды сбивал с ног. Есть захотелось внезапно очень сильно. Но, помня слова Учителя, я принял решение не смотреть на еду. К нам подошли какие-то люди, они тянули нас за рукава одежды, жестами показывали на столы, которые ломились от всяческих яств. Не добившись ничего, люди ушли. Вместо них к нам подошёл повар в белом колпаке и в фартуке, в белых куртке и брюках, он, держа большой тесак в руке, угрожающе нахмурил брови,

спросил: «Что вам нужно? Почему отказываетесь есть? Зачем вам нить?»

Я немного растерялся, но Мали выпалила: «Я пришла за своими детьми! Мне надо их найти и забрать!» Повар ещё больше нахмурился и сказал: «Раз вы такие умные — идите в гостиницу, ищите их там. И не приходите сюда больше!»

Пока он говорил, я смотрел по сторонам. Я понял, что это была своего рода ловушка. Люди входили в таверну, садились за стол, съедали какое-то блюдо, и вокруг них образовывалась клетка из тумана. Потом человек пропадал в этой клетке, просто исчезал. Никто за время нашего разговора не вышел из-за стола, никто не перешагнул порог, чтобы выйти из таверны. На место исчезнувших людей садились новые и также исчезали. Я нашёл в себе силы, чтобы спросить у повара: «Куда исчезают люди?» Он хмуро посмотрел на меня и ответил:

«Навечно они обречены сидеть в клетке и поглощать еду. Это ловушка для тех, кто не должен проникнуть в тайную страну. И говорю я с тобой только потому, что вижу у тебя в руках клубок с тремя разноцветными нитками, а то бы насильно усадил тебя к столу».

Услышав всё это, мы с Мали в ужасе бросились к выходу. На месте двери, в которую мы входили, была стена. Разноцветные нитки из клубка привели нас к ровной белой стенке. Но, как только я дотронулся до неё рукой, стена задрожала, и мы вышли на улицу через неё. Мали села на землю, держась обеими руками за нить, и разрыдалась. Я, как смог, успокоил её, убедил, что найдём её сыновей, хотя и сам уже почти не верил в это.

Надо было идти в гостиницу. Я спросил у Мали, какие ещё здания она видела поблизости. Она подробно описала мне каждое. Я понял, какое из них гостиница, и мы пошли вырывать сыновей Мали. У входа в гости-

ницу я также привязал цветные нитки из клубка к столбику рядом с дверью. История повторилась. В конце концов, к нам вышел человек, одетый во всё белое, также нахмутив брови, расспросил, зачем мы тут, и, увидев в моих руках клубок из цветных ниток, сказал, что Мали надо остаться, а мне указал на комнату, где я смогу поискать близнецов. Я последовал за ним.

Передо мной дверь распахнулась как будто сама. С порога в глаза мне бросилась огромная кровать, и над ней зеркало в золотой раме в человеческий рост. Я почувствовал, что эта ловушка ещё опаснее, чем та, которая была в трактире. Я быстро зацепил нитки из клубка за ручку двери и вошёл в комнату. Дверь за мной мягко закрылась и исчезла. Из стенки торчали цветные нити, а клубок я держал в руках. Освещение в комнате стало гаснуть, свет стал приглушённым и мягким. Поверхность зеркала вздрогнула, по ней прокатилась небольшая волна, и из зеркала ко мне вышла прекраснейшая из девушек. Тонкая талия, нежные изгибы её молодого тела, волосы, разметавшиеся по плечам, обнажённая грудь — всё в ней манило и звало. Я начал про себя читать мантры и старался не обращать на неё никакого внимания. Прошло какое-то время. Я ни разу не посмотрел на девушку, представляя перед собой поле заслуг Будд и Учителей. Краем глаза я уловил какое-то движение — девушка входила обратно в зеркало.

Я дождался, пока гладь зеркала успокоится, и решительно зашёл в него. Клубок я крепко сжимал в руке, нитки стремительно разматывались. Я шёл по коридору, в который выходило множество дверей. В каждой комнатухе та же самая девушка в разных соблазнительных позах занималась любовью с разными мужчинами. Я не мог понять, как такое возможно. Девушка одна — а мужчины разные. Вдруг я увидел и двух одинаковых мужчин, лица их напомнили мне

лица мальчишек-близнецов, детей Мали. Я понял, что нашёл старших близнецов. Теперь надо было как-то извлечь их из комнат и увести из этой ловушки.

Оба они спали. У обоих были измождённые лица, круги под глазами, бледная, почти синяя кожа. Я вошёл в комнату к первому близнецу и вытащил его в коридор (нить послужила мне ключом), вошёл в комнату ко второму и сделал то же самое. Потом я стал будить их, хлопая по щекам каждого из братьев. Они проснулись, я объяснил им, что их мать ищет их. Оба, казалось, не узнавали друг друга и были словно одурманены. И оба требовали, чтобы я вернул их обратно. Тогда я показал им комнаты, в которых спали мужчины. Комнаты, в которых были девушка и мужчины, и комнаты с пустыми кроватями. Я убедил их уйти из этой тюрьмы хотя бы на время. Взявшись за нить, мы вышли из комнат к Мали. А затем все вместе покинули гостиницу.

Лама Цырен с близнецами ждал нас у входа. Он был очень обеспокоен, сказал, что нас не было почти три дня и что пора уходить из тайной страны. «Слишком сложные ловушки вы преодолели, силы ваши почти на исходе», — сказал он.

В саду опять появилась тропинка, по которой мы дошли до чайной палатки. Там нас уже ожидал мужчина, который оказался мужем Мали. Обеспокоенный её долгим отсутствием, он понял, что Мали пошла искать близнецов. Он нашёл её письмо, в котором мудрая женщина точно указала место встречи и то, сколько придётся ждать. Оказалось, муж Мали прождал её почти две недели. Лама Цырен попросил у торговца чаем бумагу и ручку, я за пару часов переложил на бумагу книгу, которую выучил в хранилище. Мали и её муж помогли нам добраться до чайного магазина. Их семья оказалась достаточно богатой. В благодарность за участие в вызволении старших сыновей муж Мали

купил нам билеты до Дели и оттуда — до нашего родного города.

Так получилось, что лама Цырен был прав. Через два месяца с начала путешествия мы с ним летели в самолёте обратно домой. А книгу, которую я заучил, предстояло ещё расшифровать и составить перевод и комментарии к ней.

Дед Кала остановился и взглянул на меня. Я почувствовал, словно волна жара проникла через мои глаза куда-то в самую глубину моего существа и какое-то время находилась там. Потом жар покинул меня, а старик отвернулся.

— Вход в эту страну рядом. Тебе нужно найти его, — тихо добавил он.

ГЛАВА 5

Песнь Джанко

Я сидел за столом, медленно потягивая горячий чай из трав, и смотрел в окно. Там, за окном, на юго-восток от меня находилась вершина, покрытая снегом. Самая высокая точка здешних хребтов. Местные жители почитали её как мать и отца и часто совершали восхождения к ней, а самые преданные обходили по кругу. Они верили, что там, где-то среди этих горных хребтов, живут духи местности, духи их предков и просветлённые существа — те, чьё сознание неподвластно времени и играм страстей. Вдруг в моей памяти всплыли слова дедушки Калы, которыми он окончил свой рассказ: «Я приехал сюда жить спустя много лет после моего возвращения из того, нашего с ламой Цыреном, путешествия и стал одним из хранителей в этой местности. Такой поворот своей судьбы косвенно я вычитал в той книге, что мне пришлось заучить там. Ты тоже, мой мальчик, связан с этой страной. Именно поэтому ты здесь, хоть и не понимаешь пока эту вашу связь. А теперь иди к себе. Тебе, верно, ещё готовить завтрашние уроки для наших шалопаев. Да и мне нужно сделать вечернюю практику. Подумай о том, что я тебе рассказал и выбери из тысячи вопросов, возникших в твоей голове, три самых важных. Завтра мы поговорим о них».

«Хранителем чего стал дед Кала? — размышлял я. — Зачем этой местности нужен хранитель? Что здесь происходит?» Мой пытливый ум не мог успокоиться и отказывался остановиться на трёх вопросах. Что говорилось в книге, которая могла помочь живым существам? Зачем мне нужно найти вход в эту страну? И как я с ней связан? Почему именно я? Почему дед Кала ждал своего ухода, чтобы рассказать об этом кому-то?

Мне нужно было отвлечься от навязчивых мыслей, которые я всё равно не смог бы сейчас привести в порядок, тогда я взял змеиную флейту, последнюю из приобретённых мною как раз по дороге сюда, и легонько подул, чтобы издать первые звуки. Мелодия сама полилась, словно нектар из горлышка маленькой пузатой флейты. Мои пальцы подхватывали её, перебирали, прикрывая то одно, то другое крохотное отверстие, а губы, словно в любовном пылу, заставляли флейту трепетать, издавая чарующие звуки.

Уверяю вас, я не занимался музыкой специально и не обладал каким-то музыкальным талантом от природы. Мне просто нравилось иногда играть на флейте. И иногда это получалось. Но в тот вечер мне казалось, будто не я перебирал пальцами по гладкому телу маленького гималайского инструмента, но кто-то незримый играл для меня эту мелодию. Будто сам факир, сам заклинатель, для которого предназначалась эта змеиная флейта, явился в мою укромную комнатку, чтобы его красавицы смогли показать мне свой танец. Закрыв глаза, я унёсся далеко вслед за мелодией моей флейты и вдруг ощутил под ногами что-то упругое и холодное. Это была земля.

На долю секунды мне показалось, что я приду в ужас. Но нет, я ничуть не испугался, а, напротив, — открыл глаза и будто дотронулся взглядом до этой земли. И в то же самое время я мог наблюдать себя со стороны, как в кино. Удивительное чувство. Я сидел на го-

рячем песке, на моей голове была повязка наподобие тюрбана, а над головой светило яркое солнце. В руках у меня была та самая флейта. Звуки её мелодии переливались, будто из чаши в чашу перемещались по очереди все человеческие чувства — радость, удовольствие, нежность, боль, печаль, смирение, раскаяние, терпение, — и так по кругу. Передо мной танцевали, извиваясь, две кобры. Я продолжал играть на флейте, совершенно не прикладывая для этого усилий, и старался получше рассмотреть, где я нахожусь.

Это место было похоже на столицу, которая находилась в великолепной долине, окружённой со всех сторон горами сиреневого и синего цветов. Вдали я увидел хрустальный дворец и понял, что он представляет собой огромную мандалу. В городе был праздник. Множество людей вышли на улицы города и ждали шествия. Наконец шествие началось. Его возглавляли йогини, на бёдрах которых были белые лоскуты и на шеях бусы с черепами. За ними шли йогини. Они были совершенно голые, только на их шеях также висели бусы с черепами. Йогини танцевали танец и стучали в барабанчики, которые несли в руках. Вдруг я вспомнил, что, когда был маленьким, в нашей деревне так ходила одна сумасшедшая старуха, все показывали на неё пальцем и смеялись. И я под властью этого воспоминания оторвался от своей флейты и громко рассмеялся. Мои змеи тут же расплзлись, а взгляды всех присутствующих обратились в мою сторону. Я услышал, как они начали удивлённо переговариваться: «Почему он смеётся и показывает пальцем на йогинь? И одет он совсем не так, как подобает по случаю праздника!» Тут же я ощутил сильный испуг из-за того, что местные жители поняли, что я не из их страны, и очнулся.

Я по-прежнему сидел у южного окна своего домика. На столе лежала выпавшая из моих рук змеиная флей-

та. А за окном совсем стемнело, и ни гор, ни даже забора в десяти метрах от дома уже не было видно.

Вот теперь я пришёл в ужас. Все знают, что очень легко путешествовать во сне. Но вот так — «уснув» за игрой на флейте... бывать в других мирах мне ещё не приходилось. «Слишком много информации», — подумал я. Прибрал на столе перед отходом ко сну и подошёл к своему походному алтарю. «В конце концов, утро вечера мудренее, окончу день практикой и лягу отдыхать. Осознание происходящего требует спокойствия ума. Этим и надо заняться».

ГЛАВА 6

Моя ночь и новые истории дедушки Калы

Во время медитации я никак не мог отделаться от будораживших мой ум вопросов и просто наблюдать за ними тоже плохо получалось. Сказывались усталость и нервное перенапряжение — концентрация внимания падала, и мне никак не удавалось сохранять её. «Тебе не понравится то, что ты узнаешь», — лезли в мою голову слова. «Кто я? Кому не понравится?» — задавал я усилием воли намеренные вопросы. И снова слышал: «Истины нет, и нет НЕистины». Казалось, тот, кто говорил мне это, ощущал себя Творцом Вселенной и был не то безмятежно спокоен, не то уныло расстроен. Мне трудно было идентифицировать это ощущение. И я не стал этим заниматься. Закончив вечернюю практику, я лёг спать, надеясь быстро погрузиться в сон и отрешиться от навязчивых мыслей хотя бы на время ночи. Но не тут-то было.

Мой сон был поверхностно-прерывистым. Я то и дело ворочался с боку на бок, так что в конце концов у меня заболела голова. В районе правого виска и в носу ощущался отёк. Какие-то голоса тревожно возникали и тут же растворялись в моём сознании: «Зачем тебе идти туда?», «Кто я?», «Что я здесь делаю?».

Проснувшись в очередной раз в этом бреду, я потрогал лоб и шею, они были горячими как при повышенной температуре. Я поднялся с кровати, сделал глоток воды и вынул из своей маленькой аптечки градусник. Металлический кончик неприятно резанул холодом моё тело.

36,6 — высветились цифры на электронном табло градусника, когда он пропищал. Я снова отправил себя в кровать и приказал себе больше не выдумывать никакой чепухи.

Я снова уснул и во сне увидел дедушку Калу. Не знаю, как я его распознал. Он не обладал телом и был похож на радужный шар, хотя и шаром-то это трудно было назвать. Переливы цвета и света дотрагивались до меня, и вдруг я осознал себя камнем, лежащим под лучами солнца. Они скользили по гладкой поверхности моего тела, передвигаясь от одной моей стороны к другой. И в тот момент, когда солнечный луч покидал какую-то часть меня камня, я готов был умереть. Я готов был всё на свете отдать, лишь бы этого никогда больше не происходило. Но у меня ничего не было. Я был всего лишь булыжником на склоне горы.

Проснулся я от того, что моё сердце колотилось так, будто за мной гнались люди с ружьями, которые собирались меня убить. Такой необъяснимый страх сковал моё сердце и грудь, что я с трудом мог вдохнуть. Прямо на кровати я сел в позу лотоса и принялся дышать животом. Никогда у меня не было подобных панических атак. В первые годы монашеской практики, бывало, мне снились кошмары, связанные с родными, в основном с матерью и братом, но после этого ночного страха, который отнюдь не был кошмаром, а был именно необъяснимым ощущением ужаса, я готов был сказать, что никогда ранее не испытывал страха.

Светало. Наблюдая за дыханием, постепенно я расслабился, выпил воды с содой и снова лёг спать. Оста-

ток ночи, точнее раннего утра, я старался контролировать своё дыхание даже во сне. Утром мне предстояло провести три урока, а потом я собирался навестить дедушку Калу. И мне не терпелось поведать ему о своих переживаниях.

Когда я вошёл к дедушке, он сидел за столом и, прихлёбывая чёрный чай с молоком и маслом, смотрел на огонь.

— Входи, Джанко. Сегодня мне получше, — хитрая игривая улыбка плясала на губах Калы. — Чай будешь?

— Спасибо, — растерялся я, не ожидая увидеть дедушку в таком приподнятом настроении, — не откажись.

Мы сидели за столом, повернувшись к печи, сквозь прозрачную дверцу которой было видно, как большие и маленькие языки пламени танцевали свой огненный танец.

— Решил ли ты уже, какие три самых важных вопроса хочешь задать после вчерашней истории? — спросил старик.

— Дедушка, я не смог выбрать, — сокрушённо произнёс я, — у меня был очень странный вечер и ещё более странная ночь...

— Они и должны были быть такими, — продолжал улыбаться дед, всё отхлёбывая из чашки.

— Дедушка Кала, мне кажется, вчера я случайно попал в ту страну, в которой ты побывал с ламой Цыреном. Я не понял, как это произошло, звуки змеиной флейты, которую я купил по дороге сюда, перенесли меня в неё.

Я рассказал деду Кале всё, что со мной произошло накануне. И про страну, и про сны, и про необычный образ Калы, который привиделся мне ночью, и про камень, которым я оказался. Я надеялся сразу получить разъяснения, но старик лишь пожал плечами,

снова улыбнулся и подлил мне горячего чая. Тогда я продолжил:

— Мне кажется, про эту страну рассказывал мне один из молодых монахов в монастыре, где я учился. Сегодня по дороге в школу я вспомнил эти его истории. Он всё хвалился, что бывает там со своим учителем.

— Что же он рассказывал тебе? — дед Кала заинтересовался.

Его звали Бадма. Первый раз он говорил, что упрямил своего учителя взять его с собой. Его учитель согласился, и вечером они поехали туда на лошади учителя. Учитель сел на неё верхом, а Бадме сказал держаться за её хвост, закрыть глаза и не открывать, пока учитель не скажет. И вот лошадь поскакала, сначала Бадма цеплялся ногами за землю, а потом перестал. Бадма понял, что они летят, и сказал, что, когда ноги его опять коснулись земли, от страха минут пять он не мог выпустить хвост лошади из рук.

Когда Бадма открыл глаза, он увидел, что стоит на окраине города. И люди там ходят все в светлых одеждах, а иногда и голые совсем. Учитель Бадмы пошёл по своим делам, наказав Бадме строго-настрого никуда не отходить от лошади ни на шаг. Бадма ждал учителя несколько часов. Через какое-то время ему стало совсем скучно. И ведь глупо прилететь в волшебную страну и ничего не увидеть? Тогда Бадма стал разглядывать окрестности и увидел недалеко какой-то сарай. И, решив, что ничего с привязанной лошадью не случится, он добежал до сарая и заглянул в него.

У одной из стен Бадма увидел сундук. Когда он его открыл, он немного ослеп от сияния, исходившего оттуда — сундук был полон драгоценных камней, все они были разноцветные и величиной с кулак. Бадма набил ими карманы, насыпал за пазуху. И побежал обратно к лошади. Он вовремя успел, потому что вскоре

пришёл его учитель, оседлал лошадь и указал Бадме на её хвост, чтобы он опять за него хватался. Тронул поводья. Но лошадь не смогла даже двинуться. Учитель тихонько стукнул лошадь по бокам, но она не сделала ни шага. Учитель повернулся к Бадме и спросил: «Ты что себе в карманы сложил, ну-ка быстро выкидывай!» Бадма со вздохом начал высыпать камни из карманов. Потом он опять взялся за хвост лошади. Лошадь не двигалась вновь. Учитель обернулся и с укоризной взглянул на Бадму. Тот, виновато повесив голову, высыпал все оставшиеся камни. Вот теперь лошадь махнула головой и поскакала по траве, потом полетела, и так они вернулись домой. А Бадма был наказан — всю ночь он учил текст из большой книги учителя.

— Это всё, что рассказал тебе Бадма? — спросил Кала, снова подливая мне горячего чая.

— Нет, дедушка, он и второй раз летал в ту страну!

— И что же произошло во второй раз?

— Бадма придумал, как провезти камни в наш мир! Он набил седельные сумки лошади камнями. И лошадь довезла их, а когда Бадма их вытащил, то это оказались простые камни. Вот!

Дедушка Кала покачал головой:

— Что же, Бадма был ещё молод... И чтобы ты лучше понял и подготовился к путешествию, которое тебе предстоит, сейчас я расскажу ещё две истории про эту волшебную страну.

Джанко устроился поудобнее и стал внимательно слушать новый рассказ дедушки.

— Первая история про Будду Шакьямуни. Был у него ученик Ананда. Как-то он спросил у Будды: «Неужели же все жители этой страны такие чистые люди? Даже последние крестьяне? Не может этого быть!»

«А ты проверь», — улыбнулся Будда.

И Ананда отправился посмотреть, как живут чистые люди. Он дошёл до первого попавшегося домика,

в котором был только маленький трёхлетний мальчишка. Он бегал по двору вместе с птицами, размахивая руками.

«А где твои родители?» — спросил Ананда.

«В поле, пашут землю», — и махнул в ту сторону, где были его родители.

Ананда пошёл в поле. Мужчина и женщина в светлых одеждах шли вдоль поля, держали плуг, который тащили два вола. Ананда добежал до них и, запыхавшись, держась за сердце и изображая ужас на лице, пролепетал: «Это ваш ребёнок такой тёмноволосый, маленький, играет с птицами во дворе?»

«Да, наш», — ответили ему родители. «Так вот, он, играя, залез на крышу дома, не удержался там и упал. Он совсем разбился».

Мужчина остановил волов: «И что с ним?» — «Да я проверил, он умер, не дышит совсем».

Мужчина и женщина переглянулись: «Умер наш сын, но нам надо продолжить пахать».

И они пошли вслед за волами по пашне.

Ананда ушёл, немного подождал и второй раз прибежал к крестьянам: «Уважаемые, я прошу у вас прощения. Я ошибся. Это сын ваших соседей разбился! Не ваш».

Крестьяне опять переглянулись: «Хорошо, что сынок наш жив. Плохо, что у соседей такая беда». И они продолжили пахать дальше.

Озадаченный Ананда вернулся к Будде Шакьямуни. И рассказал ему историю про крестьян.

— Вот теперь скажи, какой урок ты извлёк из этой истории? — обратился дед Кала ко мне.

А я, чуть подумав, робко ответил:

— Дедушка, урок, должно быть, такой, что простые крестьяне в чистых землях избавились от привязанности, и Ананда это проверил дважды. Первый раз, когда сказал им, что их сын умер, а они продолжили

свою работу. И второй раз, когда сказал, что их сын жив, и они опять продолжили свою работу.

— А вот тебе ещё одна история, — удовлетворённо кивнул дедушка Кала, — она произошла с одним из моих первых учеников много лет назад. Он уж очень сильно просил меня перенести его в чистые земли. Он так старательно выполнял все задания, читал практики, что я подумал — он готов к тому, чтобы попасть в чистые земли. Я объяснил ученику новую практику, мы сели с ним в медитацию. Надо было растворить из своего тела сначала землю, потом воду, огонь и воздух. Так мой ученик оказался в чистых землях. Там он сначала познакомился с мастером, который на гончарном круге изготавливал кувшины. Поучился у него. Потом он встретился с мастером-кузнецом, с мастером-каменщиком. Затем он попал к повару. Умелый повар мастерски разделявал тыкву, казалось, он делает это шутя и играючи.

— Как ты достиг такого мастерства? — спросил он его.

— Я люблю Путь, а он выше простого мастерства. Поначалу, когда я занялся разделкой тыкв, я только их и видел перед собой. Но через пять лет работы я перестал их видеть. Я стал полагаться не на органы чувств, а на осязание духа, на своё духовное желание. Доверившись Небесному порядку, я проникаю во внутренние пустоты, минуя кожуру, добираюсь до косточек. Обыкновенный повар меняет свой нож раз в месяц — потому что он рубит им. Хороший повар режет ножом и меняет его раз в год. А я пользуюсь своим ножом уже двадцать лет, а он по-прежнему острый, словно вчера сошёл с точильного камня. Я работаю быстро и легко. Когда же я подхожу к трудному месту, я сосредотачиваю все своё внимание, двигаясь медленно и плавно, веду нож старательно. И тогда мне все удаётся — тыква распадается, словно сама по себе.

Ещё он встретил столяра. Этот краснодеревщик славился своим мастерством вырезать из дерева рамы для колоколов. Казалось, что сами боги помогают ему в работе, настолько красивым получался результат работы. Прослышав о его мастерстве краснодеревщика, он стал выпытывать у него, знает ли тот какой-либо секрет, позволяющий ему достигать таких превосходных результатов.

— Да, есть у меня такой секрет, — признался краснодеревщик. — Когда я решаю начать работу над рамой для колоколов, я начинаю поститься, чтобы успокоить свои душу и сердце. Через три дня поста я уже не думаю о наградах и деньгах, которые получу за работу, через пять — избавляюсь от мыслей о почестях, хвале. Через семь дней поста для меня перестает существовать все, даже о самом себе я забываю. Все мои духовные силы направлены только на работу, которая захватывает меня полностью. Тогда я отправляюсь в лес за деревом для рамы, долго брожу там, выбирая совершенные породы деревьев, вглядываясь в их небесную сущность. А потом я начинаю работать с этим небесным материалом со всей силой своей души, данной мне небесами. Поэтому и результат получается божественным.

В конце он встретил искусного плотника. Тот чертил от руки точнее, чем с помощью циркуля и линейки, его пальцы были ловки, и их действия не зависели от его мыслей и желаний. Сознание его не знало никаких преград. Мы забываем о ноге, когда нам не жмёт обувь. Мы не думаем о дыхании, когда у нас нет проблем с лёгкими. Мы забываем о пояснице, когда пояс халата не жмёт. Мы забываем о «правильном» и «неправильном», когда наш ум нам не мешает. И мы не меняемся внутри и не увлекаемся внешними вещами, когда нам не мешают наши дела. Не иметь преград с самого начала — значит не создавать себе преград даже забвением преград.

Так он весь день ходил от ремесленника к ремесленнику. И по его лицу всё сильнее и сильнее было видно, что он разочарован. Видно, ждал он каких-то необычайных чудес от жителей чистых земель. Наконец, в конце дня мой ученик увидел йогина, который летел по небу. Он очень обрадовался. А когда вернулся назад, стал мне рассказывать, что весь день ходил по городу, просил дать ему учения. И попробовал все ремёсла, даже хлеб пёк. Только одно настоящее чудо увидел — йогина, который летел по небу.

Я был сильно расстроен, что ученик не понял, что люди, которые учили его ремёслам, — они и были настоящими мастерами. Они смогли научить его своему ремеслу за очень короткий срок. А тот йогин, который летел по небу, это индийский саду, который случайно залетел в чистые земли — похвастать своими сиддхами. Прошло несколько месяцев, прежде чем мой ученик понял, какие уникальные знания он получил в чистых землях от мастеров. И как он ошибался, когда говорил, что ничего особенного с ним в тот день не произошло.

Моя чашка опустела. Дедушка Кала уже давно не подливал нам чая из термоса. Видно было, что он устал и сегодня рассказывать больше ничего не будет. За окном снова было уже темно. Мне нужно было торопиться, если я хотел подготовиться к урокам нового дня. Несмотря на то что я не получил конкретных ответов на свои вопросы, настроение моё улучшилось, в голове прояснилось, а переживания прошедшей ночи отступили. Я готов был двигаться дальше. Старик, словно прочитав мои мысли, встал занавесить окна и проводить меня.

— Ты прав, мой мальчик, на сегодня достаточно разговоров. Эта новая информация и наше общение заставляют твои психические силы возрастать и адаптироваться быстрее. Здесь, в окружении природы и малолюдной общины, ты скоро научишься управлять

своей энергией. Я буду занят несколько дней и сам найду тебя, как только освобожусь.

Мы попрощались, и я, по какой-то неведомой мне причине, очень довольный и спокойный, пошёл к своей избушке. Тогда я ещё не знал, что события следующих дней снова толкнут мои душевные качели так, что осознать происходящее я смогу, уже только достигнув той самой страны.

ГЛАВА 7

Лапша, которую едят только ложкой, музыкальный концерт Джиты, чёрный кот и демоны в долине

— В столовую! В столовую! — крича, толкая друг друга, дети наперегонки рванули из класса.

«Они словно предчувствуют звонок», — усмехнулся я про себя. Удивительно, но так и было. За несколько секунд до звонка они уже были готовы бежать. Вот уж куда-куда, а покушать этих школьников лишний раз приглашать не надо. В большой семье, как говорится...

Я собрал папки и тетради и, пропустив вперёд замешкавшегося второклассника, тоже направился на обед.

Учителя в общинной школе принимали пищу вместе с детьми. Иногда за отдельным столом, но чаще — там, где оставалось место. Впрочем, малыши всегда рады были и пропустить учителя вперёд без очереди, и донести поднос с едой до стола, и усадить его рядом с собой за стол.

Я получил свою порцию лапши и овощей с лепёшкой и огляделся. Учительский стол был уже занят. Вдруг от столика у самой дальней стенки поднялась рука и отчаянно замахала мне. Это был Мани. Просто-

душный, наивный, преданный тому, кто даст конфету или защитит от насмешек других мальчишек. Таких, как он, обычно называют «дурачок» и дразнят, чтобы посмеяться над его реакцией. У Мани не было отца, а про мать говорили «у неё что-то с головой»: она могла лежать днями и неделями, не вставая с кровати и не проявляя ни малейшего интереса к сыну. Однажды Мани порезался ножом, когда делал себе бутерброд из привозного хлеба. Рана оказалась глубокой, кровь так и текла из большого пальца. Он подбежал к матери, а она, не отрываясь от своего занятия и не сказав ни слова, заклеила её липкой лентой, на которую ловили мух.

— Садитесь со мной, учитель Джанко! — переполненный счастьем, произнёс Мани, когда я подошёл к его столу со своим подносом.

— Спасибо! — я занял место между Мани и ещё одним мальчиком по имени Акил.

Стол был длинный, ребята ели, гогоча и болтая без умолку. Перед самым моим приходом кто-то рассказал удачную шутку, и теперь они никак не могли успокоиться. Я пожелал всем приятного аппетита и потянулся, чтобы взять свою вилку.

— Учитель Джанко, никому нельзя есть лапшу вилок! — вдруг очень серьезно сказал Акил.

— Почему? — удивился я.

— Мы так не делаем! Никто так не делает в долине! Это неправильно!

— Но ты не ответил на мой вопрос, Акил. Всё же почему нельзя? — повторил я спокойно.

— Нельзя прокалывать лапшу, нельзя резать хлеб ножом! Хлеб мы ломаем, а любую лапшу кушаем ложками! Так положено! — Акил раскраснелся. Видно было, что он очень недоволен и возмущён.

— В моем монастыре были другие традиции, Акил. Я могу есть лапшу вилок. Извини, если я задел этим

твои чувства, я не хотел этого. Просто я делаю так, как привык. А ты — так, как тебя научили, — стараясь говорить мягко и благожелательно, ответил я.

Настроение Акила было испорчено. Он не ожидал ни такого ответа, ни моей смелости действовать по-своему. В закрытой общине, пусть и большой, даже огромной по современным меркам, и уже не такой закрытой — ведь в последние десятилетия эти места стали принимать новую кровь, — самым страшным оставалось думать не так, как все привыкли. Это означало стать изгоем и навсегда потерять уважение и любовь даже тех, кто дал тебе жизнь. А это было пострашнее самой смерти. Человеческий ум многое понимает превратно. И, слава защитникам, благодаря нашей практике мы можем его менять и наставлять и учимся терпеливо объяснять ему вечные истины, как младенцу. Но некоторые готовы слушать только того, кто уже распят ими же самими...

Прошла неделя, но дед Кала не давал о себе знать. Пару раз я видел в его домике зажжённый свет и слышит дедушки, склонившегося над чем-то, что издали напоминало книгу. Видимо, он изучал что-то или что-то записывал. И, так как Кала ясно дал понять, чтобы я не беспокоил его, пока он не освободится, я занимался своими делами и старался не тревожить понапрасну мысли о предстоящем путешествии. Через два дня должен был наступить Новый год по григорианскому календарю, или новому стилю. По этому случаю меня пригласили на праздничный концерт, который давала музыкальный педагог, руководитель хора, организованного в поселении, певица Джита.

В общинном клубе, в центре селения исконно местных жителей, решено было праздновать самую новогоднюю ночь. А этот концерт проводили в Центре творчества на той же поляне на окраине поселения, где жил приезжий люд и где посчастливилось поселиться мне.

Считалось, что на этой поляне живут «Йожики», как их насмешливо называли местные, или ещё говорили — «люди с экстремистскими взглядами».

Эти люди интересовались искусствами, здесь было много художников, которые искали уединения, знахарей, отказавшихся наотрез от современных медицинских методик, и аскетов, застрывших в ожидании организации нового мира, основанного на всеобщем равенстве и благе. Последним было особенно тяжело. Они выглядели болезненно и измождённо, были худыми и бледными, хоть и имели тёплый кров и пищу. Казалось, по какой-то причине они приказали жизни покинуть их тела и оставить ровно столько, сколько необходимо, чтобы поддерживать в них это ожидание. Впрочем, всех их объединяли идея жизни в чистом природном месте и это общее место под солнцем. А потому среди них за годы образовалась активная творческая группа, которая периодически организовывала мероприятия для этой немногочисленной разношёрстной поляны. Джита успевала подпевать и подыгрывать «и нашим, и вашим», поскольку была единственной признанной классической певицей во всей провинции.

«Праздничная классика высоких мистерий» — звучало название концерта. Небольшой зал был заполнен. Здесь было много людей, с которыми я успел подружиться. Впрочем, многих я видел впервые. Они не жили на поляне. Судя по внешнему виду, одни были гостями приезжих, а другие — их друзьями, живущими в основной части поселения.

Джита сидела за старым роялем, играла и протяжно пела своим высоким голосом печальную мелодию, в которой говорилось о сотворении мира, высшем разуме и космическом законе, который есть один на все мириады вселенных, нерушимый, непреодолимый и непостижимый простым человеческим умом. После

выступила худенькая юная скрипачка — также печально и проникновенно. Затем женский хор под руководством Джиты а капелла исполнил несколько старинных «песен-чаяний женского рода». И, наконец, в завершение притушили свет, направили на настенный мобильный экран проектор и включили европейскую классическую музыку на компьютере. На экране же высвечивались черно-белые картинки — городские зарисовки разных лет разных стран и народов. Гости сидели, безмолвно глядя на эти картинки. И непонятно было, смотрят они на то, что пляшет под музыку на экране, или видят перед собой что-то ещё — что-то только своё.

В этот момент со второго этажа спустилась девочка лет пяти, она принесла с собой книгу и села на пол, с краешку. Вероятно, она приходила сюда иногда с родителями и потому знала, что наверху — игровая комната, а в коридорах — стеллажи с детскими книгами. Других центров или игровых площадок, где можно было бы собраться детям в свободное время, в поселении не было, и часто люди, живущие по соседству, отпускали своих малышей сюда поиграть, даже если никаких мероприятий не проводилось. И в этот раз девочка была одна. Мне показалось, она заскучала наверху и потому спустилась в нижний зал, где было много людей. Сидя на полу, она начала листать свою книгу, рассматривая картинки, страничка за страничкой. Книга была большая, и странички иногда не поддавались детским пальчикам с первого раза. Но яркие истории на картинках, видимо, настолько уносили девочку в её детских фантазиях в загадочные королевства, что она, совсем не обращая внимания на трудности, листала, и листала, и листала. Внезапно пожилая дама, сидевшая в предпоследнем ряду, словно хищная птица подлетела к девочке, выхватила книгу, закрыла

её так, что малышка вздрогнула, отодвинула подальше и, не проронив ни слова, вернулась на своё место.

Девочка отчаянно заморгала, как будто соринка попала ей в глаз, встала с пола, наспех оделась, если только можно про пятилетнего ребёнка сказать «наспех», когда он одевается самостоятельно, и вышла из центра.

Мне захотелось уйти за ней. Догнать, обнять и сказать, что люди иногда ошибаются и эта пожилая женщина на самом деле не хотела её обидеть. Но я был словно прикован к своему месту. Из моих глаз тихо брызнули слёзы. И я сидел, глотая их и слизывая солёную воду со своих губ. Из колонок грянули фанфары, а на экране сменилась картинка. Возможно, всё дело в музыке, но неведомая сила подняла меня с места и направила к пожилой женщине, продолжавшей наслаждаться концертом. Я наклонился к ней и попытался отойти со мной в коридор.

— Зачем вы это сделали? — спросил я непонятно откуда взявшимся металлическим голосом, когда мы оказались среди сваленной у входа обуви и брошенной на крючки, которых, по-видимому, никогда не хватало, верхней одежды.

— Что я сделала? — не поняла меня женщина.

— Почему вы выгнали девочку? — повторил я свой вопрос.

В свете коридорной лампы лицо женщины приобрело ещё более испуганный вид, чем было на самом деле. Если бы я не знал, что это сделала именно она, я бы подумал, что обознался и по ошибке обращаюсь не к тому человеку — такое непонимание растеклось по всему её облику.

— Ах, вы об этой девочке... Она мешала нам всем слушать концерт! Она так громко шелестела страницами, что мешала всему залу! — выпалила женщина.

— Но этому ребёнку от силы пять лет! Вы понимаете, что малышка в этом возрасте не задумывается о том, что её действия могут кому-то помешать! Вы могли объяснить ей, могли попросить перейти в другое место, могли предложить свою помощь и отвести её на диван у полки с книгами! Но вы взяли и грубо закрыли перед ней книгу! Вы отобрали игрушку у ничего не подозревающего ребёнка!

— Но концерт! Она же нам всем мешала слушать! — снова, но уже не так уверенно, как в первый раз, произнесла дама.

— Чем этот ваш концерт важнее её книги?! — выпалил я, совсем потеряв самообладание, и голос мой загремел так, что сидевшие ближе к нам задние ряды обернулись в недоумении.

— Но наши дети, давно выросшие в долине, спокойно реагировали на подобные действия. Почему вы думаете, что я её обидела? — снова попыталась возразить пожилая дама.

— Потому что я видел её лицо. А если ваши дети воспринимали такие ваши действия как само собой разумеющееся, скорее всего, вы вырастили безвольных трусов, для которых существует одно мерило — кто сильнее, тот и прав.

Во взгляде дамы появилась отрешённость. На несколько мгновений она как будто исчезла, потом вновь проявилась, тихо произнесла: «Я пойду» — и пробралась к своему месту, где её ждал такого же возраста лысоватый мужчина. А я влез в свои сапоги, накинул куртку и вышел на свежий воздух. «Драгоценный Учитель, неужели для этого я должен был здесь оказаться? Что творится в этом красивейшем месте и его заблудшей общине? Контраст — вот что не даёт мне покоя и не позволяет оставаться в равновесии. Контрастирующие проявления реальности, которые я воспринимаю отдельно друг от друга».

Придя домой, я напрямик отправился в гомпу, и на этот раз я не просто совершал вечернюю садхану. Я просил просветлённых учителей простить мне мою пылкость, так как я продолжаю путь к самообладанию, просил помочь этой девочке и её семье во всех делах, просил даровать им удачу и мудрость, просил помочь этой женщине выдержать мой сегодняшний напор, просил даровать ей силы на понимание и прощение.

Начались новогодние каникулы. Школьники отдыхали, занятий в школе не было, а у меня временно стало больше времени для моей медитативной практики. Дедушка Кала приходил ко мне и сказал, что придётся ещё подождать, что он заканчивает какую-то серьёзную работу и совсем скоро мы сможем продолжить то, что начали. Дни текли размеренно, других гостей у меня не было, и я начал подготовку к недельному ретриту на устранение кармических препятствий, как вдруг однажды вечером заметил, что у моего кота сильно загноились глаза.

Я иногда лечил животных, путешествуя с моим Учителем и помогая ему в выполнении его обязанностей. Но никогда ещё я не видел ничего подобного. Боковые веки с внутренней стороны у кота распухли так, что вываливались наружу и закрывали почти две трети глаза. Это была очень странная картина. Из глаз тек белый гной в таком количестве, что я не успевал его смывать. Несколько дней я пробовал промывать ему глаза крепким чаем, но никаких улучшений не было. Я задумался.

Дело в том, что этого кота передала мне на содержание одна пожилая пара. Они гостили в долине у сына, когда мы случайно познакомились. Точнее, нас познакомила их кошка, которая бросилась мне под ноги в тот момент, когда я проходил мимо их дома. Мужчина и женщина были на улице и, увидев меня, ошарашенного вниманием их кошки, рассмеялись. Так мы стали

ходить друг к другу в гости на утренний кофе. Они очень напоминали мне моих родителей. А прямо перед их отъездом кошка их сына родила котят. Оставили одного. Его мне и подарили как хранителя и защитника. Котёнок сплошь был чёрным, а когда подросток — на животе у него проявилось одно белое пятнышко. Какое только имя я ни пытался ему дать. Но ни одно к нему не прирастало. Так и остался он в итоге просто Котом с большой буквы. Ну, и ещё другом и маленьким мурлыкой.

Зная, что у любой болезни есть первопричина энергетического характера, я отправился к своему алтарю, чтобы выполнить защитную практику и разобраться в причинах болезни моего четвероногого друга. Кот тут же свернулся в клубочек у моих ног. Только я начал читать мантру, как услышал мыслеголос: «Это же твой защитник. В него вошёл демон. Так как действовать он может только через глаза, кот закрыл себе глаза, чтобы не навредить тебе».

Я доделал практику и сел на подушечку на полу передохнуть и обдумать всё ещё раз за чашкой чая. Кот тут же забрался ко мне на колени и стал ластиться ко мне всем своим кошачьим телом. Я погладил его по голове, и вдруг мой взгляд упал на нечто, что выглядело как огромная чёрная бородавка. Она росла за левым ухом кота. Я осмотрел её со всех сторон и понял, что это никакая не бородавка, а самый настоящий клещ, который впился в кожу кота среди зимы и уже успел раздуться до довольно больших размеров.

Я слышал, что в этой местности много кровососущих насекомых, многие из которых могут переносить опасные заболевания. Впившись в кожу человека или животного, они заражают его кровь своим ядом, а это ведёт к отравлению, которое может выглядеть даже как смертельная болезнь. Мне рассказывали, что по весне от этих насекомых здесь погибает много ло-

шадей, которые из всего скота наиболее чувствительны к яду. Но сейчас была зима. Где мой кот подцепил клеща, для меня оставалось загадкой.

Я попробовал самостоятельно удалить клеща так, чтобы не повредить его на всякий случай. Но кот не был столь терпелив. Только почувствовав инородное тело на себе и узнав о его местонахождении, он тут же сам вырвал клеща когтями вместе с верхним слоем своей кожи.

Я заварил коту очищающую кишечник смесь из трав и всю следующую неделю понемногу вливал ему её каждый день из пипетки. Поначалу мой свободолюбивый питомец, конечно, злился на меня. Ему приходилось часто и с громким мяуканьем подбегать к двери и, скребясь от напряжения и боли в животе когтями в дверь, раздирать её утеплитель. Не потому, что я долго не мог его выпустить — скорее, потому что лекарство действовало быстрее, чем я передвигался по дому. Но мало-помалу отёк с кошачьих век стал спадать, и его глаза начали придавать ему прежний довольный, а чаще — самодовольный, как у всех котов, вид. И чем больше я читал защитные мантры для полного освобождения своего четвероногого хранителя от демона болезни, тем больше сам понимал природу демонов, заполонивших общину.

ГЛАВА 8

«Вода чистая, Ананда!»

Прошло полтора или два месяца. Хотя, наверное, даже три. Я сбился со счёта дней и недель. Ничего интереснее обыкновенной жизненной суеты не происходило. Я уже привык к тому, что один день в точности походил на другой. А может, это и был один день, который я принимал за множество... И вот что удивительно — в тот самый момент, когда я ощутил эту мысль, возвращаясь из школы, дедушка Кала махнул мне рукой в окно. Я проходил мимо его домика, а он будто поджидал меня у себя.

Я зашёл поздороваться. Дедушка был, как всегда, приветлив и в хорошем настроении.

— Расскажи сначала, Джанко, как твои дела? — наливая мне чай и угощая меня масляными лепешками своего собственного производства, спросил он.

Я рассказал старику всё, что со мной произошло, вспомнив и историю про чёрного кота, которая так меня тронула.

— Д-а-а-а... — вздохнул Кала. — Клещи давно терзают эту местность. Теперь вот ты сам убедился, что они могут появиться даже из-под снега. Бывает, они остаются на дровах, которые были заготовлены летом. Люди приносят их в дома, чтобы растопить печь, они

отогреваются, просыпаются и тут же начинают искать себе пищу. Я думаю, скорее всего, это и случилось с твоим котом.

— Почему раньше так не было, дедушка?

— Всему своё время, дорогой. Есть время вдыхать, а есть — делать выдох. Одно питает, другое — освобождает. Было время, когда вокруг этой местности зеленели огромные леса. Но живущие тогда вырубали леса — далеко у границ этого региона, — да и сейчас они продолжают уничтожать леса с огромной скоростью. После этого сюда пришли ветра. Ужасающие ураганы. Они летят сразу и со всех сторон. Пыль на дороге перед моим окном поднимается дыбом и летит на восток, а уже через мгновение вихрь гонит её обратно на запад. У всего теперь «появились крылья», шутят люди. Но это горькая для них шутка, потому что в своём вихревом потоке ветер поднимает всё, на что хватает его сил. И носит на огромные расстояния и клещей, и деревья, и даже гигантские камни.

— Как защититься от этого, дедушка?

— А от кого ты хочешь защищаться, дорогой? Ты сам и есть твоя лучшая защита. Всевышний играет в твоём сознании — или в своём. Разве между ними есть какая-то разница? Перестань играть — и живи. Если ты чист, то чего тебе бояться?

— Как понять, что я чист? Вот в чём дело, дедушка... Как удостовериться в этом и не терять это знание? Я помню свои демонические жизни и не могу выйти из раскаяния и страха допустить те же ошибки.

— Это и есть продолжение игры Всевышнего, Джанко. Я — ученик, и я же — учитель. Эта игра идёт, только пока она не надоест. Кто видел твои прошлые жизни? Кто раскаивается? Кто не хочет совершить ошибок и боится?

— Ум?

— Так и есть. А кто ты? Когда ты ответишь себе на этот вопрос, для тебя не останется других вопросов. Это и есть «найти то, не знаю что», как говорят в русских сказках...

— Откуда ты и это знаешь, дедушка? — рассмеялся я.

— Я знаю всё. Прошрое, настоящее и будущее. Потому что это и есть я.

Я был ошарашен, но понимал, что всё именно так и есть, как говорит дедушка Кала. Когда я находился рядом с ним, больше ничего не существовало. Ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. И наоборот. Всё это существовало одновременно. И в один момент творилось здесь же, в этой комнате, во мне, в нём. Везде. Я даже не могу описать, в каком именно месте и что творилось. Ничего не происходило, но это «ничто» и было всем во все мгновения вместе взятые.

— Когда заканчиваются уроки в школе, учитель Джанко?

— Уроки? — очнулся я, озираясь по сторонам и пытаясь сосредоточиться на вопросе.

— Да.

— Через две недели, — медленно проговорил я, так как даже для этого мне пришлось напрячь все свои способности. — Что со мной произошло?

— У тебя случилась глубокая медитация, которую я резко прервал, — ответил старик, подливая мне ещё чая. — Через две недели... Хммм... В горах к этому времени ещё немного потеплеет, значит, через две недели тебе нужно будет выдвинуться в путь. За это время ты успеешь подготовиться и соберёшь небольшую группу людей, желающих пойти с тобой. А пока я расскажу тебе притчу о чистой воде, раз уж ты сам спросил меня о том, как понять, насколько ты чист.

— Хорошо, дедушка.

— Когда Гаутама Будда, — тот, что из рода Шакьев, — объявил своему любимому ученику Ананде о прибли-

жении своего ухода в Махапаринирвану, его община двинулась в царство Кушинагар. Никто не понимал, зачем Будда идёт именно туда — царство не было ни богатым, ни пышным, ни знаменитым, не славилось мудростью своего правителя. В общем, ничего особенного нельзя было сказать об этом царстве. Но ученики Будды знали, что, если Будда принял такое решение, в этом есть истина и весь смысл бытия, как и в любом другом его решении.

По пути они остановились в местечке Пава, в манговой роще богатого кузнеца Чанды. Тот пригласил всю общину на обед, одним из блюд которого оказался трюфель — «земляной гриб, который любят свиньи и дети» (*sukara-maddava* — так называется это блюдо в «Махапариниббана-сутте»). Будда, посмотрев на это блюдо, увидел, что хозяин отступил от рецепта его приготовления и в грибах остался яд, который они имели от природы. Будда не мог отказать своему почитателю и не попробовать блюдо, приготовленное специально для него, потому он съел эти грибы, а остатки попросил гостеприимного хозяина закопать в землю и никого больше не угощать этим кушаньем, так как никто, кроме Татхагаты, не сможет его переварить. После этого Будда с учениками продолжили своё путешествие. По пути Будда почувствовал себя плохо и попросил Ананду, который всегда был подле него, принести ему воды из реки. Ананда отправился к ближайшей реке, оставив учителя ожидать его возвращения в тени деревьев. Но когда он спустился к реке, то обнаружил, что её вода мутная. Он очень огорчился, что не может выполнить просьбу учителя и побежал обратно убедить Будду добраться до соседней реки, где Благодатный смог бы и напиться, и искупаться. Но Будда, выслушав его, сказал только: «Вода в реке чистая, Ананда!» Тогда Ананде пришлось ещё раз спуститься к реке, и он снова увидел её мутную грязную

воду. Но абсолютная уверенность в правильности действий учителя не позволила ему усомниться в словах Будды. И он зачерпнул мутную воду из реки своей чашей для подаяний. По мере того как вода заполняла чашу, на глазах изумленного Ананды она становилась чистой. Вернувшись к учителю, он подал ему воды, и тот, испив, почувствовал облегчение.

Я шёл домой, ещё ощущая блаженство этой встречи с дедушкой Кала. Мне предстояло удивительное путешествие, но ещё более удивительной была та ясность, которую я нёс в себе, боясь пошевелить даже мыслями, как я тогда думал о ней.

ГЛАВА 9

Последние наставления дедушки Калы

Ближе к назначенной дате дедушка Кала навел меня ещё раз и сказал, что хочет немного рассказать о том, что ждёт меня в ближайшее время. Поднимался ураган, один из тех вихревых ветров, про которые мы беседовали в прошлый раз. Поэтому мы зашли ко мне в дом, и на этот раз, так как я был хозяином, я разливал чай и угощал дедушку сладким рисом с самолепными конфетами из сухофруктов.

— В нашем поселении есть одна семья: дед с внуком, — начал Кала, — я хочу, чтобы ты шёл с ними. Во-первых, дед — отличный проводник, он знает тонкости маршрута и проведёт тебя по самому короткому и безопасному пути. А во-вторых, без внука он не пойдёт, так как слишком любит его, да и тебе нужна компания. Иногда эмоции будут захватывать тебя, вот тогда эта компания тебе очень пригодится. Парень он хороший, чуть старше тебя, страшный авантюрист. Своим задором он будет вселять в тебя смелость и решимость идти вперед. В общем, не успеете соскучиться, как будете на месте, — дедушка рассмеялся, а я, сказать по правде, впал в какое-то необъяснимое напряжение. Эта моя привычка ко всему подходить чересчур ответственно

никак не давала мне свободно дышать. Мне думалось, то одно нужно получше понять, то другое. Мысли путались. Ум никак не мог остановиться на том, что же важнее, и хотел объять необъятное. От этого я сразу начинал терять силы, чувствовать слабость и сонливость.

— Э, нет, так не пойдёт, дружок. Тебе нужно успокоить ум, — продолжил дедушка, заметив мою растерянность. — Первое ощущение, которое тебе предстоит укрепить в себе, — это доверие. Но укреплять его нужно не умом. Он тебе в другом поможет, но не в этом. Укреплять его нужно в медитации и расслаблении. Ты и так уже несёшься в потоке. Он то более стремительный, то менее стремительный. Но ты УЖЕ едешь в правильном направлении. Тебе нужно лишь научиться чувствовать свой поток, его направление, а это возможно только в расслаблении, в спокойном состоянии ума. И перед походом, и во время похода — больше наблюдай за дыханием и всё время медитируй. Больше ничего не нужно.

Теперь слушай внимательно, отбросив все сомнения.

Существует градация видов зрения: телесное или «мясное зрение», «зрение богов», «зрение мудрости», «зрение стоящих на пути Просветления», «зрение Просветлённого». От рождения человеку дано лишь «телесное зрение». Но человек может достичь и более высокого уровня. Выйдя за пределы «телесного зрения», человек может видеть сокровенные страны, в том числе и Калапу, — такими, какими они предстают в описаниях великих мудрецов прошлого. «Зрению Просветлённого» мир открыт полностью.

Причина недоступности Калапы кроется не в ней самой, а в сознании обычных людей, не позволяющем видеть святых существ и их страну.

Путник, отправившийся в Калапу, будет умерщвлён в пути свирепыми существами, пьющими кровь, и свирепыми существами с чешуйчатой кожей. Трудности и смертельные опасности подстерегают на этом пути, но для преодоления их нужны практики и ритуалы — с их помощью ищущий путь подчинит сверхъестественных существ.

В старинных текстах говорится о трёх способах, которыми можно попасть в Калапу: в реальном путешествии — в физическом теле, ментальном — в состояниях особого сна либо посредством рождения в этой стране. Два первых способа требуют исключительных достижений и в наше время упадка и деградации труднодостижимы. Третий способ в нашем случае не рассматривается.

Попав в Калапу, человек узнает Истину и тогда станет свободным. Душа будет очищена, облагорожена, изменена, освобождена с помощью этой истины. Человек там вырывается из силков пространства и времени; разрушает стены, возведённые законами и обстоятельствами, реальностью, и завоёвывает настоящую свободу, высочайшую благодать, бессмертие.

Если кого-то ты встретишь по пути, возьми их с собой. Возможно, они будут полезны тебе, а ты — им, — добавил дедушка Кала и замолчал.

— Дедушка, — спросил я после продолжительного молчания, — можешь ли ты пойти с нами? Ведь ты говорил, что тебе скоро уходить, но ты крепок и полон сил. Твоё тело может жить ещё много лет, в отличие от многих твоих ровесников! Я уверен, что для тебя это не составит трудности. Я буду помогать тебе во всём! А там, где нам будет трудно, я понесу тебя на руках!

— Спасибо, сынок! — Кала улыбнулся своей самой мягкой улыбкой, такая бывает и у матери, и у отца, когда они растроганы своим ребёнком до глубины ду-

ши, — я уже был там, а тот, кто хотя бы раз войдёт в её врата, уже не покидает её, мой мальчик.

— Но ты же здесь сидишь, у меня в доме, дед Кала! — воскликнул я удивлённо.

— Я здесь, потому что ты позвал меня. Помнишь, вы с учителем ездили в большой город, чтобы участвовать в построении мандалы Ваджрасаттвы?

— Конечно! Меня так туда тянуло, что ни одного страха тогда не осталось во мне. Хотя я и не любил никогда больших городов и сомневался в том, что мне стоит туда ехать. Но это был выбор моего Учителя, и я не мог и не собирался с ним спорить.

— Ты помнишь картину, которую ты подарил ламе, что организовал это мероприятие?

— Да. Я тогда нарисовал Будду. Это была моя первая самостоятельная работа. Я сделал для неё жёлтую раму из дерева, вставил стекло, чтобы сохранить от пыли, и долго не мог понять, кому её подарить... Ведь я не представляю какой-то особенной ценности как художник, — я рассмеялся, — и в то же время я вложил в неё всё своё стремление к счастью, на которое был способен. И мне просто вдруг захотелось так отблагодарить ламу за то удовольствие, которое он доставил всем нам, организовав построение мандалы.

— Ты что-то написал на обратной стороне, помнишь?

— Да! — я чуть не свалился со стула. Как я мог забыть? Это просто-напросто вылетело из моей головы. И я еле сдержался, чтобы не выкрикнуть: — Дедушка! Я написал там: «И уведи меня из темноты сознания в свет Дхармы!» Мне всегда нравилось звучание этой фразы, и она как нельзя кстати пришлась к моей картине — ведь жёлтое лицо Будды, которого я нарисовал на чёрном, как уголь, фоне, как бы само проявлялось из тьмы!

— Наконец ты вспомнил, — с облегчением вздохнул Кала. — Вселенная имеет уши и глаза, мой мальчик! Каждое твоё действие получает ответ. А теперь пойдём, я научу тебя самой простой практике, она поможет тебе в дороге.

— Хорошо, дедушка, — я чуть не плакал от счастья, хотя это состояние вообще преследовало меня последние несколько дней неотступно. Казалось, в груди не хватает места. И то в жар бросало, то в холод. То слёзы наворачивались на глаза, то невообразимый смех, непонятно отчего возникающий, пронзал всё моё существо. В один момент мне даже подумалось, что это тело живёт совершенно отдельно от меня. И само по себе испытывает всё это. Без моего особенного участия. То одни чувства его сотрясают, то другие. А я так — в сторонке наблюдаю за тем, что происходит.

Мы поднялись на второй этаж, в крошечное пространство под крышей, где стоял мой походный алтарь. Этот уединённый уголок в доме я и использовал для медитации. Мы с дедушкой сделали гуру-йогу и сопутствующие необходимые практики, использовали специальное дыхание и растворили себя в пустоте, погружившись в медитацию. Я наслаждался. Потому что моему истерзанному волнениями уму давно хотелось просто следовать за наставлениями учителя, несмотря на то что до этого я был глубоко уверен, что мне пора взрослеть и учиться самостоятельности. И что именно для этого я попал в эту долину после ухода моего Ринпоче. Я чувствовал себя маленьким мальчиком, прикорнувшим на коленях Всевышнего и Всепросветлённого. Прикорнувшим, чтобы набраться сил для продолжения своего движения.

— Тебе придётся выйти за пределы Пространства и Времени, мой мальчик. Я буду говорить с тобой разными языками, — услышал я слова дедушки Калы в медитации, — не пугайся, это буду всего лишь я, твоя

поддержка и твоя защита. Все мои силы и знания есть в тебе, тебе осталось только вспомнить об этом, как о той надписи на твоей картине. А теперь пойдём, я покажу тебе твой главный алтарь.

Теперь уже Кала вышел из медитации, встал со своего места и подвёл меня к окну под крышей. Солнце, поднявшееся высоко над горами, светило уже с другой стороны дома. Мы стояли и смотрели в окно, обращённое своим единственным глазом на север.

— Вот твой алтарь, мой мальчик, — Кала показал за окно. — Все они — Будды и бодхисаттвы, защитники и хранители, все просветлённые существа — здесь. Каждый день. Каждый твой миг.

Сложив руки, я поклонился в окно, представляя перед собой всех своих учителей и всех просветлённых существ за ними, стараясь не отделять себя от них и не терять ощущения, что они — моя просветлённая природа. Я просил благословений и благодарил их за всё, что имею. Благодарил за то, что они делают всё это лишь по одной моей просьбе. За их бесконечное сострадание.

— Помни об этом, — сказал дедушка, похлопав меня по плечу. А теперь проводишь меня, и собирайтесь в дорогу. У тебя три дня, чтобы настроиться.

ГЛАВА 10

Первые трудности. Выбор спутника

Как обычно, когда я отправлялся в дорогу, шёл дождь. В первое время, много лет назад, я расстраивался и думал: «Почему не солнце? Возможно, это неблагоприятный знак...» Но заметив, что «неблагоприятно» и то относительно бывает, лишь когда я по каким-то причинам не успевал совершать утреннюю практику, я счёл верным изменить своё отношение к дождю в дороге. Конечно, если отправляешься куда-либо в дождь, то приятнее делать это не пешком. При этой мысли я всегда напоминаю себе посмеяться в этом месте, потому что приятности тоже относительны.

Дедушка Кала требовал, чтобы путешествие наше началось тайно. Тайно я провёл сборы, тайно, под покровом ночи, дедушка Кала познакомил меня с моими будущими спутниками.

И никто не видел, как три человека с рюкзаками покинули поселение.

Примерно месяц мы втроём шли по горам и непролазным тропам. Проводник — тот самый пожилой дедушка, которого Кала попросил сопроводить меня в Калапу и который отказался называть своё имя, попросив называть его Проводник, вёл наш маленький

отряд тайными тропами. Однажды в лесу мы даже встретили рыбаков или чёрных копателей, я не очень разобрался, и они удивлённо воскликнули, что через этот перевал невозможно перебраться, мол, никто здесь не ходит. Это была Долина Смерти, так назвал её наш проводник.

Это было ложе высохшего озера, покрытое коркой такыра с мелкими ячейками. Посередине озера возвышалась скала, придающая разнообразие монотонности плоского пейзажа. На дне озера были прочерчены десятки длинных следов, как будто кто-то тащил что-то тяжёлое. Проводник сказал, что в предсказании Оракула упоминалось озеро и мы на верном пути. Он сказал, что следы оставлены камнями, которые движутся по озеру сами собой.

Мы дошли до скалы по дну сухого озера, там подождали, пока в полдень тень от скалы укажет направление, и через день пути увидели оазис с водой. Там нас ожидала девушка по имени Вишвамата. Как выяснилось, она ждала нас несколько месяцев, и должна была уже уходить всего через день. Старик указал ей место в нашей группе, и так группа увеличилась на одного человека.

После этого мы опять двинулись в путь.

Каменная пустыня сменилась степью. Прошло три месяца.

С появлением девушки что-то поменялось в нашей группе. Как будто воздух стал звенеть и шевелиться. Я пытался спросить Проводника, но он отворачивался и уходил от ответа. Через какое-то время он запретил нам разговаривать друг с другом вообще без его разрешения. У нас стало меньше свободного времени, мы по-прежнему шли ночью и днём, оставалось только время на сон.

Мой спутник в путешествии, с которым, как и говорил мне дедушка Кала, мы сразу в момент знакомства

нашли общий язык, с каждым днем становился всё мрачнее и мрачнее. Он странным взглядом смотрел на меня, на нашего проводника и избегал общения в те редкие часы, когда проводник нам разрешал это делать.

Раньше мы оба радовались возможности поговорить, теперь он уходил в степь и исчезал там часами. Проводник заметил это и спросил, что случилось, но он ничего не ответил.

Прошел ещё месяц. Однажды вечером мой товарищ принёс из степи убитого зайца. Он сварил его и стал есть мясо. Девушка, глядя на него, стала плакать, тогда наш проводник приказал моему другу покинуть нашу команду.

Ночью я послушал разговор моего товарища и девушки. Она говорила, что любит его, но её готовили для похода в Калапу. И она не может предать всех только из-за своих чувств. Утром мы с девушкой нашли нашего проводника убитым, а моего друга в лагере уже не было.

Мы с Вишваматай решили, что всё равно мы постараемся дойти до Калапы. И мы пошли наугад, вспоминая ориентиры, о которых подробно рассказывал наш проводник.

Мне стали сниться странные сны. В них я видел прекрасную страну, и другой проводник стал приходить в мои сны. Он говорил мне, что моя рука узнает его, когда мы встретимся, в каком бы облике он ни был. Я не стал рассказывать девушке об этих снах. Проводник сообщал мне каждую ночь ориентиры на следующий день. И мы шли по ним. Вишвамата сказала — как будто сама судьба ведёт нас.

Как-то мне приснилось, что ночью по дороге мы встретим караван и люди укажут нам дорогу между гор. Так и произошло. Вскоре ночью мы встретили караван горцев, везущих соль на яках, спросили их о бе-

лых столбах, и они указали нам дорогу. Мы прошли через узкий тайный проход, мимо белого столба и ещё двух пограничных постов.

Ведомые указаниями из снов, сначала мы достигли подножия горы Кокер, на которой растёт «очень сладкая трава туяная, а также тилака — трава очень горькая». Из них сочится белая, точно молоко, жидкость. Цветы туянаи красны, как восходящее солнце в своём великолепии; её листья остры, словно лезвие боевого топора; у неё крепкие корни, и растёт она на скалах и тянется к югу. Тилака свисает гроздьями, опускаясь глубоко в бездну, цветы у неё белые, словно сосцы дикой кобылицы... Как нас учил Проводник, мы выкопали корни этих растений и совершили определённые обряды, чтобы одолеть препятствия, насылаемые злыми силами.

Затем мы исполнили двадцать один ритуал, которым нас научил Проводник, — подношения огню, — бросая в пламя лепестки жасмина, красные цветки кусумы, а потом, обрядившись в белые одежды, в венке из цветущего лотоса, который растёт на вершинах ледников, начали танцевать, испрашивая магические силы у богини Экаджати.

Дальше наш путь продолжился в горах Гандхары, где обитают хищные крылатые львы. Нам пришлось собрать убитых местными охотниками животных, из мяса приготовить жертвоприношение, а кровью на чёрной скале нарисовать свирепую богиню — демоницу Мандеку, у которой «тело ужасное, оббитое содранной человеческой кожей; зубы красные, свирепо оскаленные, когда она ест из черепа, наполненного кровью и сердцами».

У реки Сатваланы мы остановились на отдых и набрались сил, ведь её бурные воды нелегко одолеть. Вдоль речных берегов растёт красный дикий рис, и мы питались кашей из этого риса, приправленной мёдом,

который в изобилии встречается здесь в дуплах деревьев. Заговорив эту пищу с помощью мантры под названием «Драгоценность пространства», мы угостили обитающих в быстрых водах рыб. А их там кишело видимо-невидимо, самых разных, со всевозможными головами: людей, обезьян, тигров, львов, леопардов, коров, ворон, попугаев и т. д. Только после того, как ублажили рыб и их царя, он пропустил нас на другой берег.

Затем мы достигли заснеженных гор, где протекает множество речушек, впадающих в 80 000 озёр и в реку Белую — Ситу. На востоке и на западе воды её собираются в ядовитые озера. Они такие холодные, что в них не могут обитать «ни рыба, ни крокодилы, ни птицы, а лишь одни существа из преисподней». Река никогда не замерзает, однако если человек какой-то частью своего тела прикоснется к воде, то тотчас обратится в камень. По берегам высятся горы медного цвета, там тысячи пещер, где живут демоны с медными губами и лошадиными головами, женщины-полубогини из рода асуров, дочери подземных правителей — нагов, — чарами и обворожительными песнями которых нам никак нельзя было соблазниться.

На горе с пятью вершинами нас также поджидали искушения. Обитающие там существа — кинары — «всегда весёлые, преисполненные благодати, завлекательно играющие с объектами вожделения». Желая соблазнить нас, они стали прибегать к чарующим песням и восхитительной музыке. Снедаемые желанием напугать нас, они издавали устрашающие звуки и принимали ужасающие обличья. Стремясь окончательно погубить нас, они принялись дуть на нас смрадным дымом... Мы знали, что нам не подобает ни восхищаться, ни соблазняться, ни пугаться, ни отчаиваться, ни поддаваться унынию. Нам следовало лишь вспомнить

наиважнейшую максиму — Пустота не может ранить Пустоту — и, созерцая Пустоту, шагать дальше.

Когда мы смогли справиться со своими иллюзиями, к нам пришли необыкновенной красоты женщины — дакини — и указали нам дорогу к заснеженным горам.

Они показали нам травы, из которых надо было варить отвары. Достичь Калапы мы должны были не истощёнными, а полными физических и духовных сил, мистической мощи, словно «обретя новые тела, сильные и очень лёгкие».

ГЛАВА 11

Калапа

И наконец мы увидели высокие заснеженные горы, напоминающие лепестки исполинского белого лотоса. Это и были стены королевства Калапа. Миновав горы, напоминающие исполинский лотос, мы спустились в прекрасную долину, которая называется «Вечно счастливая». Сверху мы видели, что город находится в лесу, лес в три ряда, словно чётки, крепостная стена с восемью воротами, двадцать восемь городов, а в центре – столица Калапы, построенная в форме квадрата, сверкающая и лучащаяся светом.

Перед тем как войти в этот город, мы остановились для совершения последних обрядов очищения, воскурили фимиам, разбросали цветы, произнесли мантры и помедитировали. Это очищение длилось семь дней. Почувствовав, что мы совершенно чисты и не запятнаны, мы решили, что можем вступить в Калапу. Мы пошли по дороге к городу, но за день пути город не приблизился к нам. И три кольца леса, которые мы видели с гор, не приблизились ни на метр. Усталые, мы присели к дереву у дороги.

К дереву вдруг подошёл старик. У него было оборванное платье, и он, опираясь одной рукой на палку, с жалким видом тянул другую руку, прося подаяния.

Я не смог отказать ему. Протянул еду, которая оставалась. Он схватил меня за руку, и я понял, что этот старик приходил ко мне во снах. Внезапно я почувствовал обман. Калапа — город, в котором не может быть нищих и голодных. Про неё рассказывали другое. И кто тогда этот старик?

Вишвамата закричала, что нас обманывают, что в Калапе не может быть нищих стариков. Я стоял, ничего не понимая, меня тянули за руки в разные стороны девушка и старик. Через какое-то время лицо старика стало меняться. И перед нами стоял статный мужчина в светлой одежде. Через минуту это была женщина. Мирворт — так представилось это существо, сказав, что наш ум не принимает ещё Калапу такой, какая она есть и что, если мы хотим видеть его мужчиной, пусть так будет.

Мирворт сказал, что знает цель нашего похода, что он ждал нас многие столетия. И теперь он расскажет, как живут в Калапе, и проводит нас во дворец.

И что прежде, чем мы войдем во дворец, нам надо освоить практики успокоения ума, так как царь Калапы очень чувствителен и ему сложно будет находиться в присутствии столь беспокойных существ. Мы это сполна продемонстрировали, когда Мирворт обратился к нам в образе нищего старика.

Мирворт взял меня за руку, я взял руку Вишваматы, и мы пошли. Внезапно мы пробежали лес, и город стал стремительно приближаться. По дороге Мирворт рассказывал, что в городах, простирающихся у подножия этих гор, живут люди, которые объединяют в себе оба пола: мужские органы на их телах располагаются с правой стороны, а женские — с левой. «Живущие тут есть мужчины и женщины в одном теле. Орган мужского пола расположен посередине в правой части бедра, а женский — посередине в левой части бедра. Каждые три месяца из левого бедра рождается ребёнок...»

Перед входом в город Мирворт остановился и указал на маленький домик у дороги. Он сказал, что в этом доме мы проведём ночь, а завтра он придёт к нам и продолжит разговор. Мы дошли до дома вместе, зашли в него, и Мирворт растворился в воздухе, как будто его и не было. Мы не посмели выходить на улицу, поели и легли спать.

Когда мы проснулись и оделись, пришёл Мирворт. Он сказал, что будет приходить к нам раз в день, мы проживём в этом доме, пока не научимся проходить через городские ворота, потом переселимся на край города, потом ближе к дворцу и, когда станет возможно, — пойдём во дворец.

Мы не стали спорить, хотя что может быть проще, чем пройти через ворота города? Мирворт как будто слышал наши мысли. Улыбнулся и приказал девушке остаться, а меня взял за руку и повёл к воротам.

Чем ближе мы подходили к воротам, тем сильнее меня охватывал ужас. Как будто тысячи иголок впились мне в кожу. Глаза в какой-то момент перестали видеть. Я очнулся, когда Мирворт поливал мне водой в лицо. Я увидел, что лежу под тем деревом, под которым мы встретились, и рядом стоит Вишвамата. Мирворт сказал, что неподготовленному человеку невозможно пройти через ворота живым. Он дал нам мантру и наставления, как выполнять практику, и ушёл. Сказал, чтобы мы сами дошли до дома, в котором спали.

Мы шли до дома несколько дней и не могли дойти даже до леса. Читали и учили мантру и делали практику. Что-то не получалось. Есть и пить не хотелось, спать тоже. Только к концу пятого дня мы смогли прочитать всё верно — и сразу же оказались около дома. Мы вошли и поели. Воды в доме не оказалось. Еды оставалось мало. Мы продолжили читать мантру и делать практику.

Наконец появился Мирворт. Он предложил мне ещё раз попробовать войти в город. Он сказал, что Вишвамата войдёт, он это чувствует, а во мне остался страх. Всё же втроём мы преодолели преграду у ворот, и Калапа открылась нам во всей красоте.

Мы вошли в город, смотрели на прекрасные здания из драгоценных камней, которые переливались на солнце, окружённые садами и цветами, а Мирворт рассказывал нам, что Калапа имеет очертания мандалы, её окружает кольцо гор, лес в три ряда, словно чётки, крепостная стена с восемью воротами, двадцать восемь городов-провинций, а в центре — столица Калапы, построенная в форме квадрата, с округлым центральным зданием, выстроенным из драгоценных камней.

Сообщение между Калапой и малыми государствами Шамбалы устроено следующим образом. В каждом из них имеются жезлы, называемые «обладающие силой ума». Гонцу, взявшему такой жезл в руку, достаточно лишь представить в уме место, в которое ему нужно попасть, как в тот же миг он оказывается там.

Главой каждой провинции поставлен генерал, которого увидеть можно было только три раза в году — на праздник Перехода года, на День рождения короля и на День рождения самого генерала. Люди Калапы подчинили себе все высшие силы и разговаривают на языке богов — санскрите.

Так мы прошли вдоль стены и остановились у небольшого дома, стены которого были инкрустированы зелёными камнями, похожими на изумруды, и вошли в него.

Мирворт сказал, что вход в Калапу таит угрозу для неподготовленных людей, и для нас в том числе, поскольку за всё, что ценно, следует платить, а развитие личности, её зрелость — одна из самых значительных вещей на Земле, ради которой приходится жертвовать

своей невинностью, чувством самосохранения, убеждениями, иллюзиями и надеждами.

Нас встретила девочка, которая улыбнулась, представилась Миррой и сказала, что будет приходить к нам и рассказывать про Калапу.

Мы уселись за стол, поели фруктов и слушали Мирру. Она рассказывала, что жили местные жители ровно по 120 лет, то есть последний День рождения это был и день смерти. Все они были верующие и называли свою религию Великая Истина. Каждый месяц они собирались два раза на религиозный праздник и читали хором молитвы. Это были дни полнолуния и рождение новой луны. Длились эти праздники три дня. В это время никто не пил и не ел.

— Почему у вас век не сто, а сто двадцать лет? — спрашивал я.

— Это не век, а два по шестьдесят лет. Время не делится на сто, а только на двенадцать, двадцать четыре и шестьдесят. У вас сколько секунд в минуте, а минут в часе? У нас все с детства изучают астрологию под названием «Колесо Времени». Также у нас нет трёх времен, а есть только одно — настоящее. Прошлое — это причина сегодняшнего дня, а будущее — это следствие, — отвечали мне.

Мы быстро уставали и засыпали. Утром мы практиковали, как нам показывал Мирворт, а днём приходила Мирра и продолжала рассказывать: «Каждая семья должна была отстроить часть большой янтры в центре города, для этого нужно было натаскать больших камней и отшлифовать их. Камни были огромные, и, чтобы их натаскать, надо было пригласить музыкантов, и они с помощью семи больших труб играли определённые молитвы, и тогда можно было передвигать эти глыбы одной рукой. Они создавали определённые звуки на определённой частоте, и за счёт вибрации предметы, на которые были направлены инструмен-

ты, становились невесомыми. Только любили они сыр и поэтому работали только за сыр». Местная монета называлась каршапани.

Как-то Мирра рассказала, что жители Калапы все вегетарианцы, поэтому сажают овощи и фрукты, а ещё производят козий сыр, но его делают мало. Чтобы получить молоко, надо было ждать, когда козлёнок напьётся молока.

Мы с девушкой переглянулись и поняли, почему дедушка-проводник почти сразу же запретил нам есть мясо. Мы бы просто не смогли попасть в Калапу. Мы не стали рассказывать Мирре, что на земле есть города, где убивают животных и людей...

Мирра рассказала, что все дети ходят в местный храм получать религиозное образование, там они изучали основы Великой Истины, и ещё их учат выводить своё сознание в астрал и путешествовать. Самые одарённые потом переходят работать во дворец уборщиками или поварами для коллегии Махатм, то есть Великих Учителей. Если потом ещё больше повезёт, можно было попасть и в королевский дворец, который находился в центре всех провинций. Из королевского дворца исходил свет, и его было видно днём и ночью из всех точек государства. Говорят, что когда-то давно с неба упал сверкающий метеорит и на нём был построен дворец.

В следующий раз Мирра сказала, чтобы мы вышли с ней в город – посмотреть на праздник. Она рассказала, что это день рождения одного из генералов провинций. Мы вышли на какую-то площадь, зашли в большой сверкающий дом, вышли на балкон и с балкона стали наблюдать за процессией. В процессии шли совершенно обнажённые женщины, в костяных браслетах и коронах из черепов, и показывали разные чудеса левитации. Они были довольно молодыми и красивыми. Мы не смогли сдержать удивления, а Мирра

только улыбалась и махала им руками. Потом процессия ушла на другую площадь, а мы пошли домой.

Это был первый наш выход в город, и мы с жадностью разглядывали всё. Мужчины-миряне были одеты в головные уборы и хлопковые одеяния белого или красного цвета, женщины носили белую или синюю одежду почти без драгоценностей и узоров. В Шамбале множество монахов.

Нам встретились странные люди, которые сидели в оврагах и резали камни. Мирра сказала, что это резчики изображений генералов на камне. По её равнодушному взгляду мы поняли, что профессия не очень приветствуется в городе.

Ещё за эту короткую дорогу мы встретили странно-го человека. Его одежда была цветной, а не такой, как у всех остальных. Тонкие цветные полоски прикрывали нагое тело, как перья диковинной птицы. Мирра остановилась, попросила нас отвернуться и пропустить странного прохожего.

Дома она рассказала, что это изобретатель, он был местным шутком — то он придумывал самокат, то обещал взлететь. Но всегда у него что-то случалось, что-то ломалось, и весь народ над ним смеялся. Мирра сказала, что мало кто помнит, что с ним происходит, если встречается с этим человеком. Но она тихонечко подглядела. Прохожие, которые смеялись над изобретателем в цветных одеждах, превращались всегда во что-то на пару дней. Она видела, как проходящий мимо горожанин пробормотал: «Тупой как камень» — и превратился в булыжник на улице, другой — в козлёнка. Как-то она поймала на себе взгляд этого странного человека и, испугавшись, убежала. А потом она шла как-то и видела, как козлёнок превращается обратно в человека.

Пришел Мирворт и принёс воды. Вода в Калапе была редким и ценным напитком. Вместо воды все пили

соки из фруктов. Мирворт сказал, что он был сегодня во дворце короля. И тот дал ему для нас воды. И, рассмеявшись и погладив Мирру по голове, сказал, что человек в цветных одеждах — Великий Учитель.

Мирворт рассказал, что практически всё время жизни жители Священной страны проводят за выполнением йогических практик и чтением священных книг — в первую очередь трактатов Калачакра-тантры. Многие из них достигли высоких уровней реализации. Они подчиняют себе существ нечеловеческой природы, которые служат им. Чтобы указывать жителям на отклонения в практиках, Великий Учитель ходит по городу в своих странных одеждах и помогает им. Король когда-то давно принял от него такой вид служения.

В один из дней я увидел странный сон. Мне приснилось поселение, из которого я вышел в это удивительное путешествие, там заметили мое исчезновение. Я словно переносился из дома в дом и слышал, как разные люди предлагают разные версии и причины исчезновения. Кто-то решил, что я, испугавшись трудностей работы с местной ребятней, как и многие другие, уехал, кто-то решил, что меня забрали демоны, так как никто не увозил меня из поселения и никто не встречал меня, уходящего из поселения; видел, что дети, которых я учил, очень скучают по своему новому учителю, так как успели полюбить меня и подружиться. Во сне я будто раздвоился. Я знал, что могу вернуться в поселение и, снедаемый желанием остаться жить в Шамбале, мучился вопросом: что же делать? Я также успел привязаться к своим маленьким подопечным, но и жить по правилам поселения мне было в тягость — я не был уверен в своих силах. Единственное, что меня удерживало там, это обещание, данное Учителю, ведь это он направил работать в школу отдалённого поселения. Размышляя так во сне, я понял,

что виной всему Я-привязанности, которые то и дело раньше омрачали ум. Вдруг картинка преобразилась, и я, ослепший от света, предстал перед Королем Калапы. Один его вид так потряс мое сознание, что вдруг я понял, что в своих метаниях забыл даже об обете бодхисаттвы, который впервые в жизни дал еще ребёнком, представляя в игре себя учеником Львов Человечества, а позже и во время принятия прибежища в монастыре. Король Калапы восстановил мои обеты, дал мне учение, и рассказал мне, что причиной упадка силы живущих в поселении людей стала их бесконечная жалость к себе и своим собратьям. Фактически последнее столетие они сами день за днём лишали себя силы. Теперь Король Калапы, мой Учитель, обязал меня вернуться в поселение с новыми знаниями и пониманием, как работать с этими детьми. По возвращении свой первый урок я начну со сказки о бодхистаттве, который потерял свой обет (а вместе с ним и смысл жизни) и чуть не погиб, но благодаря поддержке хранителей Волшебной страны вспомнил и снова ощутил ценность жизни. Потрясенный сном я проснулся. Хоть и во сне, но я обрел потрясающего Учителя, я обрел смысл жизни, я восстановил утерянные обеты, я понял причину своих страхов и метаний, теперь эта причина была устранена. Мне казалось, что всё со мной происходило не во сне, а наяву, и восстановленные обеты своей силой подтверждали это.

Утром Мирворт отвёл нас во Дворец Ригданов. Мы через весь город пошли к цели, достижение которой должно было завершить наше путешествие. Чем ближе мы подходили, тем ярче и нестерпимей становился свет, исходящий от дворца.

Вблизи стало понятно, что дворец построен из всевозможных волшебных драгоценностей, испускающих яркое сияние. Мирворт сказал, что дворец обладает различными чудесными свойствами. Глядя на его зер-

кальный пол, можно увидеть происходящее на дальних расстояниях — в воздухе, на земле и в водных глубинах.

Мы обошли дворец от северной до южной стороны и увидели возвышающиеся, построенные Царями Шамбалы, лойланы (трехмерные Мандалы, или модели дворца) божества Калачакра. Невозможно описать то, что произошло с нами в ту секунду, когда мы увидели их. Мирворт лишь смотрел на нас и улыбался. Он поприветствовал нас как равных, и только теперь нам открылось всё величие и великолепие этой прекрасной страны.

С высоты, на которой располагался дворец, были видны как на ладони причудливые и прекрасные дома жителей Калапы.

И вот мы вошли во дворец. Мы были потрясены великолепием и волшебством. И были готовы услышать от короля Калапы всё, что угодно, но не то, что он нам сказал. Он читал мантры и говорил о великой битве, он сказал, что призывает всех воинов, что вестники пришли. Но это уже другая история. Наше путешествие не закончилось, отнюдь.

Король Калапы, глядя на меня, кивком словно подтвердил свои указания. Я должен вернуться в поселение с новыми знаниями и пониманием, как работать с этими детьми. Эти дети станут воинами Шамбалы, их дети и дети их детей, и многие, кто придёт в отдалённое поселение и получит новые знания.

В следующий момент мы словно моргнули, а, открыв глаза, я обнаружил себя снова.

Дорога всё время шла в гору. Наш старенький китайский минивэн, такой узкий и длинный, словно табуретка на колесах, упрямо перебирался через финальный перевал. Асфальт давно кончился. Последние две сотни километров минивэн-табуретка тащил свои круглые ноги по каменной грунтовке, оставляя

за собой мутное облако пыли. Почти все его пассажиры, измотанные долгой тряской, мирно дремали: одни — прислонившись лбом к холодной глади окна, другие — повесив голову на грудь, третьи — закинув её на низенькие подголовники потрёпанного жизнью автомобильчика. Не спал я один.

— Приехали! — сурово раздалось со стороны водительского сиденья, затем рядом с ним послышался жуткий скрип, хлопок, часть машины откинулась вбок, а сам водитель вышел, развернулся и твёрдо прихлопнул железяку, которую в начале жизненного пути минивэна по праву именовали дверью, обратно к машине.

— Что случилось, шеф? — крикнул кто-то из пассажиров. — Куда мы приехали?

— Кипим. Сейчас поостынем и двинемся дальше. Ещё пятьдесят километров — и вы на месте, — шеф китайского минивэна жадно прикурил сигарету.

Незапланированная остановка пришлась по душе не только нашей таратайке. Пассажиры, словно птенцы из гнезда, вывалились из дверей минивэна по своим делам. Как замороженный я стоял на краю крутого обрыва. Далеко внизу, в расщелине между отвесными скалами, текла бурная горная река. Звук её разбивающихся о камни вод не смолкал ни на секунду.

Я понимал, что мне предстоит вернуться в поселение вновь, помнил легенду, которую должен рассказать детям, помнил задачу, которую мне обозначил король Калапы, и был готов выполнить её. Я был готов выполнить всё и сверх того, чтобы мой новый Учитель продолжал являться ко мне во снах и давал бы мне наставления. Я знал, что к концу своей жизни вернусь в Калапу вновь, а потом встану под знамена.

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ЭЗОТЕРИКИ

16+

Издание для досуга

Алексей Тенчой
ПУТЕШЕСТВИЕ В ШАМБАЛУ

Ответственный редактор *Е. Парфенова*
Корректор *Т. Бородоченкова*
Технический редактор *Т. Тимошина*
Компьютерная верстка *В. Брызгаловой*
Дизайн обложки *А. Воробьев*

Подписано в печать 27.03.2019. Формат 84×108/32.
Усл. печ. л. 16,8. Печать офсетная. Гарнитура NewBaskervilleTC.
Бумага офсетная пухлая. Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС
2008); 58.11.1 – книги, брошюры печатные.

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2019 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 705,
помещение I, этаж 7
Наш электронный адрес: www.ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, Мәскеу қаласы, Звездный бульвары, 21-үй, 1-құрылым, 705-бөлме, яI-жай,
7-қабат

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию
в республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92
Факс: 8(727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған